

А.М. Малолетко

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ

А.М. Малолетко

**ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ
ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ ПО ДАННЫМ ТОПОНИМИКИ**

**Том V
СИХИРТЯ**

*** * ***

**Alexei M. Maloletko
Ancient Peoples of Siberia according toponimical Data
Volume V
The Sikhirtya**

**Alexej Maloletko
Die Urvölker Sibiriens nach den Angaben der Toponomastik
Band V
Die Sichirtja**

Томск – 2006

УДК 413.11+9(571.1/5)+905.7(571.1/5)
ББК Т52(2РОС5)+Т3(2РОС5)+Ш103.14(2РОС5)
М197

М197 **Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 5. Сихиртя. – Томск: Печатная мануфактура, 2006. – 208 с.**

ISBN 5-94476-077-X

В пятом томе на основе археологических, топонимических, языковых материалов рассмотрены вопросы происхождения одной из локальных групп населения циркулярной зоны – сихиртя, морских зверобоев и охотников на дикого оленя. Изложены версии автора о возможных родственных связях сихиртя с другими группами населения лесной зоны Северной Евразии и высказана точка зрения о полигенетичности древнего населения Субарктики.

Для широкого круга читателей – историков, географов, археологов, антропологов и всех, кто интересуется происхождением и историей сибирских народов.

УДК 413.11+9(571.1/5)+905.7(571.1/5)
ББК Т52(2РОС5)+Т3(2РОС5)+Ш103.14(2РОС5)

Рецензенты: доктор филологических наук **О.А. Осипова**,
доктор исторических наук **Л.А. Чиндина**

The fifth volume is dedicated to the origin of one of local groups of the population of the circumpolar zone – the sikhirtyans who hunted sea animals and wild deer. The author's approach is based on the data of archaeological, toponymic and language materials. The author gives his version about possible kinship relations of the sikhirtyans with other groups of the population of the forest zone of Northern Eurasia. The author presents his own opinion about the polygenesis of the ancient population of subarctic zone.

The book is aimed at a wide range of readers: historians, geographers, archaeologists, anthropologists and it will be useful for everyone who is interested in the origin and history of Siberian peoples.

ISBN 5-94476-077-X

© А.М. Малолетко, 2006
© В.Г. Караваев, обложка, 2006
© ООО «Печатная мануфактура», макет, 2006

*Женщине,
которая любила меня*

Введение

Немало легенд записано от ненцев о таинственном народе сихиртя (сиирти, сиртя, сихирча), который занимался промыслом морского зверя в северных морях и охотой на дикого оленя в тундре и лесотундре на огромном пространстве от Енисея до полуострова Канин нос. Поражает совершенная тождественность представлений ненцев об этом древнем народе, где бы ни записывались эти легенды. Легенды, насыщенные житейскими подробностями, сводятся к следующему. Сихиртя такие же люди, как ненцы, только ростом меньше. Сихиртя стали жить под землей сравнительно недавно. Раньше они жили подобно людям на поверхности, причем заселяли тундру задолго до того, как там появились ненцы и другие самодийцы¹ (Васильев В.И., 1977, с. 123). После потопа (или войны) они спрятались под землю, где пасли стада мамонтов; жили в сопках. Иногда и теперь их голоса слышатся по ночам, когда они рыбачат. В сопках находят украшения – металлические бляшки, колокольчики, изготовленные из какого-то тускло поблескивавшего металла. Сихиртя боятся солнечного света и выходят на поверхность только по ночам. Для людей они безопасны, никогда на них не нападают, стараются избегать встреч с человеком.

Более двухсот лет ученый мир пытается определить суть и место в истории населения евразийской Арктики таинственных сихиртя, морских зверобоев и охотников на дикого оленя. Однако первые сведения о них появились около 1000 лет назад.

Впервые об этом народе поведал летописец, услышавший от ладожан в 1114 г. рассказ некоего новгородца Гюраты Роговича: *«яко послах отрок свой в Печеру, люди иже суть дань дающие Новгороду; и пришедшу отроку моему к ним, а оттуда иде в Югру, Югра*

¹ Этноним *самодийцы* ввел в научный обиход Г.Н. Прокофьев в связи с упразднением этнонима *самоеды* (Бояршинова З.Я., 1960, с. 26).

же люди есть нем, и соседят с самаюдью. Югра же рекоша отроку моему: дивно мы находим чудо, его же несмы слышали прежде сих лет, се ж третье лето поча быти, суть горы заидуче в луку моря, им же высота аки до небес, и в горах тех клич велик и говор, и секут гору, хотяще высечися; и в горе той просечено оконце мало, и туде молвят, и есть не разумети языку их, но кажут на железо и помовают рукою, просяще железа; и аще кто даст им ножь ли, секиру, и они дадут скорою противу» (Повесть временных лет..., с. 127).

В 1653 г. датчане организовали торговую экспедицию на трех кораблях к северным берегам Московии. Посетив Лапландию, корабли направились на восток, достигли о-ва Борандай (правильно Варандей, или Песяков; лежит к востоку от Печорской губы). Датчане совершили сухопутное путешествие через Большеземельскую тундру в Сибирь, стремясь достичь города Папин (Ляпин?). В этом путешествии принял участие судовой врач француз Пьер-Мартин де Ламартиньер (П.-М. де-ла-Мартиньер, Лямартиньер). В книге «Путешествие в северные страны...», опубликованной в 1671 г. (русский перевод 1911 г.), любознательный врач описал борандайцев, жителей мыса Борандай (Варандей), их внешний вид и одежду, жилища, занятия. По описанию Ламартиньера, борандайцы «...были еще ниже ростом, чем лапландцы... голова большая, лицо плоское и широкое, очень курносое и чрезвычайно смуглое, ноги большие...». Сведения, сообщенные врачом, были восприняты как баснословные, но позднее нашли подтверждение (Магидович И.П., Магидович В.И., 1984).

Во второй половине XVIII в. академик И. Лепехин (1805, с. 203) со слов информаторов записал: *«Вся самоедская земля в нынешнем Мезенском округе наполнена запустевшими жилищами некогда древнего народа. Находят оные на местах: при озерах, на тундре, в лесах, при речках, сделанные в горах и холмах наподобие пещер с отверстиями, подобные дверям. В сих пещерах обретают печи и находят железные, медные и глиняные домашних вещей обломки».*

Архимандрит Вениамин (1855) упомянул о чудских земляных пещерах по р. Коротанха (впадает в Баренцево море между Хайпудырской губой и Югорским полуостровом), в которых некогда жила чужь. Пещеры эти найдены на кособоре, который издавна назывался Сирте-ся 'чудская гора' (рис. 1).

Кара славится омулями, а *Коротаиха* замѣчательна п оби-
ліемъ рыбныхъ промысловъ, и чудскими земляными пеще-
рами, въ которыхъ, по самоѣдскимъ преданіямъ, когда-то въ-
древности жила Чудь. Пещеры эти въ 10 верстахъ отъ устья,
на правомъ берегу, на косогорѣ, который издревле по-само-
ѣдски называется *Сирте ся* (Чудская гора).

Рис. 1. Копия текста о сихиртя из работы Вениамина (1855)

Впервые предания о сихиртя записал в 1837 г. у ненцев Больше-
земельской тундры А. Шренк (1855). Досамоедское население тунд-
ры А. Шренк считал чудью, то есть чужим народом, привел также
их самоедское название – сирте. Этот чужой народ промышлял ди-
ких оленей, рыбу, морского зверя, говорил на языке, отличавшемся
от ненецкого. С приходом самоедов (ненцев) сирте будто бы ушли
под землю.

Не только в самодийской среде известны предания о древнем
народе сихиртя. Известны сказания кетов о враждебной кетам «зем-
ляной» *сирис*, одетой в глухую одежду из медвежьей шкуры (Нико-
лаев Р.В., 1986, с. 117).

После долгого перерыва вновь появляется информация о сихир-
тя. Она исходит от археологов (Н.В. Федорова, Л.П. Хлобыстин,
В.Н. Чернецов, Г.А. Чернов), этнографов (В.С. Бурдов, В.И. Василь-
ев, В.А. Головнев, Л.П. Лашук, Е.Д. Прокофьева, Ю.Б. Симченко,
З.П. Соколова, Л.В. Хомич).

Накоплен значительный фольклорный материал, который рас-
ширяет археологические и этнографические сведения о сихиртя
(Лашук Л.П., 1958; Симченко Ю.Б., 1976; Хомич Л.В., 1970, 1978;
Темкин Г., 1988). Обращает на себя внимание тот факт, что фольк-
лорные сюжеты о сихиртя известны по обе стороны Урала и только
на территории ненцев, которые являются самыми поздними в Запо-
лярье самодийскоязычными пришельцами. Нет сюжетов такого рода
ни у энцев, ни у нганасан. Основываясь на этом, Ю.Б. Симченко
(1976) высказал предположение о том, что эти самодийцы имеют
какую-то генетическую связь между экзогамными группами энцев
и нганасан, с одной стороны, и мифических аборигенов – с другой.

Следует отметить, что легенды о сихиртя относятся к типу *ва'ал*,
или *лахнаку*, которые являются преданиями, имеющими реальную

основу. Это свидетельствует в пользу предположения о том, что сихиртя действительно существовали в тундре до прихода туда поздних самодийцев.

Ниже приведен текст трех легенд, записанных Л.В. Хомич в 1962 г. в Ямало-Ненецком округе.

1. Жил ненец с матерью около большого озера, у них были олени. Как-то сын пас оленей возле сопки и видит: сидит девушка, шьет. У нее был красивый нож для кройки шкур, позолоченный (рассказчик назвал *сихиртя хар*, т.е. нож сихиртя). Парню понравился нож, он стал подкрадываться и не заметил, как девушка скрылась. В следующий раз то же самое. Через некоторое время держал этот ненец путь к чуму, устал, сел на пригорок посидеть и уснул. Кто-то его будит. Смотрит – молодой парень вместо оленей мамонтов держит (мамонт по-ненеши *я хора* 'земляной олень-самец'). Позвал за собой. Пошли к сопке, вошли в пещеру. Там сидят старик, старуха и та девушка. Старик велел накормить гостя, парень принес огромную рыбу, разделал тем красивым ножом (или другим, похожим). Ненец все на нож смотрит. Потом ушел. На следующий день пошел на то место, где девушку раньше видел, а там нож лежит. Так у него и остался этот нож. Старики видели.

2. Этот рассказ ненец И. Салиндер слышал в 20-х гг. от ненца Вэхэбта Тусяда с Ямала. Жил в районе современного поселка Новый Порт его знакомый ненец рыбак с матерью. Они жили около сопки. Парень рыбак часто поднимался на сопку и в шутку стучал по земле, говоря: «Старик сихиртя, отдай дочь в жены, а то разрушу твой дом!». Как-то приходит рыбак домой ночью, мать уже легла, она говорит: «Не могу встать, неможется, утром чаю попьем». Парень лег на постель и чуть было не уснул, как кто-то говорит, слышно на улице: «Где ты? Я пришла!». Парень испугался и не ответил. Входит девушка – маленькая, но красивая. Говорит: «Меня отец прислал, чтобы ты не разрушил дом». Парень все не отвечает, только смотрит. А на шестах для подвешивания костра (*ти*) висел осе́тр (*ехэна*). Девушка как увидела его, так убежала. Больше не приходила. Парень свой чум перенес подальше от сопки.

3. Ехал ненец по тундре и вдруг увидел двух незнакомых людей. Они играли (боролись) около обрыва. Как только они увидели человека с оленями, сразу скрылись – как под землю. Ненец постоял и увидел на месте, где они играли, мешочек, украшенный разноцветными камнями. Он взял его, а сам спрятался неподалеку. Через некоторое время показались двое незнакомцев и стали искать свой мешочек. Не обнаружив его, они стали обсуждать, куда он мог деться и не упал ли он с обрыва. Когда оленевод вышел из засады, они снова скрылись, а он положил мешочек на место и спрятался. Неизвестные снова появились, взяли мешочек и исчезли. Больше не появлялись. Ненец понял, что это были сихиртя.

Ныне молодое поколение ненцев уже не знает легенд о сихиртя (сиртя), но некоторые старики еще подтверждают, что были раньше сиртя – маленькие человечки, колдуны, которые избегали людей, прятались в сопках, а если кто встречался с ними, с тем вскоре случалась беда.

Но писателю Григорию Темкину в мае 1987 г. удалось записать от старой канинской ненки рассказ о том, как две сестры-старушки из рода Выучей на рыбалке повстречались с сихиртя (Темкин Г., 1988).

Замечают раз бабки: рыба на одном озере из сетки пропадает. Везде ловится, а на этом пусто, только слизь да чешуя в ячеях. Решили ночь сторожить, подсмотреть вора.

Долго ли ждали, коротко – слышат, хнычет кто-то. Тоненько, будто дитя плачет. Одна сестра испугалась, а другая не боится, нет, говорит, посмотрим. Посидели еще сколько-то, подождали – и дождались. Видят: словно снег с сопки помело. А ведь лето стояло, какой там снег. А облачко к озеру все ближе и ближе... Потом по воде пошло, над сетью остановилось. Пригляделись бабки и обмерли. Не облако это, а мужик в белой малице. Маленький, как ребенок, волосы тоже белые, а руками все перебирает, перебирает – и рыба сама к нему из сетки в мешок прыгает.

Сидят бабки в кустах ни живы, ни мертвы, шелохнуться боятся, а мужичок рыбу выбрал да на бабок как зыркнет! Знал, видно, что прячутся они тут. Погрозил им пальцем вот так: мол, мое озеро, и рыба моя. И пропал. А над тем местом между озером и небом долго столб стоял из света, будто фонарь кто включил.

Опомнились бабки – и быстрее с того озера, пока целы. Испугались сильно, не ходят туда больше, однако. Одна из старушек вспомнила, как ей еще ее бабка рассказывала: всегда в этих сопках они жили. Кто они? Да сиртя, кто ж еще. Черт – не черт, человек – не человек; днем под землей прячется, ночью гулять, промышлять выходят. Раньше, старики говорили, их много по тундре жило.

Этническая принадлежность сихиртя определялась по-разному. Долгое время господствовало мнение, что это предки палеоазиатов – чукчей, эскимосов, коряков и, возможно, других племен Северо-Востока. Но постепенно появлялись материалы о бродячих охотниках за оленями и из других районов севера – из Большеземельской тундры, низовий Оби, по Тазу (Хальмер-седе), на Ямале. Л.П. Лашук (1968) вводил охотников за оленями в круг уральских племен. По мнению Л.В. Хомич (1970, с. 68), сихиртя – это протоуральцы, которые из низовий Оби продвинулись на запад, образовав впоследствии саамов, а восточная их ветвь являла собой предков юкагиров и других палеоазиатов.

В последнее время возрос интерес к гипербореям – народу северного происхождения. Обычно в этих гипербореях видели предков ариев, о чем имеется немалая научная и околonaучная литература. Однако известна попытка включить в число гипербореев и сихиртя (сиртя). Так, Г. Темкин (1988), опираясь на фольклорные сведения об их малом росте, темной коже и приплюснутом лице (с. 12), увидел в них негроидов-пигмеев. Как они появились на Севере? Ответ Г. Темкин нашел в легендах Древней Греции. Когда Геракл прилег отдохнуть, пигмеи, жившие в норах в песке, напали на него. Рассерженный Геракл сгреб их всех в свою накидку и унес ... на север.

В качестве подтверждения этой версии Г. Темкин приводит надпись на картах Арктики, составленных средневековыми картографами Г. Меркатором и Я. Бушмехерсом: *«здесь живут пигмеи, их рост около 4 футов, и жители Гренландии называют их скрелингерами»*.

История сихиртя является частью большой проблемы происхождения циркумполярной культуры, которая сложилась в сходных природных условиях (астрономических, метеорологических, географических, флористических и фаунистических, по В.Г. Богоразу), обусловивших чрезвычайное сходство и в быте и мировоззрении древних насельников Заполярья и Приполярья – от лопарей Северной Норвегии до альгонкинов Северной Америки (Гурвич И.С., 1980). Однако единое мнение о сути и происхождении этой культуры не сложилось. Об этом свидетельствует обзор точек зрения, сделанный Ю.Б. Симченко (1976, с. 7 и др.).

По Ф. Гринбергу (1911), культура эта оформилась конвергентным путем на базе разноэтнических коллективов охотников. В.Б. Богораз в 1929 г. поддержал Ф. Гринберга, но допускал, что культуры заполярных охотников имели единый этнический пласт. Ф. Флор в 1930 г. даже определил этот пласт как протосамодийский. К. Вислер в 1917 г., Р. Лови в 1923 г., А. Холловел в 1926 г. даже определили единый центр заложения полярных культур – Азиатский материк.

Г. Хатт в 1916 г. утверждал, что население циркумполярной зоны было представлено носителями двух культур – прибрежной (эскимосы) и внутриматериковой. Г. Джесинг (1944) на основании археологических данных также выделил две синхронные циркумполярные культуры – приморскую (арктическое побережье) и внутриматериковую (лесная зона). Сходное мнение высказал А.М. Золотарев (1937). Г.Н. Прокофьев (1940) даже определил две этнические группы. Одна из них (восточная) *тян* как-то была связана с саянскими самодийцами, а в формировании ненцев приняли участие аборигены *кул* (западная группа).

Резко противоположную позицию заняла В.И. Мошинская в 1962 г., которая считала циркумполярную культуру фикцией. По ее мнению, совпадения в духовной и материальной частях культуры объясняются как одинаковыми формами хозяйства, так и традициями,

унаследованными от какого-то субстрата или от тесного контакта различных этнических групп.

Краткий обзор показывает, что циркумполярная культура воспринимается как реалья. Складывается впечатление, что в ее состав входят разнотничные, возможно, разновозрастные группы древнего населения Арктики и Субарктики. Прямая или опосредованная связь их с южными (лесными) группами вполне допустима.

Циркумполярный характер рассматриваемых культур предопределен природными факторами, которые обусловили сходный тип занятий, быт и мировоззрение. Пространственная структура циркумполярного пояса показана на рис. 2.

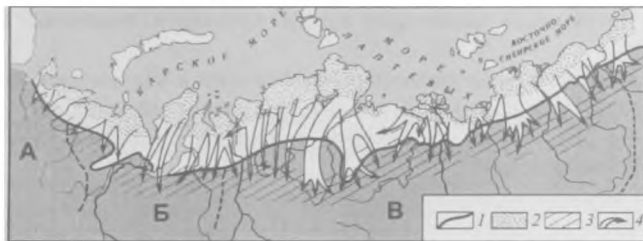

Рис. 2. Циркумполярная зона Северной Евразии: 1 – северная граница леса; 2 – летние пастбища; 3 – зимние пастбища; 4 – миграционные пути (Симченко Ю.Б., 1976, с. 85)

Несмотря на стабильный интерес в течении всего XX в., проблема сихиртя до сих пор является открытой и далекой от разрешения. Сотни и тысячи лет отдаляют нас от процесса зарождения проблемы, забываются легенды и их герои. Археологический материал по ним и недостаточен и неоднозначен. Похоже, сложились некоторые общие стереотипные представления об этом таинственном народе, которые, видимо, считаются достаточными, при этом обобщающего исследования до сих пор не выполнено.

Автор практически никогда прежде специально не интересовался историей сихиртя. В предыдущих исследованиях была предложена версия о путях ранней миграции человека разумного. На основе этой версии была рассмотрена история формирования некоторых народов Сибири (угры, самодийцы, кеты, арии). В соответствии

с этой версией нами предпринята попытка найти место таинственных сихиртя в древней истории охотников на дикого оленя и морских зверобоев, создавших циркумполярную культуру в Заполярье и Приполярье на огромном пространстве от Аляски до Северной Норвегии. В своем исследовании мы исходили из общепризнанной идеи реальности сихиртя как древней популяции Северной Евразии. Для решения поставленной задачи мы использовали литературный материал археологического, палеоантропологического, этнографического, фольклорного, лингвистического и топонимического плана. Обобщение этого материала показало, что история сихиртя может быть реконструирована после решения следующих проблемных вопросов:

1. Не входили ли сихиртя в круг культур с вафельной керамикой?
2. Не родственны ли таинственные сихиртя ительменам, соорудившим жилища с входом через дымовое отверстие в крыше?
3. Не родственны ли сихиртя носителям кулайской культуры эпохи раннего железа?
4. Циркумполярная культурная зона – миф или реальность?

Структура работы и подбор материала подчинены решению этих вопросов.

Глава 1

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О СИХИРТЯ?

Сведения о сихиртя столь малочисленны, отрывочны, что приходится по крупинкам собирать информацию, разбросанную в изданиях давних и недавних лет, в которых подчас лишь попутно что-то сообщается и о них. Специально сихиртя посвящены работы Л.П. Лашука (1958, 1968), Л.В. Хомич (1970), А.В. Головнева (1995). Значительный материал о них изложен в работах Л.В. Хомич (1976, 1986), Ю.Б. Симченко (1976).

Внешний вид сихиртя

Антропологические материалы по сихиртя чрезвычайно бедны. Костяк, обнаруженный в землянке на мысу Хаэн-сале, принадлежал мужчине пожилого возраста. Отмечается его низкорослость (159,7 см) и значительная брахикефалия (круглоголовость; черепной указатель 82,06) при низком черепе.

Г.А. Аксянова (Этнография..., 2003, с. 272) реконструировала физический тип аборигенов, которые вошли в состав саамов, особенно кольских, и европейских ненцев. Аборигены были низкого роста, имели брахикефальную (круглую) голову с малым размером в диаметре, некрупное лицо с нерезко выраженными монголоидными чертами (впрочем, сильнее, чем у саамов). Там же указывается, что, согласно преданиям ненцев, сихиртя такие же, как они, только маленькие (с. 272).

Пьер-Мартин Ламартиньер в 1653 г. в описании борандайцев, аборигенов большеземельского побережья Баренцева моря у мыса Варандей отмечал: борандайцы были смуглы и низкорослы.

По сведениям Ламартиньера (Чернецов В.П., 1935, с. 129), у женщин волосы были заплетены в две косы, спускающиеся на плечи. Через весь подбородок проведены были голубые линии, и три или четыре линии шли по лбу. Уши и ноздри были проколоты, и в них на колечках из рыбьей кости были подвешены голубые камни с крупный лесной орех, а тот, что висел под носом, – с горошину.

Язык

О языке сихиртя нет прямых свидетельств. Имеются лишь предположения, основанные на догадках.

Англичанин Ричард Джонсон, штурман корабля «Серчтрифт» 'ищи выгоды', зимой 1556/57 гг. в ходе сбора информации о Северной Азии получил неясные сведения о народах близ устья Оби. В частности им упомянуты самоеды, страна которых называлась Малгомзеей (Мангазея русских документов). Далее он писал: *«В той же стране, за этим народом, у самого берега моря, обитает другое племя самоедов, имеющих те же обычаи, но другой язык... За этим народом у самого берега моря, живут другие самоеды, едой которым служит мясо и рыба, товары у них соболя, белые и черные лисицы...»* (Магидович И.П., Магидович В.И. 1983, с. 217). В этом описании смутно усматривается разноразличие северного населения приморской зоны Западной Сибири. Однако возможно предположить, что англичане встретили не сихиртя, а тундровых ненцев на взморье и энцев в лесной зоне.

В.С. Бурдов (1965, с. 257) писал: *«...охотники на морского зверя, которых ненцы называли сиртя, могли быть те же ненцы, говорящие лишь на особом диалекте ненецкого языка»*. О том, что ненцы понимали речь сихиртя, писала и Л.А. Чиндина (1992, с. 20).

Наиболее достоверными следует считать сведения, полученные от ненцев. Л.В. Хомич (1970, 1976, с. 57, 58) приводит слова информатора ненца И. Салиндера, который пояснил, что сихиртя говорят *«как бы по-ненецки, только заикаясь, но понять можно»*. Если опереться на это сообщение, то можно предположить, что язык сихиртя был самодийским.

Этноним и этническая принадлежность

Этноним аборигенов Заполярья произносится по-разному. В западных районах (Печорский край) ненцы произносили *сиртя*, *сииртя*, *сихиртя*, в восточных районах – *сихирча*. Однако основной (исходной) формой является *сихиртя*. Первый вариант (западный) возник в результате потери слабого интервокального х. Второй (восточный) образовался вследствие обычного перехода *т* в *ч*.

Этимология этнонима не ясна. Возможно, этноним исходит из нен. *сихирць* 'приобрести землистый цвет лица'. Или же, по пред-

положению Г.Д. Вербова (Хомич Л.В., 1976, с. 58), нен. *сихирц* ‘чуждаться, избегать’. Из этих версий вторая нам представляется предпочтительной. Л.В. Хомич (1964) предложила следующую этимологию: в основе этнонима лежит глагол *сиць* ‘сделать отверстие, дыру’ (нен. *си* ‘дыра, отверстие’). Однако Л.П. Лашук (1968, с. 190, 191) считал эту этимологию противоречащей морфологическим нормам ненецкого языка. А.В. Головнев (1998) предложил иную этимологию, которую он сводит к нен. *си* (*ся*) ‘вход в иной мир, священный вход’.

Термин *сиртя* (сихиртя), скорее всего, подобно слову *чудь* не имеет достаточно четких границ и может применяться к различным племенам (Чернецов В.Н., 1935). Позднее, в 1953 г., В.Н. Чернецов вполне определенно связывал этноним *сихиртя* с угорским этнонимом *сабир* (савыр, сибир, сипыр). Этноним *s'ihir-t'a* ‘сихиртя’ (восстановленная форма *s'ibir-t'an*) он выводил из *s'ibir*, а второй компонент *-t'an* им определялся как общее самоназвание арктических племен со значением *люди*. Похоже, этимология, предложенная В.Н. Чернецовым, ныне не поддерживается.

В восточных районах ненецкого ареала известен фольклорный персонаж Сэв Сэр ‘белые глаза’, который также являлся морским охотником. С этими охотниками ненцы встречались на побережье Карского моря. Глаза у них белые (светлые) от воздействия морской воды. У этих зверобоев были кожаные лодки (*хобаано*). Якобы от них ненцы переняли способ запряжки собак – цугом (Хомич Л.В., 1986). Объяснение этнонима – белоглазые – невольно заставляет вспомнить белоглазую чудь из северных районов европейской части России.

В энецком фольклоре ненецкому сихиртя соответствует *моррэдэ* ‘охотник на дикого северного оленя’ (Васильев В.И., 1980). Энецкий род Лодоседа ‘без плеч’ уходит корнями в мир охотников на дикого оленя. У лесных энцев рода Ядне ‘пешком идет’ также имеется аборигенный субстрат. Энцы высказывались в пользу того, что нганасанская группа Линанчера восходит к моррэдэ (Симченко Ю.Б., 1976). Возможно, это были юкагиры, так как последние принимали участие в этногенезе нганасан (Долгих Б.О., 1952). В свою очередь, нганасанский фольклор содержит дюрومه (вести) о древнем народе *сюпся*, или *чукча*, которые не едят пищу, а нюхают ее. Соотношение

сихиртя, моррэдэ и сюся совершенно не ясно. Неизвестно, об одном народе идет речь или же имеются в виду различные досамодийские группы населения заполярной тундры. Возможно, в сказании о сюся//чукча отразилась переделка якутских рассказов о чучунай (там же, с. 63). А.В. Головнев (1995) предполагает, что сихиртя – это сборный этноним, который соотносится с протолопарским, протосамодийским и протоугорским населением.

По мнению различных авторов, сихиртя как древнейшее население циркумполярной зоны являются предками:

- юкагиров – Л.П. Хлобыстин (1969, 1973), Б.О. Долгих (1964);
- лопарей (саамов) – В.Н. Чернецов (1964), Л.П. Лашук (1968), Ю.Б. Симченко (1980), А.В. Головнев (1993);

- финской чуди – А. Шренк (1855);
- финно-угорских народов – В.С. Бурдов (1965);
- палеосибирских племен – М.А. Тяботов (1993);
- палеоазиатов, угров, саамов (древних охотников и рыболовов еще недифференцированной уральской общности) – В.Н. Чернецов (1953);

- угров – В.Н. Чернецов (1953), Г.М. Буров (1965);
- протоуральцев – Л.В. Хомич (1970), А.В. Головнев (1995), В.Н. Чернецов (1964);

- палеоазиатов – Г.Н. Прокофьев (1940): сииртя, приморские охотники, входили в круг палеоазиатов и были причастны к формированию чукчей, коряков, эскимосов.

Л.С. Берг (1950) считал, что этническая принадлежность сихиртя не выяснена.

Этноним *сихиртя* и другие варианты известен только на территории приполярной части Западной Сибири и приуральской части европейского Севера. На Таймыре древние аборигены известны как моррэдэ.

Сихиртя как таковые исчезли уже в русское время. В.П. Чернецов (1935) сообщал, что ненцы рода Вэнонга, вотчинники Северного Ямала, еще встречали на Ямале народность, обитавшую в земляных домах и промышлявшую морского зверя. Ненцы вступали с ними как в военные столкновения, так и в брачные союзы. В.П. Чернецов приводит даже родословную одной из ветвей рода Вэнонга, женщина которого была замужем за последним сихиртя. В глухих местах полуострова Ямал сихиртя, судя по преданиям, жили еще

в XVII в. (Бурдов В.С., 1965). Ненецкий этнограф Г.П. Харючи (1995) уверенно заявляет, что следы культуры сихиртя сохранились в культуре современных ненцев. К их числу он относит почитание морских зверей, культ собаки у рода Яптик. *«Но собака считается священной не только у рода Яптик, почитают собаку все ненцы, а мой род Яндо, проживающий на Гыданском полуострове, "произшел" от собаки»*, – утверждал автор (с. 194). Ненцы из Долгощелья (тундра к западу от нижнего течения р. Мезень в Приуралье) считают себя потомками сихиртя (Хомич Л.В., 1970). Ненка П.А. Ханзерова, проживавшая в 1968 г. на полуострове Канин, сообщила, что ее дедушка и бабушка также считали себя потомками сихиртя.

Топонимика

На обширных пространствах заполярной тундры известно немало географических объектов, в названии которых присутствует этноним сихиртя (сииртя, сиртя, сихирча):

- река Сиирти-яха – впадает в Баренцево море к северо-востоку от Югорского шара между реками Лымбага-яха и Сая-яха;

- река Кара принимает приток Сииртета (ныне р. Сибирча; Чернецов В.Н., 1935), в работе Л.В. Хомич (1970) она названа Сихиртя-яха ‘река сихиртя’;

- Сихиртя-му ‘чум сихиртя’ (Хомич Л.В., 1970);

- по берегу р. Коротаиха (впадает в Баренцево море к востоку от о-ва Варандея и к западу от Югорского полуострова и хребта Пай-Хой), близь ее устья, находится косогор, известный под именем Сииртеса (Шренк А., 1855), или Сирте-ся ‘чудская (сихиртя) гора’ (Вениамин, 1855, с. 89);

- озеро Сихиртято ‘озеро сихирти’, оз. Сихиртясахре ‘высохшее озеро сихирти’ на Гыданском полуострове (Вануйто Г.И., 2001).

В.Н. Чернецов (1953а) приводит следующие ненецкие топонимы, к сожалению, без географической их привязки: Сиирти-яга ‘сирти речка’ (возможно, это упомянутая речка, впадающая в Баренцево море между реками Лымбага-яха и Сая-яха), Сиирти-надо ‘яр сиирти’ и Сиирти-мяды ‘селище сиирти’.

Не ясно, в основе имени р. Ширта, правой составляющей р. Таз, лежит рассматриваемый этноним или же гидроним имеет иную этимологию.

Быт сихиртя

Сведения о быте и занятиях сихиртя крайне отрывочны и мало-численны. В источниках мы нашли лишь следующие.

Жилища. П.-М. Ламартиньер в книге «Путешествия в северные страны», опубликованной в 1671 г., приводит описание жилищ борандайцев, коренных насельников Мезенской тундры. Борандайцы жили в хижинах, которые очень тщательно были сделаны из рыбьих (китовых? – А.М.) костей. Хижины были покрыты также рыбьими костями, проконопачены мохом сверху и обложены вокруг дерном столь хорошо, что внутрь не может проникнуть никакой ветер иначе как через двери, устроенные наподобие печного устья, и через крышу, в которой устроено окошко или отверстие, через которое проникает свет (Васильев В.И., 1970, с. 153).

А. Шренк (1855) со слов самоедов дает довольно детальное описание жилищ сиирте.

В холмах, лежащих по берегам Сииртеты (ныне р. Сибирка), притока Кары встречаются чуждые пещеры, в которых некогда были найдены медные и чугунные котлы вместе с остатками олова и свинца. Холмы эти известны у самоедов под именем *сииртеса*. Холмы почти четырехугольной формы. Внутренность их пуста и представляет четырехугольное пространство, стены которого вытесаны балками наподобие русских жилых комнаток. Только крыши у них не были покрыты тесом, отчего они почти во всех пещерах провалились или, как полагают, разрушены промышленниками, искавшими добычи. Двери или выходы этих подземных хижин были низки и всегда обращены к востоку. Подземная конструкция жилья аборигенов (по мнению А. Шренка, это была финская чуда) лучше защищала от холода и холодных ветров.

В.Н. Чернецов (1935, 1941) в 1928–1929 гг. раскопал поселение приморских зверобоев на Ямале, на мысе Тиутей-сале ‘моржовый мыс’ (нен. *тиутей* ‘клыкастый’).

Поселение состояло из трех землянок. Землянки были сооружены на песчаном мысу. Они были круглые, диаметром до 7 м. В центре землянки помещался очаг (рис. 3). По окружности землянки можно обнаружить остатки вертикальных столбов. Вокруг землянки и внутри ее в изобилии разбросаны кости животных (морж, тюлень, кит, белый медведь, песец, северный олень). Много костей птиц и мелких грызунов. В культурном слое землянок много угля, костей, деревянной щепы, кусочков китового уса, найдены также обломки глиняных сосудов и различных предметов из камня, рога, костей. Металл обнаружен в довольно значительном количестве: бронза и медь в виде небольших листочков, железный наконечник стрелы вильчатой формы, обломок ножа, кольцо.

На мысе Хаэн-сале 'шайтанский мыс' (северная оконечность Ямала) обнаружены 6–7 землянок округлой формы диаметром 7–8 м. Жилища были углублены в землю на 70–100 см. Свод образовывался деревянными брусьями, составленными конусом (как остов чума). Посередине свод подпирался столбом. Сверху кровля засыпалась слоем земли. Вход имел вид небольшого, очевидно, крытого коридора длиной метра два. Кори-

дор начинался на уровне пола и, постепенно повышаясь, выходил на дневную поверхность. В большинстве случаев вход находился с южной стороны. Посреди землянки помещался очаг. Больше всего разных остатков обнаружено в землянке при входе и за ко-стром у задней стенки. Участки по обе стороны очага не дают находок. По-видимому, здесь были постели. В изобилии найдены железные предметы: топоры, напильник, нож. Украшений найдено немного. В одной землянке слева от входа на глубине 25 см ниже

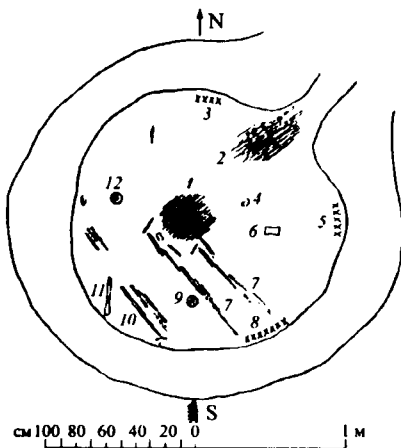

Рис. 3. План жилища зверобоев на мысе Тиутей-сале (Чернецов В.Н., 1935, с. 118)

уровня культурного слоя обнаружено погребение. Возраст жилищ В.Н. Чернецов определял серединой XVII в.

Позже В.Н. Чернецов (1953) памятники Тиутей-Сале и Хаэн-Сале включил в кинтусовский этап нижнеобской культуры, возраст которого укладывается в рамки X–XII в. н.э.

Одежда. Судовой врач француз Пьер-Мартин де Ламартиньер в 1653 г. так описывал борандайцев, обитавших на большеземельском побережье Баренцева моря (у мыса Варандей). Борандайцы были смуглы и низкорослы, носили одежду, сшитую из шкур белых медведей мехом наружу, и обувь из древесной коры (? – А.М.).

Характерной одеждой северных народов является малица (нен. *мальця* 'замкнутый со всех сторон, цельный, сплошной'; Хомич Л.В.,

1976, с. 88), одежда, надеваемая через голову. По мнению Г.Н. Прокофьева (Чернецов В.Н., 1935, с. 130), этот тип одежды не был известен южным ненецким племенам и был заимствован ненцами у древних аборигенов вместе с соответствующей терминологией. Такими аборигенами могли быть предки сихиртя. Одежда глухого покрова характерна для культур древнеарктического, аборигенного населения. В.Н. Чернецов (1964) подробно описывает эту древнейшую (с палеолита!) одежду типа парки. Последняя шилась из двух шкур, скрепленных по бокам и не имеющих разреза спереди. Иногда затылок капюшона образован головной частью шкуры, на которой сохранились уши и глазные отверстия. Наиболее примитивным вариантом является североуральский «лус», который вместо швов по бокам имеет лишь завязки. Можно предполагать, что такого типа одежда широко использовалась древними аборигенами заполярной Сибири.

Известны рисунки женщины-сихиртя, сделанные ненкой. Сирти пирибтя 'сихиртя-девушка' изображена в одежде, но с непокрытой головой, с луком и стрелой в руках. Арктические народы даже в непогоду ходят с непокрытой головой (Хомич Л.В., 1986). Можно признать эти рисунки вполне реалистичными.

Украшения. Немногочисленные материалы свидетельствуют об эстетических притязаниях древних аборигенов. На рисунках, исполненных ненкой (см. о них выше), девушка-сихиртя в волосах имеет большое количество металлических украшений. О металлических украшениях упоминается во всех легендах о сихиртя.

Занятия. Археологические материалы, полученные в последние годы при раскопках поселений на Ямале, дали дополнительный материал для реконструкции хозяйства (Косинцев П.А., Федорова Н.В., 2001; Федорова Н.В., 2002). Мыс Тиутей-сале заселялся дважды: в VI–VIII и XII–XV вв. н.э. В оба периода жители промышляли северного оленя, песца, моржа, нерпы, белого медведя, водоплавающих птиц. Доля моржа и нерпы составляла не более 30%. Судя по видовому и возрастному составу забитых животных, поселения были обитаемы только в теплое время. Авторы отметили одну особенность быта древних жителей – отсутствие ламп-жировиков, которыми традиционные морские зверобой обогревали свое жилище. Они отметили также, что деревьев на Ямале нет, а запасы плавного дере-

ва доступны только летом, так как зимой они скрыты под снегом и торосами, вморожены в лед. Авторы пришли к выводу о сезонности охотничьего промысла. На зиму люди уходили в северо-таежные районы Западной Сибири, что подтверждается некоторыми археологическими аналогиями.

Зверобойный промысел, при котором использовались каяки (кожаные лодки), возник 3–4 тыс. лет назад, когда часть бродячих охотников Чукотки вышла к берегу моря, предопределив тем самым свой оседлый образ жизни. На севере Западной Сибири, по-видимому, постоянного зверобойного (морского) промысла не было, но здесь также были известны кожаные лодки-каяки.

Имеются сведения, что и сихиртя в своем морском зверобойном промысле использовали кожаные лодки типа каяка. Первые сведения о каяках нашего Заполярья относятся к 1556 г., когда англичанин Стивен Барроу на корабле «Серчтрифт» 'ищи удачи' достиг о-ва Вайгач, где он видел лодки самоедов, сделанные из оленьих шкур.

Подробное описание таких лодок дал П.-М. Ламантиньер. Челнок длиной 15–16 футов и шириной 2½ фута был устроен в форме гондолы. Он был искусно сделан из рыбьих костей и кожи. Внутри кожа сшивалась таким образом, что получался как бы мешок от одного конца челнока до другого. Внутри такого челнока пловцы были укрыты по пояс, так что внутрь лодки не могла попасть ни единая капля воды, и они могли таким вот образом выдерживать всякую погоду (Чернецов В.Н., 1935, с. 129).

Фр. Белявский (1833, с. 258) дополняет описание челнока. От русских челноков остяцкий и самоедский отличается тем, что *«а) у них различия между носом и кормой не бывает; б) сверху челнок обивается выделанною кожею из китовых кишок, которая ...збирается посреди челнока на подобие дамских ридикюлей. Дикари ... садясь в лодку, стягивая вздержки, опоясавшись в половину тела, пускаются не только по рекам, но даже в Обскую губу и по берегами Ледовитого моря, где они, ныряя на подобие дельфинов, не страшатся преследовать китов и убивать молодых моржей, быв уверены в своей безопасности и невозможности потонуть. По середине челнока с обеих сторон плотно к дереву приделаны кольца из китовых кишок, свитых веревкой; в оные продеты привязанные короткие, но широкие весла, которыми по навыку одни(м) только*

гребут дикари, другое же служит для перемены усталой руки, ибо для управления челноком гребти в оба не находят нужным».

Ю.Б. Симченко (1976, с. 138) выразил сомнение в достоверности использования китовых кишок при сооружении кожаных лодок.

Поражает обширность ареала слова, обозначающего такую лодку. Оно встречается в языках самых различных семей и групп, что до сих пор не нашло убедительного объяснения. Слово *каяк* в различных фонетических вариантах присутствует в следующих языковых группах:

- тюркские языки – др.-тюрк. *қајууқ*, тур. *kaıık*, гаг., карaim., кирг. *кайык*, уйг. *кейик*, чул.-тат. *кааюк*, як. *хајык*, *хојок*, *каи́к*, *каюк*;
- тунгусские – тунгусы Мангазейского округа *каюк*, эвенк. *кајук* (из др.-тюрк. *қајууқ*);

- иранские – пушту *кайик*;

- румынский – *саіс*;

- албанский – *каіке*;

- славянские – болг., серб. *каи́к* ‘лодка’, русск. *каюк* ‘крытая большая лодка’ (Обдорский край; Бартенев В., 1894);

- греческий – новогреч. *каі́кі* (*каи́ки*);

- угорские – хант. *кайек*;

- чукотский – чукчи сидячие *хаяк* (Сарычев Г., 1811; Загоскин Л.А., 1956);

- алеутский – алеуты андреяновские *икьяк* (метатеза? – А.М.), с о-ва Кадьяк *хаяхпак* (Сарычев Г., 1811), или *каяк*, *каяк-пах* (Загоскин Л.А., 1956);

- эскимосский – эскимосы аляскинские *каяк* (Берг Л.С., 1924; Загоскин Л.А., 1956), сиреникские *к’аях*, чаплинские, наукаские, имакликские *к’аяк*’.

С.П. Крашенинников (1948, с. 173) упоминал коряцкие *куяки*, однако не ясно, коряцкое это слово или же автор употреблял его как русское.

Неизвестно, в каком языке появилось впервые это понятие и являются ли носители этого языка также создателями самого объекта.

В языке кетов слова *каяк* для обозначения водного судна нет.

Термин *амгынгольде* ‘кожаная лодка’ сохранился в тундровом диалекте юкагирского языка. Кожаные лодки, которыми пользовались охотники на дикого оленя, ненцами называется *хобонгано*.

В нганасанском фольклоре такая лодка именуется *куху-нгондуй* 'кожаная лодка'. В языке энцев кожаная лодка обозначается словом *кубаоду*. Лексема *лодка* в языках этих групп северного населения имеет один корень: *нгано* (нен.) – *нгондуй* (нганас.) – *нгольде* (тундренный диалект юкагирского языка). Ю.Б. Симченко (1976, с. 139) предполагал, что данное понятие самоеды (и юкагиры) позаимствовали у древнего аборигенного населения Севера, знавшего лодки подобной конструкции. Но в языках южных самодийцев общее название лодки – койб. *ане*, *матор.*, тайг. *ондой*, что близко к терминологии северных самодийцев. У селькупов *анд* 'лодка'. Более ранние записи (Сравн. словарь, 1790) дают следующие обозначения лодки (судна) в языках самодийцев: пустоозерские самоеды (Предуралье) *ано*, обдорские самоеды *ану*, карасинцы по нижнему Енисею *гянде*, тайгинцы *ондой*, томские самоеды *анде*, тымские самоеды *анту*, мангазейские (энцы) *оду*. Можно полагать, что это однокорневые слова, исконно самодийские. Для кожаных лодок аборигенов северные самодийцы создали сложные слова, поставив определяющую часть (*куху*, *хобо*) в его начале.

Исторически сложилось, что само слово *каяк* в первую очередь ассоциативно связывается с эскимосами. И действительно, у эскимосов, чукчей и коряков имелись каркасные лодки, обтянутые кожей и хорошо приспособленные для морской охоты (Симченко Ю.Б., 1976, с. 136). Однако В.С. Бурдов (1965) отрицает расхожее мнение о том, что изобретателями кожаных лодок были эскимосы. «На самом же деле кожаными лодками пользовались не только на севере, но и на юге, не только на побережьях морей, но и внутри континентов» (с. 257). Автор отрицает такую идею расселения эскимосов в прошлом по значительной части субарктической Евразии. В Азии эскимосы доходили, по его мнению, только до устья Колымы.

Помимо «привязки» *каяка* к эскимосам, бытует представление об изначальной связи этого плавсредства с далекими предками хантов (Бурдов В.С., 1965, с. 261). Каркасные лодки с кожаным покрытием были известны и нганасанам, и другим группам самодийцев, но сохранились только у нганасан в качестве культовых предметов (Васильев В.И., 1979, с. 47; Симченко Ю.Б., 1967, с. 139). Кожаные лодки были известны северным самодийцам в XVI в. Ссылаясь на Стефена Барроу, А.Э. Норденшельд (1881, с. 94) отмечал: «Их лодки

сделаны из оленьих шкур, при выходе на берег самоед тащит лодку по суше». Ю.Б. Симченко писал, что автохтоны высоких широт в прошлом пользовались кожаными лодками, которые позднее, при переходе к оленеводству, были заменены долблеными или дощатыми.

Но исходное значение термина *кайак* неизвестно: привязано оно было только к лодке с кожаным верхом или вообще к лодкам любой конструкции (долбленые, дощатые). Неясно также, термин *кайак* «путешествовал» сам по себе или же был заимствован вместе с объектом, который он обозначает. Если у эскимосов известно, у самодийцев, угров обских, тунгусов допустимо бытование крытых кожей лодок, то, похоже, румыны, пуштуны, турки, славяне не знали их, и термин *кайак* и другие его фонетические варианты были заимствованы отдельно от объекта.

Глава 2

ИСТОРИЯ РАННЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Проблема раннего заселения Северной Евразии столь важна, сколь и сложна в своем решении. Первая попытка решить ее была предпринята ранее, когда в первом томе монографии «Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики» (Томск, 1999) мы кратко изложили свое видение путей раннего расселения человека разумного по планете. Исходя из этих представлений, автор попытался найти место арктических народов в общей истории человечества. Ниже подобран материал, который, как нам представляется, позволяет приблизить решение этого вопроса.

В кратком изложении эта парадигма сводится к следующему.

Процесс сапиентации начался в Африке¹, позднее он захватил восточное Околосредиземноморье. Это был длительный процесс. Генетики возраст современного человека (*Homo sapiens*) определяют границами от 40 до 140 тыс. лет.

Со временем на прародине человека разумного произошло перенаселение, спровоцировавшее его на поиски новых территорий, которые бы обеспечили его материальное существование. Началось завоевание планеты человеком современного типа.

Расселение человека шло центробежно из обширной территории Восточного Околосредиземноморья и Восточной Африки (область Великих озер). Наиболее ранний поток людей был направлен из района оз. Виктория на юго-запад Африки. Бушмены и готтентоты юго-западной Африки, носители языков койсанской группы, – это потомки первых мигрантов. От Средиземноморья миграционные пути шли по двум направлениям.

Южный, или аустрический путь. Мигранты от Восточного Средиземноморья шли берегом Индийского океана (рис. 4). Часть их, осваивая просторы Южной Азии, отставала по пути следования.

¹ Генетики единодушно считают, что Восточная Африка является родиной человека (Степанов В.А., 2002)

Рис. 4 Миграционные потоки и ранние популяции человека (палеолит): 1 – прародина человека разумного, пути миграции 2 – южный (аустрический), 3 – северный (бореальный), 4 – африканский, популяции 5–7 – азиатско-австрало-американская, 8 – евроазиатская, 9 – африканская, 10 – «ледораздел», 11 – очаги монголизации

Достигнув Юго-Восточной Азии, миграционный поток разделился на две ветви. Одна из них через Зондские острова достигла Австралии, другая по тихоокеанскому побережью Азии прошла до Камчатки и Чукотки и по Алеутским островам переправилась в Америку. Трудно понять этих ранних людей. Жители благодатных субтропиков по каким-то причинам мигрировали на север, где природа явно не баловала пришельцев. Трудно было с жильем, с продуктами питания, наверное, и простудные болезни преследовали их. Но человек приспособился и к этим дискомфортным условиям, выжил, создал оригинальные культуры, дожил до наших дней, поставив перед учеными надобность в разгадке этого неординарного, неразумного, с позиций нынешних избалованных людей, поступка.

Очевидно, причиной, подвигнувшей человека на столь рискованное путешествие, была банальная борьба за выживание. Увеличение численности соплеменников при низкой производительности присваивающего хозяйствования и полной зависимости от природы вынуждало человека переходить на соседние угодья с еще нетронутыми пищевыми ресурсами. И так, шаг за шагом, в течение

многих тысячелетий человек открывал для себя новые земли, постепенно приспосабливаясь к новым условиям. И вряд ли люди, пустившиеся в это путешествие, заметили, как они перешли из благодатных субтропиков в суровую Арктику.

Как выглядели люди, стоявшие в авангарде южных мигрантов и первыми перешагнувшие из Азии в Америку? Судя по североамериканским индейцам, они были еще слабо дифференцированы в расовом отношении и обладали признаками всех трех больших рас. С современными азиатскими монголоидами их роднил желтоватобурый цвет лица, прямые и очень жесткие волосы, слабый третичный волосной покров, заметно выступающие скулы, высокие орбиты, часто встречающиеся лопатообразные резцы верхней челюсти, эпикантус у детей. С европеоидами их сближает высокое переносье, сильно выступающий нос и отсутствие эпикантуса у взрослых. Большими размерами коренных зубов, большой шириной рта, значительной шириной носа (до 42 мм), наличием прогнатизма, удлиненностью предплечья индейцы напоминают некоторые варианты южной (австралоидной) расы (Рогинский Я.Я., Левин В.Г., 1978, с. 466).

Североамериканский индеец

Южный миграционный путь раннего человека разумного хорошо подтверждается и генетическими исследованиями (Янковский Н.К., Боринская С.А., 2001).

Северный, или бореальный путь. Примерно 40 тыс. лет назад человек пошел на север от побережья Средиземного моря вслед за отступающим ледником. Сильно заболоченные приледниковые области были заняты тундрой и редколесьем. Однако обилие крупных травоядных животных так называемого мамонтового комплекса (мамонт, шерстистый носорог, бизоны, лошади, олени) привлекало сюда первобытных охотников: памятник Чертова Печь (Словакия) имеет возраст $38\,200 \pm 2\,480$ лет, Грот Оленя во Франции – 33,5 тыс. лет. На приледниковые равнины Восточной Европы человек разумный пришел несколько позже. Могильник Сунгирь около г. Владимира имеет радиоуглеродную дату $24\,430 \pm 400$ лет, поселение

Костенки недалеко от Воронежа – 24 тыс. лет. Восточноевропейское население подпитывалось мигрантами из северо-восточной Африки и Передней Азии.

Автор придерживается позиции А.П. Окладникова (1949, с. 40, 41) в том, что заселении Сибири шло с запада: «...перевалив за Уральский "Каменный пояс", древние охотничьи племена Восточной Европы, принадлежащие к представителям европейского физического типа в его древнейшей, палеолитической форме, достигли района нынешнего Томска, оттуда перешли еще дальше на восток, в долину Ангары и Енисея, а затем продвинулись вплоть до Байкала». Верхнепалеолитическая стоянка у Лагерного сада в Томске имеет возраст 18300 ± 1000 (ГИН-2100; Цейтлин С.М., 1983). Стоянка Малая Сыя в Кузнецком Алатау имеет радиоуглеродную дату по углю 20 тыс. лет, по кости 33–35 тыс. лет. Возраст памятников Сабаниха определен в 23–24 тыс. лет, Афонтовой Горы в Красноярске – 20900 ± 300 лет. На поселениях Мальта и Буреть (Прибайкалье) мигранты жили 20–24 тыс. лет назад. До побережья Тихого океана мигранты из Европы не дошли. Горные системы для них оказались непреодолимыми, но не из-за своей неприступности, а потому, что высоко в горах было мало объектов охоты. Дальний Восток был заселен мигрантами, которые шли другим, южным путем.

М.Г. Левин (1958, с. 167) высказал сомнение по поводу заселения Сибири с запада, так как наиболее древние памятники палеолита были (в то время) известны в Восточной Сибири. Однако в последние десятилетия на Алтае была обнаружена серия открытых и пещерных памятников палеолита, более древних, чем в Восточной Сибири. По пещере Сибирячихинской (имени А.П. Окладникова) получена серия дат: 28470 ± 1250 ; 28800 ± 1250 ; 33300 ± 520 ; 37400 ± 400 ; $38725 \pm 143,5/141,9$; 40100 ± 500 ; 42500 ± 600 лет. В пещере Денисовой угли слоя 21 имеют дату 39390 ± 1310 лет. Возраст культурного слоя Малоюломанской пещеры (Центральный Алтай) определен в 33350 ± 1145 (Барышников Г.Я., Малолетко А.М., 1998). По углям стоянки Каракол (долина Ануя) получена радиоуглеродная дата 31410 ± 1160 лет (СОАН-2515) при контрольной 29900 ± 2070 (ИГАН-837; Барышников Г.Я., Малолетко А.М., 1997). Приведенные датировки по Алтаю вполне убедительно свидетельствуют о более раннем появлении здесь верхнепалеолитических памятников, нежели на юге Восточной Сибири.

Еще в 1964 г. С.А. Арутюнов писал, что заселение Восточной Азии шло по двум маршрутам. Один из них пролегал восточнее Гималаев, по тихоокеанскому побережью (по горным лесам влажных субтропиков), а второй (континентальный) западнее Гималаев, через Среднюю Азию и «коридор народов» (открытые пространства пустынных степей). Монгольское плато было рубежом между двумя вариантами путей миграции. Этот вывод для нас является весьма ценным, так как в решении вопросов происхождения народов Северо-Востока принадлежность их к мигрантам того или иного пути (аустрическому или бореальному) является, по нашему мнению, решающей.

Первые поселенцы Восточной Европы имели физический тип, не дифференцированный в расовом отношении: восемь европеоидных скелетов из могильника Сунгирь обладают протомонголоидными и негроидными признаками.

Еще пребывая в северном Предуралье, не занятом в то время ледником, первые пришельцы стали приобретать заметные признаки большой монголоидной расы. Именно здесь, на окраине ойкумены человека разумного, заявили о себе гены, отвечавшие за монголоидные признаки. «Сработали» дрейф генов и процессы адаптации к суровым природно-климатическим условиям Северного Предуралья. Исследование черепов с Оленьеостровского могильника (Онежское озеро, мезолит) показало, что слабая монголоидность являлась обычным признаком древнего населения Восточной Европы. Такого рода монголоидность сохранили до наших дней некоторые финноязычные группы (коми, удмурты, некоторые группы карел и мордвы). Среди северных манси выявлена также реликтовая монголоидность: слабый рост бороды, уплощенное лицо с умеренными скулами, выраженная складка века, не очень тонкие губы. Эти явные монголоидные признаки сочетаются со светлой пигментацией.

Процесс монголизации усилился при выходе мигрантов в Сибирь. На памятнике Афонтова Гора II обнаружены костные останки взрослого мужчины и подростков с явными монголоидными признаками. На верхнепалеолитических поселениях Прибайкалья типы наземных жилищ, исключительное богатство костяного инвентаря, каменные орудия, костяные статуэтки, изображавшие женщин, ведут, безусловно, на запад, в Европу. Однако европейский инвентарь

сопровождался фигурками женщин с явно монголоидными чертами. Особенно выразительны были глаза, узкие, раскосые, они невольно вызвали в памяти черты, свойственные представителям монгольской расы (Окладников А.П., 1964). Эти противоречия разрешил американский палеоантрополог К.Г. Тернер (1990), который по результатам исследования зубов подростка из Мальты пришел к заключению о родстве прибайкальского населения эпохи верхнего палеолита с кроманьонским населением Европы. Не менее категорическим было заявление А.П. Окладникова и З.А. Абрамовой (1974) о том, что сибирские, в том числе и забайкальские каменные изделия этого времени несопоставимы с дальневосточными. Каменные изделия с памятника Осиновка (Приморье) имеют больше общих черт с орудиями не приледниковой зоны Евразии, а Юго-Восточной Азии (Япония, Индокитай).

Предположение об усилении монголоидности северных (бореальных) мигрантов по мере продвижения на восток можно подтвердить следующей цепочкой типов: → лапаноидный (саамы, Большой Олений остров) → уральский (некоторые группы восточных финнов, ханты, манси) → катангский (западные эвенки, тофалары).

Необходимо подчеркнуть, что монголоиды Сибири относились в древности к низколицеуму типу, который ныне называется сибирским, или таежным. Байкальский тип монголоидов (пещера Шилкинская, частично тунгусы, нивхи), для которого характерно высокое лицо, сформировался на базе южных (аустрических мигрантов), о чем свидетельствует и географическое положение наиболее раннего памятника (Шилкинская пещера).

Граница популяций в Северной Азии проходит где-то в Забайкалье. Археологически она контролируется ареалами верхнепалеолитических афонтовско-мальтинской (европейско-сибирская популяция бореальных мигрантов) и дюктайской культур (популяция аустрических мигрантов). К дюктайской группе культур относятся палеолитические культуры Америки и Японии (Мочанов Ю.А., 1973). Этот же автор (Мочанов Ю.А., 1977, с. 237) не исключал, что именно дюктайцы были первыми насельниками Америки.

Западная группа культур афонтовско-мальтинского типа (верхний палеолит и мезолит) надежно фиксируется галечной технологией каменной индустрии. Пластинчатые технологии в ней были

представлены слабо. Роль их резко возросла на исходе мезолита и ранее всего – в южных, степных районах Западной Сибири. Но еще длительное время потомки этих аборигенов сохраняли галечные традиции. Особенно долго они бытовали у передовых отрядов, продвинувшихся на Север Сибири.

Примерно 11 тыс. лет назад на Восточную Сибирь наступают потомки носителей афонтовско-мальтинской культуры, которые, оттеснив дюктайцев, создали сумнагинскую культуру, просуществовавшую примерно 5 тыс. лет. Сумнагинцы могли проникнуть по бассейнам рек Олекма и Витим в Якутию, а оттуда по Северо-Сибирской низменности на Таймыр (Хлобыстин Л.П., 1988, с. 54).

Преемственности между дюктайской и сумнагинской культурами нет (Мочанов Ю.А., 1970).

Помимо археологических и палеантропологических доказательств западного (Околосредиземноморье) происхождения человека разумного можно привести и лингвистические.

Реликтами околосредиземноморского языка могут служить слова, встречающиеся в языках самых различных групп:

кушитские (дарасса) *voda* – фин. (суоми) *wesi* (*wete*), морд. *ведь*, *вьдь*, мар. *вуд*, коми *ва*, удм. *ву*, лив. *веет*, венг. *viz*, *vit*, манси *вит* – хет. *watar*, *wadar*, лув. *вид*, гот. *ват*, швед. *watten*, др.-сакс. *watar*, нем. *Wasser*, русск. *вода* ‘вода’;

саам. *чадз/чац* – чад. *чадз* ‘вода’;

саам. *цияцце* – кельт. (др.-фр.) *циакс*, *циэкс* ‘небо’.

Бореальная популяция в языковом отношении изначально была относительно однородной, так как имела одну базу – околосредиземноморскую языковую общность, делившуюся на диалектные группы. Однако со временем возникли существенные различия, вызванные притоком населения в Восточную Европу со стороны Передней Азии и, возможно, северо-восточной части Африки.

Впервые на переднеазиатские элементы в уральских языках обратил внимание Б.А. Долгопольский (1973, с. 91): он сопоставил общекушитское **sAnk* ‘затылок, спина, плечо’ с уральским **sänkä* ‘плечо, верхняя часть руки’. Обнаружены и другие лексические соответствия в финно-угорских языках, с одной стороны, и кушитских и чадских – с другой. Нам эти соответствия не представляются случайными. Все они относятся к разряду базовой лексики

и рассматриваются как свидетельства участия языков околосредиземноморской общности в сложении финно-угорских. Для понятий *рыба*, *холм*, *собака*, *кровь* имеются следующие соответствия.

Уральские языки

Рыба

саам. *куеле*, *кылле*
морд. *кала*
эст., кар., фин. *кала*
манс., хант. *кул*
мар. *кол*
венг. *hal(-ak)*
нен. *халя*
камас., койб. *кола*
матор. *келе*
сельк. *келы*

Кушитские языки

иса, сомали *kalluum*
байсо *kullumi*
аффар *kullum*
борана *kultimi*
оромо (галла) *kurtumi*
сидамо *kiltimi*
дараса *kultume*
Чадские языки
общечадские *ko!A*
банана *kulufa*
музгу *hilif*

Любопытно отметить, что в языке североамериканских индейцев танаина слово *кали* (*kali*) означает 'рыбак', а в чукотском *калал* 'рыба-горбуша'.

Холм

саам. *dievva* 'холм'

бедаие *dibba* 'холм'
дембеа *debba* 'гора'
квара *debe* 'гора'
сахо *dibo* 'гора'

Собака

фин. *koira*
эст. *коер*

сахо *kare*
рендилле *kar*
байсо *kette*
гелеба *ketт*
арборе *kair, kere*
гидоле *hera*
бусса *herad*
гавата *haaro*
гобезе *heero*
варази *xero*
чамай *karo*

Кровьсаам. *vээр*, *vaгаа*фин. *veri*морд. *варь*, *верь*перм. *вир*манс. *вюр*хант. *вэр*билин, хамир *bir*хамта *bira*, *bir*квара, дембеа *bir*кимант *bir*авийя *bir*дамот *beri***Чадские языки**хинна *var*карбо *baari*самрай *bari*сара *vaga*

Очевидно, для анализа можно привлечь и следующие соответствия понятия *кора*:

Финно-угорские языкифин. *kuugi*манс. *кар*, *kär*хант. *кяр*венг. *kerek***Кушитские языки**ойда *kuugo*омето *kuub*хамта *kerbir*реконструкция **kAr*['][p]

О возможном родстве финно-угорских и дравидских языков написано немало и очень авторитетными учеными. О. Шредер нашел много общего в фонетике, морфологии и словообразовании, указал на 72 абсолютно сходных корнеслова. В качестве примера приведу одно удивительное соответствие: драв. *pâl* – манс. *нила*, хант. *нелле*, коми *нел*, удм. *ньиль*, морд. *ниле*, саамы *ниели*, карелы *nella*, суоми *peljä*, эсты *neli* ‘четыре’. Дравидские и финно-угорские связи не являются родственными в обычном понимании. Это не более как след той эпохи, когда на Ближнем Востоке жили предки дравидов, позднее (III тыс. до н.э.? – А.М.) мигрировавшие на полуостров Индостан.

При этом вполне определенно выявляются общие элементы языков финно-угорских, с одной стороны, и палеоевропейских и индоевропейских – другой.

В германских языках давно выявлены как в лексике, так и в грамматике неиндоевропейские элементы семито-кушитского и урало-алтайского типа. С.П. Толстов (1946) это объяснял поздним

переходом протогерманских племен на индоевропейский язык. В этом отношении германский язык напоминает саамский, который позднее стал финно-угорским. Присутствие семито-кушитских элементов в финно-угорских и германских языках можно объяснить родственным исходным околосредиземноморским субстратом. Второе возможное объяснение – у германских и финно-угорских языков был общий палеоевропейский субстрат (Напольских В.В., 1990). Если учесть, что палеоевропейцы (кроманьонцы) «прошлись» в восточном направлении от Франции до Байкала, то версия имеет право на существование.

В итоге сформировались два языковых ареала: в Центральной и Западной Европе палеоевропейский («кроманьонский»), в восточной Европе финно-угорского типа. С уходом за Урал первых насельников Сибири в их языке постепенно увеличивались различия с финским. Язык их приобрел те свойства, которые позволяют ныне выделить угорские языки в самостоятельную группу. По нашему мнению, население Сибири (а оно было сосредоточено в ее южной части) примерно 20 тыс. лет назад говорило на угорском языке, каким он мог быть в то время. Восточный фланг ареала был в Предбайкалье, возможно, заходил и в западное Забайкалье. Бассейн Амура, Северо-Восток (побережье Охотского моря, Чукотка и Камчатка) были заселены южными мигрантами.

Древние уральцы явились субстратным слоем, который предшествовал многим сибирским народам (Этногенез., 1980, с. 211).

Глава 3

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ВАФЕЛЬНОЙ КЕРАМИКИ

Рассмотрим дальнейшую историю населения Сибири, Камчатки и европейского Севера в ракурсе решения проблемы, связанной с историей сихиртя.

Неолит Якутии

На территории Якутии в неолите формировались следующие археологические культуры (Матющенко В.И., 2001).

Сылахская культура (IV тыс. до н.э.)¹ сформировалась в результате сложного взаимодействия сумнагинцев с выходцами из Прибайкалья и Забайкалья. От них остались памятники по среднему и нижнему течению Лены, бассейна Вилюя, Алдана. С этой культурой популяционные генетики связывают юкагиров (Слободин С.Б., 2005).

В Приангарье в это время функционирует **серовская** культура (IV тыс. до н.э), на смену которой пришла **глазковская** (конец IV – конец III тыс. до н.э.).

Белькачинская культура (III тыс. до н.э.) сменила сылахскую и распространилась в северном и северо-восточном направлениях (Нижняя Хатанга, Индигирка, среднее и нижнее течение Колымы, Чукотка). Для нее характерна керамика, орнаментированная техникой выколачивания при помощи колотушки, обмотанной витым шнуром или узким плетеным ремешком (шнуровой орнамент). На Таймыре белькачинскую традицию сохранил памятник Пясины IV (Хлобыстин Л.П., 1998).

В неолите и эпохе ранней бронзы Прибайкалья, Забайкалья и Приангарья развивались культуры **шсаковская** (IV тыс. до н.э.), **серовская** (III тыс. до н.э.), пришедшая **китойская** (вторая половина III – начало II тыс. до н.э.), **глазковская** (1 700–1 300 лет до н.э.).

¹С.Б. Слободин (2005) возраст культуры определяет в 6,5–5,2 тыс. лет назад.

Антропологически насельники Якутии и Окологбайкалья обладали явными монголидными признаками (рис. 5).

Рис. 5. Глазковцы (реконструкция М.М. Герасимова)

Имеются более или менее достоверные археологические материалы о заселении Таймыра, ближайшей к ареалу сихиртя территории. По данным Л.П. Хлобыстина (1969, 1973), первоначальное заселение Таймыра шло с юго-востока и зафиксировано мезолитическими находками на стоянке Тагенар VI (6020 ± 100 лет) и стоянками по р. Пясины. Это была культура охотников за диким северным оленем. Археологический материал сближает эти памятники с сумнагинскими бассейна Лены. Ранненеолитическая сетчатая керамика в бассейн Хатанги была принесена волной восточных переселенцев (носители сылахской культуры). К III тыс. до н.э. относятся поселения культуры маймече на р. Хета. Керамика с этих поселений имеет отпечатки сетки и шнура. Шнуровой орнамент связан с традицией белькачинской культуры (р. Лена). В III тыс. до н.э. западная часть Таймыра была заселена выходцами из тайги Приенисейского края, которые принесли керамику с линейно-накольчатым, гребенчатым и ямочным орнаментом, названную байкитской (стоянка Половинка имеет возраст 4060 ± 120 лет).

На Северо-Востоке наиболее древняя послепалеолитическая культура, бескерамичная, с вкладышевыми ножевидными пластинами, но без клиновидных нуклеусов, проникла в IV–III тыс. до н.э. на Камчатку со стороны Чукотки. Там, на р. Амгуэма, обнаружены характерные наконечники стрел с ромбическим сечением, с которыми

схожи каменные наконечники стрел из IV слоя памятника Ушки I (Камчатка). Н.Н. Диков (1977) допускает, что эта культура исходит из Восточной Сибири (Алдан, Забайкалье). Он же не исключает ее ительменскую принадлежность, отводя ительменам аборигенную роль по отношению к корякам и тем более айнам. Более полно археологические материалы по истории Камчатки в эпоху позднего палеолита и неолита изложены в гл. 5.

Поздний неолит (культуры вафельной керамики)

Ымыяхтахская культура. Названа Ю.А. Мочановым по стоянке, которую ранее исследовал А.П. Окладников на Средней Лене (немного выше устья Алдана). Зарождение культуры отмечается появлением в Восточной Сибири, в основном в бассейне Лены (рис. 6), вафельно-рубчатой керамики. Краткую характеристику культуры дал Л.П. Хлобыстин (1998, с. 87): *«Для ымыяхтахской культуры характерны митровидные и шаровидные горшки, круглодонные миски. В тесте имеется примесь шерсти. Поверхность сосудов бывает гладкой либо несет рубчатые, чаще вафельные отпечатки от колодушки, с помощью которой они формировались. Размеры ячеек «вафельного» узора большей частью небольшие – 5 × 5 мм. Орнаментировались сосуды ямками под венчиком, изредка – резными линиями»*. Именно керамика с вафельным (ложнотекстильным, шахматным) орнаментом является ведущим показателем принадлежности ее к ымыяхтахской культуре.

Носители ымыяхтахской культуры вели полуоседлый образ жизни, занимаясь охотой и рыболовством. Поселения их располагались по берегам рек и приурочены в тайге к местам, удобным для рыболовства, а в тундре – к местам, где дикие олени во время сезонных кочевок переправлялись через реки. Жилищные котлованы не изучены, но найдено много очагов, выложенных гальками. Вокруг очагов сосредоточена основная масса находок керамики, орудий, кухонных отбросов. Возможно, ымыяхтахцы жили в чумах.

По радиоуглеродным датам культура укладывается в рамки от XV до X вв. до н.э. (от 3310 ± 130 до 2950 ± 50 лет)¹. Существуют

¹ С.Б. Слободин (2005) временные рамки культуры определяет в 4,1–3 тыс. лет назад.

более древние даты – 4020 ± 50 лет (стоянка Старый Сиктях на Нижней Лене). Правда, эта дата не подтверждается археологическими материалами. В целом ымыяхтахская культура функционировала во II тыс. до н.э. (Бронзовый век..., 1987, с. 337). Имеются неоднократные указания на присутствие керамики с вафельным орнаментом на территории легендарных сихиртя (Нижняя Обь, Большеземельная тундра), а также на Кольском полуострове и в Северной Норвегии. Памятники с вафельной керамикой не найдены только на Камчатке. Возникла потребность в проверке версии, не участвовали ли ымыяхтахцы или их предки в формировании сихиртя. Поэтому рассмотрим особенности культуры более подробно.

Рис. 6. Ареал ымыяхтахской культуры (Эпоха бронзы..., 1987): а – поселения; б – могильники; в – бронзолитейная мастерская. Обозначены цифрами памятники, упомянутые в тексте: 1 – Абылаах, 2 – Старый Сиктях, 3 – Чучур-Муранский, 4 – Иччилах, 5 – Бухачан, 6 – Ымыяхтах

Керамические изделия представлены шаровидной, митровидной и параболоидной формами, а также мисками. К глине примешивалась шерсть животных, песок, редко шамот и растительные остатки (хвоя, трава). Подготовленное тесто делилось на части, которые расплющивались. Затем они последовательно наслаивались, образуя стенки сосуда. При лепке сосудов пласти глины уплотнялась при

помощи выбивания колотушкой, причем на утонченные места нередко накладывались новые куски глины, что придавало стенкам слоистость. Иногда при расслаивании стенки черепка видны вафельные следы на внутренних слоях, аналогичные отпечаткам на поверхности сосуда. Деревянные или костяные колотушки имели перпендикулярные нарезки, которые оставляли на глине отпечатки в виде маленьких квадратных ямок (рис. 7). Получаемый в ходе этого технологического процесса узор напоминал поверхность вафли. Размеры квадратных ячеек на Алдане 1×1 ; 2×2 ; 3×3 ; $3,5 \times 3,5$ и 4×4 мм. Размеры прямоугольных ячеек колеблются от 1×2 до 2×4 мм. Иногда ячейки «вафли» имеют форму ромба. Если на колотушке делались нарезки только в одном направлении (рис. 8), то на поверхности сосудов образовывались рубчатые отпечатки. Такая керамика распространена практически по всему ареалу культуры.

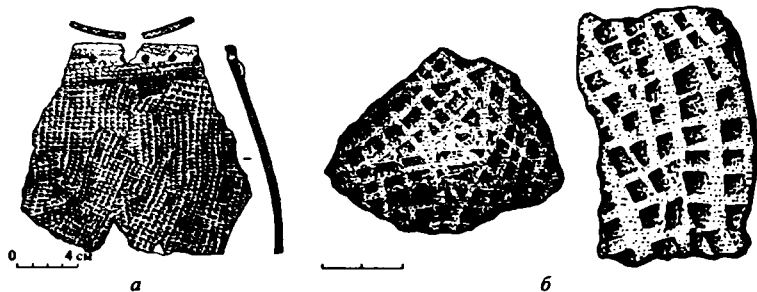

Рис. 7. Вафельная керамика: а – ымыяхтахской культуры (Бронзовый век..., 1987, рис. 130, 28); б – подсемник из Тункинской впадины (поселение Хорлик; Ю. и В. Угольковы, 2001, табл. LVII, 2 и 8)

Применялись и гладкие колотушки; использование их при изготовлении керамических сосудов эскимосами описал С.И. Руденко (1947).

Гладкая колотушка – это более раннее изобретение древнего мастера по изготовлению керамической посуды. Усовершенствованием колотушки было вырезание на инструменте параллельных борозд (рис. 8) или наматывание на него тонкой бечевы или ремешка (керамика белькачинской культуры, предшественницы ымыяхтахской). В дальнейшем орнамент, вырезанный на колотушке, усложнялся:

вместо параллельных борозд вырезались взаимно пересекающиеся, которые образовывали квадратный, прямоугольный или ромбический рисунок. По-видимому, древними мастерами было подмечено,

Рис. 8. Рубчатая (бороздчатая) колотушка-лопатка

что на мелкорифленую поверхность глины следующий слой ложится прочнее, а сама глина выступами рифленой колотушки уплотняется лучше. Приведем пример из современности. Так дорожные строители уплотняют свежую насыпь полотна дороги с помощью катков, на которые в шашечном порядке прикреплены крупные усеченные конусы. Каждый конус исполняет роль трамбовки.

Художественный орнамент накладывался на технологический (вафельный) — обычно на венчик и верхнюю часть сосуда. Чаще всего он состоял из

одного или двух элементов — сквозных дырочек и штрихов, ориентированных горизонтально, вертикально или наклонно. Венчик сосудов обычно имел прямой срез, под ним шел поясок ямок. На некоторые сосуды наносился резной орнамент из вертикальных или наклонных косых крестов либо зигзагообразных линий (Мочанов Ю.А., 1969; Федосеева С.А., 1980).

Каменный инвентарь весьма разнообразен. Наконечники дротиков и копий имели листовидную и листовидно-черешковую форму. Наконечники стрел чаще всего имели треугольную либо подромбическую форму. Некоторые наконечники имели плечиковый уступ и вогнутое основание.

На ряде памятников сохранились *каменные изделия*, их обломки и заготовки. Это наконечники стрел, «посредники» между кремневым наконечником и древком, или держатели составных наконечников стрел, наконечники копий, кинжалы, гарпуны, иглы, шилья, рубящие орудия, рукоятки для долот, основы для вкладышевых ножей, крючки, игольники, панцирные пластины, ложки, культовые предметы, украшения.

Бронзолитейное производство отмечено на шести памятниках, четыре из которых находятся на Таймыре. А.П. Окладников (1950)

в Покровском погребении эпохи ранней бронзы обнаружил четырехгранное шиловидное острие из меди или бронзы длиной 4 см, толщиной 0,5 см. На бронзолитейной мастерской Абылаах I, обнаруженной на левом притоке р. Хатанги, найдены остатки кострищ, на которых плавилась руда. Также найдены капли бронзы, фрагменты льячек, глиняные матрицы для отливки кельтов, близких по форме к сейминско-турбинским, а также фрагменты вафельной керамики (Л.П. Хлобыстин, 1969, с. 142)¹. Радиоуглеродный анализ по углям определил возраст мастерской – 3100 ± 60 лет (ЛЕ-790). Абылаахский кельт отлит из бронзы, в которой содержание олова достигало 7 %. Медные руды были местными, олово, очевидно, поступало из бассейна р. Индигирка, где известны месторождения касситерита (оловянного камня). Стоянка Старый Сиктях (низовье Лены), где также занимались бронзолитейным производством, находилась между Таймыром и Индигиркой. С бронзолитейным производством ымыяхтахцы познакомились в Прибайкалье (верхнее течение Ангары), где мастерами этого дела были носители глазковской культуры.

Могильные комплексы немногочисленны. В Чучур-Муранском могильнике (Средняя Лена) в шести погребениях обнаружено 18 скелетов. В неглубоких могильных ямах покойников клали в вытянутом положении на спине параллельно р. Лене, ногами вниз по течению. Над тремя могилами обнаружены кострища. Сопроводительный инвентарь был разнообразным и характерным для рассматриваемой культуры. Радиоуглеродная дата – 3800 ± 400 лет (ЛЕ-1025). Погребения Иччилях и Букачан (низовье Лены) совершены в неглубоких ямах способом трупоположения. В могилах всегда присутствуют угли как показатели ритуала очищения. В Покровском погребении (Средняя Лена) умершего обложили сосновыми плашками, после чего труп обожгли, причем кости были кальцинированы, а плашки обуглились. Погребения сопровождалось богатым инвентарем (наконечники стрел и копий, ножи из камня и кости, изредка медные и бронзовые шилья, медные украшения и пр.). В погребении Букачан покойник был одет в меховую одежду, сшитую сухожильными нитками из шкур мелких зверей (видимо, белок). От одежды

¹ Таймырские памятники объединены Л.П. Хлобыстиным в буолкалаахскую культуру (рубеж II и I тыс. до н.э.).

остались куски, к одному из которых пришта круглая медная пластинка. Найдены еще четыре прямоугольные медные пластинки.

Обобщая материалы погребений, можно сказать, что ымыяхтахцы, как и глазковцы, имели представления об уходе умерших (их души) вниз по реке, на север, где они продолжали жизнь, подобную земной. Похоронный обряд сопровождался очищением огнем.

Малочисленность погребений в могильниках и недолговременный характер поселений свидетельствуют о том, что ымыяхтахцы жили небольшими коллективами (20–30 человек) и вели подвижный образ жизни, чем и объясняется широкое распространение культуры.

Антропологический тип собственно ымыяхтахцев не изучен. Некоторые сведения можно получить по физическому типу жителей Восточной Сибири в это же время, которое в Прибайкалье соотносится с глазковским (II тыс. до н.э., возможно с рубежа III и II тыс. до н.э.).

На памятнике Букачан (приток Лены на 68° с.ш.) изучен череп мужчины в возрасте 30 лет. Лицевой скелет очень уплощенный, лицо очень широкое (143 мм), но невысокое (73 мм). Степень выпячивания носа слабая. Глазницы средней высоты. Носовой указатель больше, чем на прибайкальских черепах – 51,8. Челюсть характеризуется исключительно большой шириной ветви; бигональный диаметр значительный, подбородок выступает слабо, что несвойственно для прибайкальских экземпляров.

Сходный тип черепа имел и монголоид, погребенный на памятнике Туой-Хая (правый берег р. Чона в системе Вилюя). Лицо плоское, исключительно широкое (152 мм), сравнительно низкое (71 мм). Носовые кости выступают слабо. Череп брахикранный (круглый).

Оба черепа сближаются с забайкальскими (неолит), а не прибайкальскими типами (Левин М.Г., 1958). С некоторым допущением черепа из Букачана и Туой-Хая можно считать типичными для ымыяхтахцев.

Ю.А. Мочанов (1977) допускает автохтонное развитие вафельной посуды ымыяхтахской культуры на территории Якутии. Предположение находит подтверждение в ее сходстве с посудой белькачинской культуры (неолит). Можно предполагать и связь ымыяхтахцев с предбайкальскими глазковцами (рубеж III и II тыс. до н.э.), от которых они могли получить навыки бронзолитейного производства.

Этническая привязка ымыяхтахцев не ясна. Согласно обзору С.А. Федосеевой (1980), носителями ымыяхтахской культуры могли быть, по данным различных авторов:

- юкагиры – А.П. Окладников, Л.П. Хлобыстин;
- палеоазиаты – В.Н. Чернецов, Ю.А. Мочанов, С.А. Федосеева;
- чукчи – Н.Н. Диков;
- чукчи и коряки – А.П. Дульзон.

Нами высказывалось предположение о возможной связи ительменов с исследуемой культурой (Малолетко А.М., 1999). В.Н. Чернецов (1964) рассматривал создателей культур с шашечной, или ложнотекстильной (вафельной. – А.М.) керамикой как палеоазиатов, которые обитали в позднем неолите как в северной части побережья Охотского моря, так и к западу от него до Байкала.

Нам представляется, что ымыяхтахцы – это аборигены Сибири, далекие потомки изначального, палеолитического населения, которое, мигрируя из Восточной Европы, достигло Байкала более 20 тыс. лет назад. Это – потомки авангарда бореальных мигрантов (см. выше). Антропологические материалы по ымыяхтахцам отсутствуют, поэтому о их расовой принадлежности мы можем только догадываться (см. выше). Если же исходить из предпосылки местного происхождения культуры вафельной керамики, ымыяхтахцы были монголоидами. Но какими? По-видимому, это был таежный низколицый тип, отличающийся от байкальского. К последнему относятся типы юкагиров, эвенов (ламутов). Подтверждается это, в частности, исследованием черепов с памятников Туой-Хая на р. Чона (приток Вилюя) и на р. Букачан (приток Лены, эпоха бронзы).

Усть-бельская культура. Вафельная традиция развивается в различных направлениях. В северо-восточных районах она отразилась в формировании северчукотской (тундры, прилегающие к Ледовитому океану) и усть-бельской (среднее течение р. Анадырь) культур. Обе близки по возрасту (получены радиоуглеродные даты 2800 ± 100 и 2860 ± 95 лет соответственно) и керамической посуде с вафельными отпечатками; сходен и каменный материал. Ю.А. Мочанов (1969) и С.А. Федосеева (1980) относят северчукотскую и усть-бельскую культуры к ымыяхтахской¹. Р.С. Васильевский (1999)

¹ Н.Н. Диков (1979, с. 149) считает находку «вафельного черепка» случайной.

считает, что отличия этих культур отражают экологические условия: усть-бельцы занимали лесотундру, северчукотцы – тундру. Н.Н. Диков (1979) рассматривает северчукотскую культуру как самостоятельную или как локальный вариант нижнеленской культуры.

Стратотип усть-бельской культуры находится на берегу р. Анадырь при впадении в него р. Белая. Нас усть-бельская культура, как и ымыяхтахская, интересует тем, что с ней связана рубчатая и вафельная керамика.

Стоянки носителей культуры были приурочены к сезонным переправам оленей через реки. Основой существования этих племен была охота на дикого оленя, которая дополнялась рыболовством и собирательством растительной пищи (Диков Н.Н., 1979). Для культуры характерны прямоугольные, ступенчатые и плоские прямоугольные тесла, комбинированные скребки с режущим краем, керамика с оттисками рубчатой лопатки. По сообщению Н.Н. Дикова, в материалах усть-бельской культуры совершенно нет ложнотекстильной (вафельной) керамики¹. Такого же мнения придерживался и И.В. Константинов (1978, с. 65), который считал, что усть-бельскую культуру, характеризующуюся отпечатками рубчатой лопатки, никак нельзя сравнивать ни с ымыяхтахской позднеэолитической культурой, ни с усть-милской культурой Якутии эпохи бронзы. Керамика с рубчатыми отпечатками была распространена в верховьях Вилюя в памятниках развитого эолита, где продолжала существовать и в позднем эолите.

Нижняя возрастная граница культуры определяется датами 2860 ± 95 (РУЛ) и 2900 ± 95 (Крил-244) лет, верхняя – середина I тыс. до н.э. (Эпоха бронзы..., с. 339).

По мнению С.А. Федосеевой (1980, с. 168), северчукотская и усть-бельская культуры входят в ареал ымыяхтахской культуры с возрастом около 3000 лет. Керамика с рубчатыми отпечатками типична для верховий Вилюя (памятники развитого эолита). Поэтому рубчатая керамика усть-бельской культуры (р. Анадырь) име-

¹ Однако Р.С. Васильевский (1999, с. 329), ссылаясь на того же Н.Н. Дикова, пишет, что «на усть-бельском могильнике отмечались также находки отдельных фрагментов керамики с ложнотекстильными или шахматно-шашечными (вафельными) оттисками».

ет, по мнению И.В. Константинова, чисто местное (восточносибирское) происхождение.

Находки в Усть-бельском могильнике под большими плоскими курганами нехарактерны для Чукотки, а именно: обычай частичного трупосожжения, обряд посыпания трупов красной охрой, украшение шапки погребенного мельчайшими бусинами-кружочками, клыки медведя, обилие каменных наконечников, их форма и особенно бронзовые изделия. Все это заставляет предполагать контакт с населением внутренних областей Сибири.

Этническая принадлежность усть-бельцев не выяснена. Ю.Б. Симченко (1976) связывал их культуру с предками юкагиров.

Череп из Усть-бельского могильника, найденный Н.Н. Диковым, сочетает признаки байкальского и арктического антропологических типов с преобладанием черт второго (рис. 9).

По мнению И.И. Гохмана, череп близок к черепам оленных чукчей и резко отличается от древних черепов Якутии (Вдовин И.С., 1972).

Усть-мильская культура. Стоянка Усть-Миль находится на левом берегу Алдана около устья р. Миль и приурочена к 10-метровой террасе. *«По технике орнамента здесь, как и на многих стоянках раннего железного века Якутии, представлены сосуды, внешняя поверхность которых покрыта как вафельными отпечатками, так и отпечатками рубчатой лопатки...»* (Константинов И.В., 1978, с. 29). Поверх вафельных отпечатков наносился узор в виде комбинаций овальных, округлых, полулунных, прямоугольных, ногтевых и гребенчатых вдавлений.

Памятники усть-мильской культуры в субполярной зоне неизвестны. Возраст культуры определяется ранним железным веком. Можно предполагать, что это пережиточная лесная культура ымыяхтахского типа.

Рис. 9. Носитель усть-бельской культуры. Реконструкция Г.В. Лебединской по черепу из Усть-бельского кургана 8

Как указывалось, этническая принадлежность носителей культур вафельной керамики неизвестна. Предполагаемое юкагирское происхождение их не доказано и основывается на следующем положении: если юкагиры являются давними насельниками Сибири, их необходимо привязать к какой-либо древней археологической культуре. И действительно, наиболее подходящей культурой является культура вафельной керамики (ымыяхтахская) во всех ее вариантах. Но это только допущение.

Известные этнические группы населения Средней Сибири (кеты, якуты, тунгусы) являются относительно молодыми, посленелитическими (якуты – позднесредневековыми). Можно предположить, что эти группы пришельцев застали в Средней Сибири аборигенов, потомков носителей тех же культур вафельного типа. Встает вопрос: не сохранили ли эти группы какие-либо реликты культурного, мировоззренческого, языкового порядка? Проблема эта не разрабатывалась. Не может и автор предложить какой-либо версии. Однако следует отметить некоторые вкрапления чуждых лексем в ряде сибирских языков. К ним относятся следующие:

– як. *илим* ‘рука’ (Сарычев Г., 1811) при общетюркской форме *кол* (возможен переход в термин ‘приток, небольшая речка’; ср. р. Илим, приток Ангары);

– як. *кыл* ‘зверь’ при тюрк. форме *анг*;

– як. *мас* ‘дерево, лес’ при тюрк. *агаш/агач/ыяш*;

– юкаг. *анга* (колым.), *анганг* (тундрен.) и сельк. *ак* и *анг* ‘рот’, возможно, являются реликтами языка аборигенного населения. Однако не исключено самодийское заимствование в юкагирском, так как в южносамодийских языках есть фонетически близкая лексема с этим же значением: *матор*. *амга*, койб. *ань* ‘рот’.

Культуры Чукотки и Аляски

Культура вафельной керамики проникала и на восток – на Чукотку, Аляску. Однако население этих территорий (коряки, чукчи и эскимосы) существенно различалось по материальной культуре, о чем можно судить по устройству их жилищ.

С.И. Руденко (1947, с. 68) дает подробное описание жилища чукчей по наблюдениям экспедиции Биллингса–Сарычева (1785–

1792). Зимние жилища чукчей были похожи на алеутские. Внутренняя их часть имела форму продолговатого четырехугольника. Свод делался из жердей, китовых костей, покрывался травой, дерном и засыпался землей. Вход в жилье был сверху, через особое отверстие. В.Г. Богораз подобные жилища из челюстей кита видел в чукотском поселке Нунлигран. Землянка имела два входа. Верхним, через крышу, пользовались летом, а зимою – узким и длинным подземным тоннелем¹. Несомненно, такое же устройство жилищ было и у предков чукчей.

В XVIII в. оленные чукчи, судя по описаниям участников экспедиции Биллингса (Сарычев Г.А., 1952, с. 245), делали зимние жилища в виде «палаток» с покрытием из парных (сшитых мехом наружу) оленьих шкур и без специального входа.

С.И. Руденко (1947, с. 92) привел описание керамической технологии эскимосов о-ва Св. Лаврентия, сделанное по наблюдениям Гордона в конце XIX в. Глиняное тесто смачивалось тюленьей кровью, доводилась до состояния мягкой пасты, разминалось руками. Добавлялся песок и перышки с груди белой куропатки. Из этого материала вручную выделялся сосуд при помощи плоской деревянной лопаточки. Наружная поверхность заглаживалась и либо оставалась в таком виде, либо декорировалась резными линиями при помощи заостренной палочки.

Эскимосы острова Св. Михаила изготавливали керамические сосуды несколько иначе (описание Нельсона, конец XIX в.; Руденко С.И., 1947, с. 92). Плотная голубая глина смачивалась и разминалась руками, пока не становилась пластичной. Затем к ней примешивали короткую и жесткую траву и небольшое количество песка. Дно сосуда образовывалось круглым пластом заготовленной глины, а по краям ее возвышались стенки из тонкого пояса глины, обводимого несколько раз вокруг до тех пор, пока не получалась требуемая высота. Вершина и край формы сглаживались, и сосуд с обеих сторон оставался либо гладким, либо фестонился пальцами. Сосуд ставился у огня для просушки, затем разводили огонь снаружи

¹ Нам представляется более вероятным противоположное сезонное использование входов: зимой очень трудно пользоваться входом, скрытым под слоем снега (ср. Руденко С.И., 1948, с. 156).

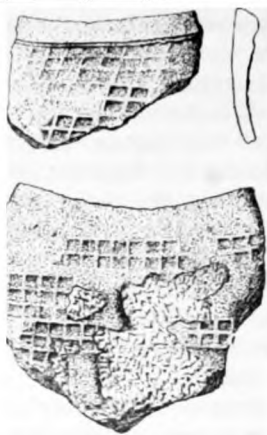

Рис. 10. Вафельная керамика с поселения Сирэник (Руденко С.И., 1947, рис. 26, 23, 24)

керамических сосудов с вафельным орнаментом, очевидно, наиболее соответствуют и древней технологии этого производственного процесса.

и изнутри и обжигали в течение часа или двух таким сильным жаром, какой только можно получить.

С.И. Руденко (1947) сообщал, что Г. Коллинз (публикация 1937 г.) на о-ве Св. Лаврентия нашел большой обломок керамики с типичным «шашечным» орнаментом. Вдавленные квадраты со сторонами 6 мм были глубоко оттиснуты на гладкой поверхности сосуда. Подобного рода черепки сам С.И. Руденко нашел на Чукотке в пос. Сирэник¹ ('удача'). Но квадраты-«вафли» были более крупные – длина сторон их могла быть от 0,5 до 1 см (рис. 10).

Приведенные относительно недавние описания изготовления ке-

Культуры Камчатки и культуры Алеутских островов

Древние обитатели островов не были знакомы с керамическими изделиями. В их языке даже отсутствовали слова, обозначающие глиняную посуду. Судя по находкам в нижних слоях поселения Чалука на острове Умнак, пищу готовили в каменных чашах с толстыми прямыми стенками и плоским закругленным дном. Материалом для изготовления чаш служил песчаник (Окладников А.П., Васильевский Р.С., 1976, с. 69).

Заселен полуостров Камчатка сравнительно поздно. По самому древнему слою VII памятника Ушки I получена радиоуглеродная дата $14\,300 \pm 200$ лет (Диков Н.Н., 1977). По мнению Н.Н. Дикова (1993), первые насельники Камчатки были предками индейцев Америки, о чем свидетельствуют черешковые бифасиальные наконечники

¹ В адаптированной русскими форме – Сиреник.

стрел памятника Ульхум в Америке: они схожи с таковыми памятника Ушки I. Но откуда пришли первые камчадалы? Возможны две версии решения этого вопроса.

Версия 1. Ительмены – это потомки первых насельников дальневосточных земель, которые пришли из Восточного Околосредиземноморья по австрийскому (южному) пути – побережью Индийского и Тихого океанов. Некоторая географическая изоляция благоприятствовала обособлению их языка и палеолитической культуры в среде иноязычных эскимосов, коряков, алеутов, айнов, чукчей.

Версия 2. На Камчатку в IV–III тыс. до н.э. со стороны Чукотки проникла наиболее древняя послепалеолитическая культура, бескерамичная, с вкладышевыми ножевидными пластинами, но без клиновидных нуклеусов. На р. Амгуэма (впадает в Чукотское море) обнаружены характерные наконечники стрел с ромбическим сечением, с которыми схожи каменные наконечники стрел из IV слоя памятника Ушки I. Н.Н. Диков (1977) допускает, что эта культура изначально зародилась в Восточной Сибири (Алдан, Забайкалье). Он же не исключает ее ительменскую принадлежность, отводя ительменам аборигенную роль по отношению к корякам и тем более айнам. Восточносибирское происхождение предков ительменов признавал и С.И. Руденко (1948, с. 167).

Нам представляется более убедительной вторая версия.

Следует отметить и оригинальную версию Г. Коллинза (Левин М.Г., 1958, с. 214), который отметил отчетливую, по его мнению, связь культур Камчатки и Америки. Каменные лампы, жилища с входом через дымовое отверстие в крыше, лабретки (губные украшения-вставки) – все эти элементы, по мнению Г. Коллинза, проникли из Америки на территорию Камчатки и прилегающие области Северо-Восточной Азии. Эти влияния шли через Алеутские острова. Версия Г. Коллинза не нашла поддержки.

Однако достоверно история ительменов расширяется только с I тыс. до н.э.

А.К. Пономаренко (1985) выделил в указанной культуре три этапа: тарьинский – I тыс. до н.э., кроноцкий – I тыс. н.э., налычевский – II тыс. н.э. Н.Н. Диков (1977а, 1979) несколько по-иному делит древнеительменское время. Он выделяет тарьинскую культуру (II и I тыс. до н.э.) и собственно древнеительменскую (конец I

и значительная часть II тыс. н.э., или до XVI–XVII в.), в которой он выделяет два синхронных, но пространственно разобщенных варианта: среднекамчатский (никулинский) и южнокамчатский (налычевский). Ранние страницы истории ительменов описаны в гл. 6.

Памятники охотоморского побережья

На континентальном (западном) побережье Охотского моря известны поселения, оставленные, по мнению Р.С. Васильевского (1971), древними коряками. На полуострове Пьягина в бухте Кип-Кич обнаружено древнее поселение из 16 жилищ, внешне напоминающих холмы с ямами (западинами) на вершине. Холм жилища № 1 имеет размеры 12 × 16 м; глубина западины 0,8 м при диаметре 8 м. В культурном слое обнаружены кости млекопитающих, в том числе и кита, фрагменты керамических сосудов, орудия из камня и кости, напластования раковин моллюсков. Судя по фрагментам керамики, сосуды были тонкостенные, изготовлены из слабо отмученной глины с примесью крупнозернистого песка. Вся поверхность сосудов была орнаментирована сплошными оттисками ложнотекстильного (по терминологии Р.С. Васильевского) штампа (рис. 11). Оттиски очень четкие, рельефные и совершенно одинаковые по форме и размерам.

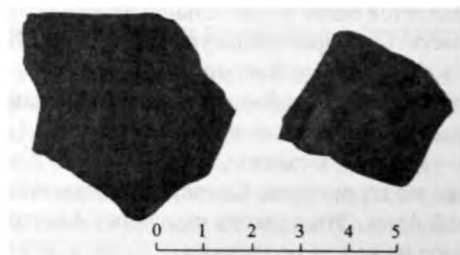

Рис. 11. Древнекорякская керамика с ложнотекстильным орнаментом (Васильевский Р.С., 1971, табл. LVIII)

Керамика древнекорякских поселений, по мнению Р.С. Васильевского (с. 176), очень похожа на керамику континентальных районов Сибири, в первую очередь Якутии, а через нее и Прибайкалья. На побережье Охотского моря керамике с ложнотекстильным

орнаментом не предшествовала никакая другая. В последние века до новой эры туда из глубин Сибири пришла группа населения, которая принесла с собой остро- и круглодонные сосуды с ложнотекстильным орнаментом. Связь с континентальными культурами подтверждается и сходством каменного инвентаря, костяных наконечников стрел.

Материалы Р.С. Васильевского позволяют датировать появление коряков на западном побережье Охотского моря последними веками до новой эры.

На поселении Атарган (из коряк. 'муравейник') около райцентра Ола зафиксировано 40 округлых в плане полуземлянок. К внешним стенкам крупных центральных жилищ были пристроены меньшие по размерам (от 4 до 7 м в диаметре).

Памятники Нижнего Амура

У пос. Сикачи-Алян Хабаровского края на правом берегу Амура в его нижнем течении изучены памятники мохэского времени – V–VII в. н.э. (Дьякова О.В., Шавкунов Э.В., 1975). Вторая группа керамики имеет классический вафельный орнамент ымыяхтахского типа. Сосуды изготавливались методом кольцевых налепов из каолиновой глины с добавкой дресвы в качестве отошителя. Судя по фрагментам сосудов, боковые стенки их были покрыты ложнотекстильным (вафельным. – А.М.) орнаментом. Этот орнамент имел технологическое происхождение: он наносился при окончательной формовке сосуда методом выколачивания. На наружной стенке сосуда оставались негативные отпечатки

Рис. 12. Вафельная керамика с городища Сикачи-Алян на Нижнем Амуре (Дьякова О.В., Шавкунов Э.В., 1975, рис. 3, 4)

узора, образованного перпендикулярно пересекающимися нарезками (бороздами) на деревянной лопатке. В тонких местах накладывались новые слои теста, которые «пробивались» лопаткой, отчего стенка становилась довольно толстой – до 0,7 см. В итоге стенка сосуда

приобретала слоистую текстуру. На некоторых фрагментах последовательность этой операции прослеживается довольно четко: под каждым слоем фиксируется ложнотекстильный орнамент – негативный отпечаток узора лопатки (рис. 12).

Культуры Таймыра

На Таймыре также известны археологические памятники, на которых была найдена вафельная керамика.

Особый для нас интерес представляют памятники маймеченской культуры (III – самое начало II тыс. до н.э.). Культура возникла в результате взаимодействия белькачинцев и аборигенного населения, заселившего Таймыр в мезолите. В керамическом тесте к глине примешивалась шерсть, реже шамот. Характерен сетчатый орнамент как последствие технологического приема: горшок обжимали сеткой с ячейками 3×5 и 5×5 мм. На поверхности отпечатывался сетчатый орнамент с ямками на месте узелков. Л.П. Хлобыстин (1998) назвал такой орнамент сетчато-ямочным.

Примечательны находки лабреток – каменных украшений, вставляемых в искусственные прорезы на щеках около губ (Хлобыстин Л.П., 1969). Эти украшения типичны для эскимосов, алеутов и некоторых индейских племен Северной Америки. Л.П. Хлобыстин допускал пребывание на Таймыре населения палеоэскимосского типа, родственного обитателям Севера Америки. В 1763 г. полковник Плениснер, участник Второй камчатской экспедиции Беринга, записал от «сидячих чукоч» (чукчей) сведения о людях с Ратманова острова в Беринговом проливе. Люди эти говорят особым языком, а *«...самые лучшие их мужики и старшины имеют у себя для украшения их сделанные из моржовых зубов подле рта у нижней губы в прорезанных на обеих сторонах скважинах по одной плоской кости круглой, подобных затонкам, величиною как прежде пятикопеечные медные и против нынешних гривенников и пятикопеечников серебрянных; и те кости они вдевают в помянутые скважины во время своего друг к другу приезда в гости или во время их жертвы, по сему и называются Зубатые; а когда начнут есть, то те кости из прорезанных скважин вынимают; а как наедятся, паки в те же скважины вставляют, и живут де те люди ... в поставленных из*

больших моржовых кож и осыпанных землею юртах» (Берг Л.С., 1935, с. 124). Находки лабреток на Таймыре – самые западные из всех известных в Заполярье. У предков современных народов Заполярной Сибири они неизвестны.

Начало эпохи бронзы на Таймыре связано с возникновением абылаахской культуры с характерной вафельно-рубчатой керамикой. Сосуды формировались при помощи лопаток, оставлявших рубчатые и вафельные отпечатки (рис. 13). Здесь же найдены каменные изделия, характерные для ымыяхтахской культуры. Керамические изделия с вафельными и рубчатыми отпечатками найдены в приустьевой части р. Половинка (Константинов И.В., 1978). Бронзолитейная мастерская стоянки Абылаах I, на которой также была найдена вафельная керамика, имеет возраст 3100 ± 60 лет.

Рис. 13. Вафельная (ымыяхтахского типа) керамика с Таймыра (Хлобыстин Л.П., 1998, табл. 44, 3)

На рубеже II и I тыс. до н.э. междуречье Оленека и Хатанги занимали охотники за оленями, которые создали культуру, названную Л.П. Хлобыстиным **буолкалаахской**. Для этой культуры характерны выбивная технология изготовления керамической посуды с вафельным орнаментом и трехгранные каменные наконечники стрел. Культура своими корнями связана с Нижней Леной (Хлобыстин Л.П., 1969).

Пясинская культура сформировалась в середине I тыс. до н.э. на базе абылаахской культуры, испытавшей влияние байкитской культуры (пришедшей со стороны Енисея). С пришлой культурой, которая достигла западного Таймыра примерно 4 тыс. лет назад, появилась керамика с линейно-накольчатыми, гребенчатыми и ямочными узорами (Хлобыстин Л.П., 1973). На правом берегу р. Пясины ниже устья р. Малая (далее – Мал.) Коренная (69 км от истоков р. Пясины) на 10-метровой террасе изучена стоянка Пясины IV-A, датированная по радиоуглероду 2830 ± 70 (JE-1104), 2440 ± 90

(ЛЕ-1149) и 2430 ± 50 лет (ЛЕ-712). Горшки изготавливались способом выбивания и имеют характерную слоистость. Описан горшок, поверхность которого, где орнамент не нанесен, покрыта хаотическими отпечатками вафли. Выколачивание производилось по влажной глине, и края ячеек затекли. Узор на колотушке образован узкими (3,5 мм) нарезками, перпендикулярными друг другу. Размер ячеек $3,5 \times 4$ мм. Найдены сосуды, которые, по-видимому, выбивались гладкой лопаткой и заглаживались. В тесте характерна примесь дресвы, а иногда и шерсти, что указывает на традиции, восходящие к ымыяхтахской культуре.

В конце I тыс. н.э. на Таймыр из Западной Сибири проникают носители **вож-пайской культуры**¹. На берегу р. Пясина они оставили поселение Дюна III, где раскопано наземное жилище из тонких листовенниц площадью около 350 м². Найдено около 20 крупных горшков, орнаментация которых аналогична синхронной керамике городища Вож-Пай и ряда погребений Барсова Городка. По поселению получена радиоуглеродная дата 1050 ± 50 лет (ЛЕ-1105). Л.П. Хлобыстин (1976) предполагал, что пришельцы были самодийцами. Аборигенное население Таймыра в это время занималось охотой на дикого оленя. Жили они в долговременных, но сезонно обитаемых жилищах, остатки которых нередко встречаются по берегам оз. Таймыр. Нынешние нганасаны называют эти жилища *моусиакору* 'земля дыра дом'. Аборигены-охотники переняли от пришлых самодийцев (предков энцев? – А.М.) не только язык, но и навыки оленеводства. Очевидно, именно этих аборигенов нганасаны называют моррэз.

Культуры севера Западной Сибири

В 1928–1929 гг. на Ямале работала первая советская этнографическая экспедиция под руководством Натальи Александровны Котовщиковой, которая трагически погибла при проведении полевых работ (Пика А.И., 1989). В этой экспедиции свой первый полевой сезон работал студент географического факультета Ленинградского университета Валерий Николаевич Чернецов. В.Н. Чернецов (1935) первым дал описание стоянок морских зверобоев на полуострове

¹ Этап кинтусовской культуры (IX–XIII в.) Западной Сибири (Семенова В.И., 1995).

Ямал, пробудив интерес к этой группе заполярного населения, известного по легендам ненцев как сихиртя.

В.Н. Чернецов на поселении Тиутей-Сале (западный мыс полуострова Ямал) обнаружил несколько жилищ, которые имели круглую в плане форму диаметром 7 м (см. рис. 3). По окружности сооружения обнаружены остатки вертикальных столбов. В центре помещался очаг. В самом жилище и вокруг него были разбросаны кости зверей (морж, тюлень, кит, песец, белый медведь, северный олень) и птиц. Культурный слой мощностью в 20 см состоял из угля, костей, древесной щепы, кусочков китового уса.

На поселении найдены обломки глиняных сосудов, различные предметы из кости, камня и рога. Металлические предметы были изготовлены из железа (обломок ножа, наконечник стрелы вильчатой формы). Найдены тонкие листочки меди и бронзы. Керамика изготовлена методом налепа из синеватой глины с примесью крупнозернистого песка и слюды. По-видимому, это были неглубокие миски и горшки. Орнамент, нанесенный на верхнюю часть сосудов, — чеканный (штамп? — А.М.), преимущественно рамчатый (ромбический, овальный, удлиненно-овальный). Срез сосуда и его прикраевые части орнаментированы гребенкой.

Севернее, на мысе Хазн-сале, В.Н. Чернецов обнаружил несколько полуземлянок, строение которых ему удалось реконструировать. Жилища были округлой формы, углублены на 70–100 см. Свод образовывался деревянными брусьями, составленными конусом (как остов чума) и подпирался столбами. Сверху кровля засыпалась слоем земли. Посреди жилища находилось кострище. Вход имел вид небольшого, очевидно, крытого коридора длиной метра два. Коридор начинался на уровне пола и, постепенно повышаясь, выходил на дневную поверхность. На поселении найдены железные предметы (топоры, напильник, нож, обрывок кольчуги). В одной землянке слева от входа было обнаружено захоронение низкорослого (159,7 см) мужчины пожилого возраста.

В.Н. Чернецов связывал поселения на Ямале с таинственными сихиртя, морскими зверобоями, и датировал их XVI–XVII вв. Позже Н.В. Федорова (2002; Федорова Н.В. и др., 1998) существенно уточнила наблюдения В.Н. Чернецова. По ее мнению, на Тиутей-Сале жилища были наземные, а памятник не являлся постоянным

обиталищем прибрежных добытчиков морского зверя. Люди здесь жили в летнее время (июнь–сентябрь) и занимались в основном добычей оленей.

По итогам работ 1961 г. Л.П. Лашук выделил тиутейсалинскую культуру, ареал которой охватывал Большеземельскую тундру, Ямал и далее распространялся на Таз.

После работ первой этнографической экспедиции на севере Западной Сибири, в том числе на Ямале, были проведены археологические и этнографические исследования, которые значительно расширили фактологическую базу по проблеме сихиртя.

В 1994 и 1995 гг. проводились исследования на памятнике Тиутей-Сале I (Ямал) группой археологов под руководством Н.В. Федоровой (Федорова Н.В., Косинцев П.А., Фицхью В.В., 1998).

Были найдены фрагменты 56 сосудов. У всех выделены горловина и шейка. Часть сосудов имела круглодонную форму, но найде-

но 18 поддонов, более похожих на вазообразное дно самого сосуда. Композиционно узоры образуют пояски (зоны), которые заполнялись оттисками гребенчатого или фигурного штампов, расположенных вертикально-наклонными рядами или поставленных в шахматном порядке. Завершается узор наклонно-вертикальными столбиками, выполненными горизонтальными оттисками штампов или ими же нанесенными треугольными фестонами. Среди

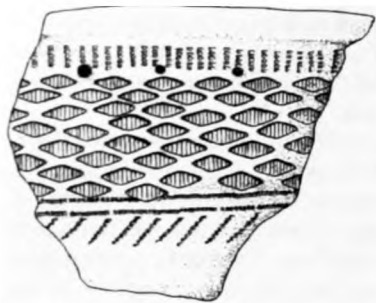

Рис. 14. Керамика с ромбическим штампом, напоминающим вафельный орнамент (Федорова Н.В. и др., 1998, рис. 20)

штампов встречаются оттиски в виде гребенки, полумесяца, уголка, ромба (рис. 14), овала, короткой волны.

Керамика имеет аналоги в материалах VI – начала VIII вв. н.э. по Средней и Нижней Оби, Большеземельской тундры. Особенно показательно сходство орнамента, выполненного ромбическим штампом (рис. 14), с орнаментом на керамике ярсалинского типа (см. рис. 17).

Найденные металлические литые фигурки из белой бронзы похожи на таковые из памятников лесной зоны. Фигурка медведя близка находкам из релкинской культуры Среднего Приобья (см. ниже), лося – с поселения Каксинская Гора в Нижнем Приобье. В жилищном сооружении № 2 найдены крестовидные бляшки, обломки бронзовых котлов более позднего времени (XII–XIV вв. н.э.). По трем жилищам получены радиоуглеродные даты: № 1 – 1640 ± 50 , № 2 – 770 ± 50 и № 3 – 1450 ± 50 лет. По мнению авторов, памятники Ямала представляют собой северную окраину ареала северо-таежных памятников Западной Сибири.

Памятники Ямала явились отправным репером в решении проблемы сихиртя.

Комплекс поселения Пякуто I. На юго-восточном берегу оз. Пякуто (верховья р. Пякупур) было изучено поселение эпохи поздней бронзы (середина – начало четвертой четверти II тыс. до н.э.). Л.Л. Косинская (2001) отмечала большое сходство каменной индустрии с таковой ымыяхтахской культуры (вкладыши с двухсторонней обработкой, скребки, остря, полиэдрические резцы, треугольные наконечники с боковой выемкой), в частности с инвентарем стоянки Абылаах I на р. Хета (Таймыр). Однако посуда имеет гребенчато-ямочный орнамент при полном отсутствии вафельного. По-видимому, здесь мы имеем явные следы взаимодействия северо-таежных культур и тундровых.

Кулайская культура. Материалы культуры имеют для нашего исследования особое значение, поэтому ниже описание культуры дается в расширенном виде.

Впервые кулайские древности стали известны после изучения И.М. Мягковым (1929) бронзовых изделий с горы Кулайка у с. Подгорное на р. Чая. Им были изучены бронзовые ажурные предметы с зоо- и антропоморфными изображениями, оружие, бронзовые котлы скифского типа, зеркала и круглые бляшки. Исследователь считал эти предметы приношениями на священное культовое место местным населением в интервале времени от II в. до н.э. по IV в. н.э. Позднее В.Н. Чернецов (1953) эту культуру назвал кулайской и определил ее возраст в рамках IV в. до н.э. – I в. н.э. В.И. Матюшенко (1999) расширил временной диапазон культуры: VI в. до н.э. – V в. н.э. В составе культуры Л.А. Чиндина (1984) и Ю.П. Чемякин (2001)

выделяют васюганский (VI–II вв. до н.э.) и саровский (I в. до н.э. – IV в. н.э.) этапы. Позднее Ю.П. Чемякин (1997) несколько сузил возрастные рамки кулайской культуры, выделив раннекулайскую (IV/III – I в. до н.э.) и саровскую стадию (I в. до н.э. – III/IV в. н.э.).

В изучении культуры в разное время принимали участие Ю.Ф. Кирюшин, М.Ф. Косарев, В.А. Могильников, Л.М. Плетнева, Т.Н. Троицкая, Р.А. Ураев, Ю.П. Чемякин, Л.А. Чиндина и др. Работа Л.А. Чиндиной «Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа» (Томск, 1984) подводит итоги многолетнему изучению кулайской культуры.

Носителями культуры были оседлые охотники и рыболовы. Памятники кулайской культуры (поселения, городища, культовые места, клады) известны как в лево-, так и в правобережье Оби от устья Чулыма до Сургута (Чиндина Л.А., 1973).

Поселения возникали на берегах небольших рек, недалеко от их устья, в незатопляемых местах, что позволяло им функционировать круглый год. В таежных местах поселения располагались кучно, недалеко одно от другого. Количество жилищ на поселениях колебалось от 2–3 до 10–15.

Городища (укрепленные поселения) васюганского типа были небольшими – от 400 до 1 200 м². Обычно они создавались на мысах, на господствующей над окружающим пространством местности. Валу и рвы, окружающие городища, имели ширину 2–3 м, высота вала 0,6–0,9 м, глубина рва 0,6–0,8 м. Степановское городище на Васюгане занимало мыс, возвышающийся над рекой на 6–7 м в излучине р. Лемпа, притока Васюгана, в полутора километрах от устья (Чиндина Л.А., 1984). Городище было обнесено с трех сторон системой укреплений. Внутри находились три жилища, каждое из которых было дополнительно обваловано. Основание и стенки вала были укреплены деревянной системой (каркас из вертикальных столбов и мелких горизонтальных бревен, выложенных клетью в основании вала). Крепида вала сооружалась как с внутренней стороны городища, так и с внешней. Сверху насыпи существовал еще забор, возможно, типа частокола.

Жилища на поселениях и городищах заглублялись в землю не более как на 70 см. В плане были квадратной или прямоугольной формы площадью от 8 до 50 м². В жилищах четыре столба вкапывались,

а сверху закреплялись рамой или были сопряжены попарно на некотором расстоянии от стен. На них опирались косо поставленные боковые и угловые прогоны (бревна) для шатрового перекрытия. Покрывали жилище берестой, корой, мелкими жердями.

Другой тип каркасных жилищ представлял собой несущую конструкцию, плотно примыкающую к стенам котлована. Стены, по-видимому, забирались бревнами в паз опорных столбов и выводились вертикально (поселения Степановские и Тух-Сигат VII на Васюганье). Из жилищ наружу вел коридорообразный выход. Очаг как правило, располагался в центре или ближе к выходу. Вокруг кострища сооружался прямоугольный сруб высотой 30–40 см. В очагах всегда было много обломков керамики и жженных костей животных. Артефакты встречались в основном вокруг очагов. Иногда скопления обломков керамических изделий концентрировались у стен или в углах.

В Сургутском Приобье известно более 40 кулайских памятников, среди которых 15 городищ, два могильника, святилище, клад (Чемякин Ю.П., 2001). Пожалуй, из северных (по Оби) памятников кулайской культуры наиболее изучены поселения в урочище Барсова гора близ Сургута и в окрестностях д. Сайгатино, известные с 1968 г. (Чемякин Ю.П., 1997). Здесь были обнаружены многочисленные полуземлянки своеобразной конструкции. Площадь жилища была несколько больше котлована, углубленного в грунт на 20–30 см. Стены отстояли от котлована на расстоянии 1–1,3 м. Следовательно, вдоль стен был уступ, который, очевидно, представлял собой нары. Стенки котлована укреплялись рамой из плах. Сами стены были построены из вертикально или слегка наклонно поставленных жердей, опиравшихся на квадратную раму, которая укладывалась на столбы, поставленные в углах котлована. В центре жилища находился очаг с кальцинированными косточками, угольками, мелкими фрагментами керамики и обломками тиглей.

Сосуды имели округлое или приостренное дно, некоторые имели поддоны. В качестве отошителей в тесте были отмечены шамот (преобладает), толченая кость, охра, солома, песок, дресва. Орнаментировались верхняя часть посуды, венчик и поддоны. Орнамент наносился штампом гребенчатым (преобладает), гладким, в виде птички, утки и уголка. Разделительная зона между шейкой и

плечиком выполнена в виде ряда ямок или жемчужин и их комбинаций. Вафельный орнамент отсутствовал.

Время функционирования поселений на Барсовской горе определено в рамках от V–VI вв. н.э. (по границе карымского этапа; см. ниже) до XI вв. (Федорова Н.В., 1978).

Самая северная кулайская (саровская) керамика известна на р. Юрибей – поселения Юр-яха I и II, Ярте II, Юрибей III и др. (Федорова Н.В., 2002).

В эпоху раннего железа в тайге Западной Сибири сложилась огромная общность людей с традиционным присваивающим и присваивающе-производящим многоотраслевым хозяйством. Рыболовство было важнейшим занятием кулайцев, чему благоприятствовало обилие водоемов. Охота являлась другим важнейшим занятием. Главным объектом охоты был лось, затем пушные звери (соболь, барсук, россомаха, белка, заяц). Скотоводство было известно всем жителям кулайской культуры. Разводили лошадей низкорослой крупноголовой породы (Матющенко В.И., 1999). На южной и западной периферии культуры разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней (Чиндина Л.А., 1984). Эти животные требовали стойлового содержания и заготовки кормов на зиму. Развитие здесь приусадебного скотоводства вызвало замирание сезонной охоты и усиление оседлости (Троицкая Т.Н., 1979).

Бронзолитейное производство кулайцев отличалось высоким качеством и удовлетворяло все потребности общества. Изготавливались ножи, тесла, украшения, наконечники стрел и копий, чеканы, зоо- и антропоморфные изображения культового предназначения. Источниками сырья были месторождения южных районов и лом металлических изделий, изготовленных в различных металлургических центрах (Яковлев Я.А., 1991, с. 120). Об этом свидетельствуют и результаты их спектрального анализа (Чиндина Л.А., 1984).

Нижний слой памятника Зеленая Горка (памятник занимает мыс с относительной высотой 12 м над уровнем р. Полуй, недалеко от впадения ее в р. Обь) датируется эпохой раннего железа (Чернецов В.Н., 1953). В нижнем слое раскопа I найдены обломки керамической посуды, орнаментированной мелким фигурным штампом, придающим посуде исключительно нарядный вид. Ниже орнаментальной зоны, на переходе шейки к тулову, располагается ряд сви-

сающих треугольников, которые состоят из оттисков розеток ромбовидного, квадратного или полулунного (рожками вверх) штампа. Имеется штамп вафельного типа (рис. 15). Но этот рисунок (треугольник) оформлен не единым штампом (резной лопаткой), а системой правильно расположенных вдавлений квадратной палочкой, что в принципе не соответствует вафельному штампу технологического происхождения, когда вафельный орнамент нанесен на поверхность лопатки, которой производится выбивка стенок сосуда. В данном случае орнамент, напоминающий вафельный, имеет чисто декоративное, а не технологическое происхождение.

В Нарымском Приобье на основе кулайских традиций в VI–IX вв. функционировала **релкинская** культура, носители которой были предками селькупов. В керамике валикового типа (тип III-A, по Чиндиной Л.А., 1991, с. 49) в качестве элементов орнамента использовались и вафельные штампы. Налепные валики, по мнению исследователей, указывают на тунгусо-маньчжурское влияние культуры из Восточной Сибири, где она бытует с эпохи бронзы. Возможно, с этим же влиянием связано и появление вафельного орнамента на посуде релкинцев. В валиковой же керамике типа III-B, по Л.А. Чиндиной, наряду с другими штампами применялся и глазчатый.

По черепу из могильника стратопического памятника Релка была выполнена реконструкция, которая дает первое представление о физическом типе носителей культуры (рис. 16). Судя по реконструкции, релкинец был высокими европеоидом с выступающим прямым носом и альвеолярным прогнатизмом. Такая характеристика несколько неожиданна, так как релкинцы считаются прямыми предками селькупов, облик которых несколько иной (Дебец Г.Ф., 1947). Нарымские селькупы имеют характерное выступание скул, широкий нос. Правда, среди селькупов верховий Кети встречаются худощавые типы с узким длинным лицом, прямым узким, но невысоким носом. Этот тип имеет явные европеоидные черты. Именно к этой

Рис. 15. Керамика из нижнего слоя памятника Зеленая Горка (Чернецов В.Н., 1953, табл. XXII, 7)

группе селькупов наиболее близки релкинцы, если судить по единичной реконструкции.

Усть-полуйская культура выделена В.Н. Чернецовым (1953), который возраст ее определил второй половиной I тыс. до н.э. Позднее хронологические рамки культуры уточнены как IV в. до н.э.–II в. н.э. Л.А. Чиндина «омолодила» культуру, указав время ее существования со II/I вв. до н.э. по III/IV в. н.э.

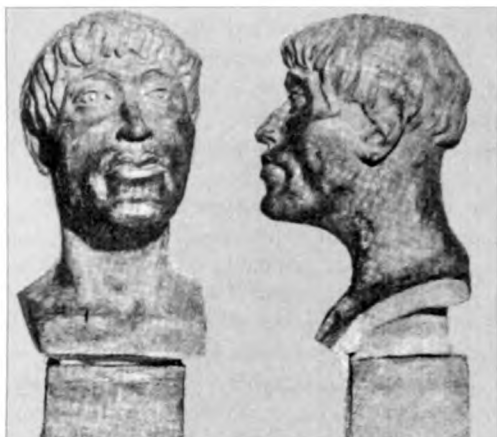

Рис. 16. Носитель релкинской культуры (Яковлев Я.А., Дремов В.А., 1993)

Усть-полуйское городище расположено на невысоком (8 м) правобережном мысу долины р. Полуй примерно в 2 км от ее устья. Мыс ограничен с двух сторон долинами небольших ручьев, имеет в длину около 85 м. Памятник находится по соседству с Салехардом на территории гидропорта, что и предопределило неудачную его судьбу. В одном только ему повезло: в 1935–1936 гг. его раскапывал В.С. Адрианов, материалы которого были обработаны и введены в научный обиход В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской, и памятник получил ранг стратотипического для выделенной усть-полуйской культуры.

В низовьях Оби, Таза и на Ямале изучено несколько десятков памятников усть-полуйской культуры, из которых наиболее известны Шеркалы IX и X, Сартынья I и II, Сехрау-Сале I и II, Нарыкары II, святилище Сехрай-Сале и др.

В 1966 г. поисковыми работами Заполярной экспедиции в низовьях Малой Хадыты (Южный Ямал) на стоянке Хадыта-яха I был найден фрагмент горшка с мелкочаеистым прямоугольным узором (Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П., 1986). В тесте горшка есть примесь шерсти. Вафельный орнамент с мелкими прямоугольными ячейками имеет технологическое происхождение. По этим признакам он относится к ымыяхтахскому типу. Ближайшей территорией с такой керамикой является Таймыр, где подобная керамика датируется концом II тыс. до н.э.

Для рассматриваемой культуры характерно появление нового типа керамики, ранее неизвестного в Нижнем Приобье, – сосуды на высоких полых поддонах. Эта керамика копирует бронзовые котлы на поддонах скифского типа. На некоторое время они даже вытесняют традиционную круглодонную посуду (Мошинская В.И., 1953; Чернецов В.Н., 1953). Примерно на рубеже эр керамические сосуды на поддонах исчезают. Позаимствовав форму, мастера сохранили старую технологию изготовления – ленточным налепом и выбивку.

Усть-полуйская культура рассматривается как родственная кулайской, а обе – как входящие в единую историко-культурную общность. Имеющиеся южные элементы придали ей некоторое своеобразие, не затмив ее аборигенное происхождение (Гемуев И.Н. и др., 1984, с. 78).

Не имея генетических корней в Нижнем Приобье, усть-полуйская культура связывается с приходом нового населения – кулайцев-саровцев (Чиндина Л.А., 1992). Более того, Ю.П. Чемякин (1995) вообще считает ошибкой выделение усть-полуйской культуры как самостоятельной. По его мнению, памятники усть-полуйского типа хорошо вписываются во временные рамки и типологию кулайской культуры.

Нижнеобская культура сформировалась на основе усть-полуйской культуры в I тыс. н.э. Она занимала обширное пространство по Нижней Оби, но едва ли заходила далеко в левобережье Иртыша между Тобольском и Тарой. К западу от Тобольска она доходила до

Тюмени. На востоке граница культуры проходила по Нарымскому краю (Чернецов В.Н., 1953, с. 238).

Вафельная керамика и в западных районах доживает до эпохи раннего железа. В низовье Оби среди керамики ярсалинского (послеусть-полуйского) этапа (II–III вв. н.э.) был найден черепок с четким вафельным отпечатком (Чернецов В.Н., 1957, табл. VI, б). Подобного рода орнамент был и на посуде карымского этапа (IV–V в. н.э.). Но, похоже, такой сетчато-ромбический отпечаток здесь имеет не технологическое происхождение, как в Якутии, а является чисто художественно-орнаментальным. Н.В. Федорова (1978) не упоминает в нижнеобских культурах I тыс. н.э. вафельную керамику. Типологически орнаментальные мотивы ею отнесены к группе фигурноштамповых с преобладанием уголкового и ромбического штампов. Именно геометрически правильно расположенные ромбы создают впечатление «вафли».

Возможно, в связи с изменением техники изготовления посуды ранний технологический вафельный орнамент (эпохи бронзы Якутии) перешел в разряд художественного (там же, табл. X, 1–4, 8; XI, 8). Нельзя исключать и самостоятельное происхождение его в таежных культурах.

Ярсалинский этап (II–III в. н.э.) неразрывно связан с предыдущим этапом истории населения по Нижней Оби (усть-полуйская культура). Памятники встречаются на огромной территории от р. Тара на юге до устья Оби на севере. Хотя стратотипом является памятник на мысе Яр-сале в южном Ямале, наиболее богатые памятники обнаружены в низовье Исети и по р. Юконда, левом притоке Конды. Особенно интересно городище Ус-Толт 'городская пристань', расположенное у пос. Карым. Находится городище на останце при впадении небольшой речки Вос-Кальтенг-Я в р. Харом-Я. Городище было укреплено рвами и тыном из вертикально поставленных бревен. На городище обнаружены жилищные западины, одна из которых была раскопана (Чернецов В.Н., 1957, с. 141). Землянка, углубленная в грунт на метр, имела шатровое перекрытие, опиравшееся на столбы, которые стояли по углам центрального очага. По своей конструкции она совершенно аналогична полуземлянке, раскопанной на селище Зеленая Горка близ Салехарда (Чернецов В.Н., 1949), и жилищам, широко бытовавшим в Нижнем При-

обье среди хантов и манси вплоть до начала XX в. Керамика хорошо делится на три стратиграфические группы. Для третьей группы характерны «уточки» и глазчатые ромбические штампы (рис. 17).

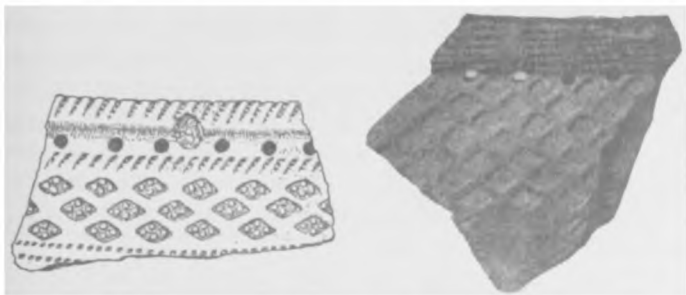

Рис. 17. Глазчатый орнамент керамики городища Ус-Толта (Чернецов В.Н., 1957, табл. II, 7;) и Словоцовского городища на Андреевском озере (там же, табл. VI, 6)

Глазчатый штамп появился в эпоху раннего железа, расцвета достиг в первых веках новой эры. Позже такой орнамент сохранился хантами на берестяных изделиях.

Л.А. Чиндина (1992) считает, что ярсалинский этап близок саровскому этапу кулайской культуры, и объединяет их в единую кулайскую общность.

Карымский этап (IV–V в. н.э.) отражает новации, которые и позволили выделить упомянутый этап. Нас привлекает орнамент из горизонтальных ромбов, расположенных в шахматном порядке, напоминающий вафельный орнамент Восточной Сибири (Чернецов В.Н., 1957, табл. X, 1–5, 8). На Перейминском могильнике (низовье Туры, Андреевское озеро) обнаружено много земляных курганов, вытянутых по краю террасы. Под одним курганом (6,5 × 8 м) на глубине 0,4 м от поверхности под центральной частью насыпи обнаружено небольшое кострище. По обе стороны кострища вскрылись два могильных пятна, ориентированных в меридиональном направлении. В одной яме на глубине 1 м найден плохо сохранившийся костяк, лежащий вытянуто на спине, головой на север. Череп покойного в затылочной части пробит каким-то острым предметом.

Плохая сохранность скелетов не позволяет в деталях определить обряд захоронения. Можно только сказать, что покойные были положены вытянуто на спине, а головой ориентированы на север, иногда с отклонением к северо-западу.

Памятники этапа очень близки релкинским.

Оронтурский этап (VI–IX в.) назван по оз. Оронтур в верховьях р. Конда. Известны городища (укрепленные населенные пункты), селища, могильники. На городище Люли-Кар ‘высокий городок’ среди керамики найдены экземпляры с ромбическим штампом. Ромбы горизонтально расположены в шахматном порядке. Заполнение ромбов либо глазчатое (четыре круглых «глазка»), либо вертикальные штрихи (по четыре в ромбе).

В.Н. Чернецов известный памятник Тиутей-Сале на Ямале также вводит в круг оронтурских. Отметим, что и здесь присутствует ромбический штамп с четырьмя вертикальными штрихами (Чернецов В.Н., 1957, табл. 25, 3).

Кинтусовский этап (X–XIII в.) назван по могильнику у юрт Кинтусовских в верховьях Салыма, левого притока Оби. Могильник расположен на берегу озера. С одной стороны он ограничивается озером, с другой – канавой. На берегу озера в большом количестве встречались орнаментированные черепки посуды, изредка попадались металлические украшения (шумящие подвески, гривна, серебряные височные кольца, серебряная серьга, бронзовая личина человека в островерхом шлеме). Много обнаружено железных наконечников стрел, характерных для II тыс. н. э.

При раскопках на могильнике найдено три целых сосуда. Один очень простой, неорнаментированный, второй орнаментирован полулунным штампом, третий – широким поясом ромбического глазчатого штампа. Последний орнамент более всего напоминает вафельный. Ромбики с вертикально ориентированной длинной диагональю расположены в правильном шахматном порядке. Орнамент ромба осложнен четырьмя точками. И все же невыдержанные ориентировка большого диаметра ромбов и расстояние между ромбами явно указывают на то, что использовался не единый штамп-лопатка, а отдельные штампы-ромбики на торце палочки (рис. 18).

К началу II тыс. н.э. относится и селище Зеленая Горка (р. Полуй), которое дало соответствующее название и археологической культуре. Одна из четырех жилищных ям была раскопана, и по материалам раскопа была воссоздана конструкция жилища (Чернецов В.Н., 1957, с. 232).

Центр землянки занимал очаг. Для него был изготовлен четырехугольный сруб из жердей диаметром 10–15 см, заполненный песком. По обе стороны очага были оставлены проходы шириной около 1 м, за которыми вдоль стен располагались нары. По углам очага, в некотором отдалении от него, в пол землянки были вертикально вкопаны четыре бруска, возможно, также связанные рамой, которые служили, очевидно, для подвешивания котлов, сушки рыбы и пр. Перед очагом начинался углубленный на 0,5 м короткий проход, заканчивавшийся, вероятно входными сенями. Основу кровли составляла четырехугольная рама, покоившаяся на четырех столбах, поставленных в центральной части землянки. На углы рамы опирались верхними концами четыре бревна, нижние концы которых были укреплены в углах землянки. Накат сооружался из нетолстых наклонных бревен, которые нижними концами стояли на краю ямы, а верхними опирались на центральную раму и основные бревна. Покрывался накат обрешеткой из жердей, поверх которых лежала береста, на ней – слой еловых лап, затем слой угля и, наконец, земляная засыпка. Большое количество камней, кости песка и северного оленя были сконцентрированы в основном в жилище за очагом и в боковых проходах.

Для завершающего этапа культуры Зеленой Горки характерно полное отсутствие керамики. Это время (XIII–XIV вв.) фиксирует появление металлической посуды, которая полностью вытеснила керамическую. На синхронном городище Мань-Няслан-тур на р. Ляпин также отсутствует керамика. Но изделия из кости и рога были многообразны и многочисленны. Металлические изделия были

Рис. 18. Керамика из кинтусовского могильника (Чернецов В.Н., 1957, табл. 43, 18)

как импортные (подвески из белой луженой бронзы и др.), так и собственные. На Зеленой Горке обнаружено большое количество литейных шлаков, что является прямым доказательством существования металлургического производства.

Нет сомнений в том, что нижнеобская культура представляет собой единое целое не только сама по себе, но и с предшествующей усть-полуйской культурой.

Образование этих культур (усть-полуйской и нижнеобской), по мнению Л.А. Чиндиной (1992), связано с миграцией кулайцев-самодийцев.

Заканчивая обзор археологических памятников таежной зоны Западной Сибири, следует обратить внимание на статью Н.В. Федоровой (1978). Автор статьи, анализируя историю населения таежной зоны Западной Сибири, приходит к следующему важному выводу.

В лесной зоне Обь-Иртышского бассейна в I тыс. до н.э. существовало культурное единство, выразившееся, прежде всего в фигурно-штамповой орнаментации керамики. Локальные варианты были настолько незначительны и так плавно переходили друг в друга, что вряд ли они могут быть введены в ранг самостоятельных культур (релкинская, потчевашская и др.). Общность сформировалась во второй половине I тыс. до н.э. До последней четверти I тыс. н.э. она развивалась по единым принципам. Одной из причин формирования общности была хорошо развитая речная сеть региона, которая благоприятствовала свободному перемещению людей на огромной территории. Локальные группы нижнеобской культуры полностью соответствуют периодизации, предложенной В.Н. Чернецовым (1957). К концу I тыс. н.э. различия между локальными вариантами усиливаются вследствие нескольких причин: различные культурные связи, тюркское влияние, появление скотоводства и земледелия.

Следовательно, известные таежные культуры Западной Сибири (кулайская, усть-полуйская, нижнеобская) отражают этапы истории единой популяции, зародившейся в Васюганском (Нарымском) Приобье.

Работы екатеринбургских археологов в последние годы внесли заметные изменения и уточнения в схему, предложенную В.Н. Чернецовым (Семенова В.И., 1995). В частности, ярсалинский этап переименован в саровский, период VI–IX вв. «отдан» зеленогорскому и кучуминскому этапам, в кингусовском этапе выделены три хронологических комплекса – вож-пайский, оронтурский и рачевский, причем оронтурский заметно «омолодился». Нам думается, что эти новации не изменили сложившееся представление о связи всех этих

северных культур с кулайской и не отменили их самодийскую сущность. Многовековая самодийская линия развития западносибирских культур прервалась лишь в XIV–XVI вв. с приходом угров (Семенова В.И., 1995).

Памятники Большеземельской тундры. По мнению Г.А. Чернова (1947, с. 95), человек стал заселять Большеземельскую тундру относительно поздно – 3–4 тыс. лет назад. Заметную роль в освоении этой территории сыграли мигранты из Западной Сибири. Нижнеобское население стало проникать в Заполярное Приуралье уже в усть-полуйское время (Буров Г.М., 1965). Произошло это примерно 2200 лет назад.

Черепки с прямоугольным ячеистым оттиском и примесью шерсти в керамическом тесте выявил Л.П. Хлобыстин (1998, с. 100) в материалах стоянки Мой-Ярен (бассейн р. Колва), хранящихся в Музее археологии и этнографии (коллекции 1184 и 1457). Л.П. Хлобыстин сообщает, что Г.А. Чернов обнаружил керамику с вафельным узором на стоянке Сандибей-ю (находится на одноименной реке в Большеземельской тундре), чей возраст – рубеж II и I тыс. до н.э. В работе Г.А. Чернова (1948), написанной по материалам полевых исследований 1939 г., нет иллюстраций (и упоминаний в тексте) вафельной керамики с р. Сандибей-ю. Правда, на 25-й стоянке был найден черепок с квадратным рисунком (Чернов Г.А., 1948, табл. XV, б), но квадраты сделаны отпечатками мелкозубчатого линейного штампа. Отпечатки штампа не строго параллельны, расстояние между ними разное. Однако Л.П. Хлобыстин (1998, с. 101) со ссылкой на исследования Г.А. Чернова 1947 г. вновь упоминает вафельную керамику на стоянке Сандибей-ю VI, пункт 2.

О миграции населения из Зауралья свидетельствуют также находки западносибирских вещей в Большеземельной тундре (Канинская пещера, Усть-Лыжа, Ухтинский волок и др.).

На жертвенном месте Хэйбидя-Пэдара (по р. Хайпудыра) обнаружены горшки с низким поддоном, похожие на таковые с побережья Ямала (ср. выше «скифские» керамические котлы усть-полуйской культуры). Орнамент спускается girляндами, выполнен штампами, очень сходными с теми, которыми, по мнению Г.А. Чернова (1955), часто орнаментированы сосуды в памятниках низовья Оби (Сартынья I). Часть керамики имеет довольно древний возраст –

вторая половина I тыс. до н.э. Найдены также металлические предметы I тыс. н.э. (Лашук Л.П., 1958).

Древние жилища пещерного типа, в которых обитало досамодийское население – «большеземельско-печорские сииртя» – субарктические охотники и рыболовы, известны по р. Сииртета (приток р. Кара), на острове Конзер в устье Печоры, в окрестностях д. Норыга и Пустоозерска (Лашук Л.П., 1958). Оленные самодийцы по приходе в Предуралье в X в. н.э. еще застали в тундре и на морском побережье потомков этих ранних насельников.

В Печерском крае в I тыс. н.э. под влиянием мигрантов из Сибири сформировалась бичевническая культура (Буров Г.М., 1967, с. 174).

Культуры Кольского полуострова

Интерес к этому району у нас проявился в связи с тем, что здесь обнаружена в археологических памятниках керамика с вафельным орнаментом. Это позволило В.Я. Шумкину (1991) высказать не очень уверенное (*«с некоторой долей вероятности можно предполагать»*) представление о том, что она связана с носителями ымыяхтахской культуры, которые на рубеже II и I тыс. до н.э. достигли Кольского полуострова. Они же принесли культ ворона, шаманскую атрибутику, стиль наскальных изображений, новации в керамическом производстве (вафельный орнамент, примесь шерсти в тесте). Вскоре пришельцы были ассимилированы.

В 1928 г. А.В. Шмидт (1930) исследовал могильник на Большом (далее – Бол.) Оленьем острове в Кольском заливе Баренцева моря (рис. 19). Этот небольшой (72 га) остров в прошлом служил местом захоронения какой-то группы охотников, чье поселение, как показали исследования 1947 г. Н.Н. Гуриной (1953), находилось на острове Екатерининском, который отделялся от Бол. Оленьего острова проливом шириной 150 м.

А.В. Шмидтом было обнаружено свыше 10 скелетов. Захоронения, групповые (до пяти) и парные, были в неглубоких (40–80 см) ямах с нечеткими контурами. Никаких следов от гробов или других деревянных обкладок не было обнаружено, но под костяками были следы подстилки органического происхождения в форме корыта или лодки. Как показали исследования Н.Н. Гуриной, захоронения отме-

чались каменными кладками в виде круга или овала в один камень (диаметр камней не более 40 см). Ориентировка каменных кладок не всегда совпадала с ориентировкой могил.

Захоронения производились по обряду труположения, лишь в единичных случаях применялось трупосожжение или захоронение вещей без костяков. Во всех случаях, кроме одного, костяки находились в вытянутом положении на спине, головой на восток или северо-восток. Руки согнуты в локтях или положены вдоль туловища. Кисти рук находились на тазе. В 1929 г. было обнаружено захоронение ребенка в скорченном положении.

Рис. 19. Археологические памятники островов Бол. Оленьего (1) и Екатерининского (2) в Кольском заливе (Гурина Н.Н., 1953)

Как писала Н.Н. Гурина (1953, с. 352), в большинстве случаев покойник лежал в бурой массе неясного происхождения. В отдельных случаях покрывка была шире подстилки, и края ее несколько свешивались. В могиле 6 (работы 1947 г.) костяк лежал в чрезвычайно

плотной подстилке, распадавшейся на значительные по величине очень плотные пластинки. Такая же масса покрывала покойника сверху. Подстилка и покрывка плотно облегали костяк. Это привело к застою воды, вследствие чего кости скелета и костяной инвентарь оказались разрушенными. А.В. Шмидт предполагал, что покойного укладывали и покрывали просмоленными шкурами.

Был и другой обряд захоронения – в деревянных колодах-лодках. Колоды имели овальную форму, немного превышающую длину костяка. Толщина стенок колоды была не более 2 см. Оба способа захоронения практиковались у северных народов. Этнографически они засвидетельствованы у скандинавских саамов.

Зафиксировано несколько случаев захоронений по обряду трупосожжения. А.В. Шмидт обнаружил признаки огня в десятом захоронении. Костяк лежал на сплошном слое углей, среди которых встречались обугленные куски древесины, мелкие жженные обломки костей. Песок под углями обожжен. По-видимому, покойника положили в могилу на остатки кострища. Н.Н. Гурина также обнаружила захоронение по обряду трупосожжения. Зольное пятно содержало золу, угольки, кусочки обгоревшей бересты, пережженные косточки. Наиболее крупными из них были остатки черепной коробки. Сопроводительный инвентарь и каменная кладка отсутствовали. Очевидно, сжигание трупа производилось на стороне. Именно в этом погребении найден обломок керамического изделия с вафельным орнаментом (рис. 20).

Рис. 20. Керамика с Оленеостровского могильника в Кольском заливе: слева фотография (Шмидт А.В., 1930, табл. VI, 2), справа прорисовка (Гурина Н.Н., 1953, рис. 13, 3)

Все погребения сопровождались инвентарем, крайне разнообразным. Вещи находились либо у кисти правой руки, либо в области груди, либо за головой покойника в лодке или на подстилке. Особый интерес представляет костяной кинжал (по определению Н.Н. Гуриной, 1953, рис. 33, 1), покрытый вафельным узором. Одна сторона кинжала (наружная сторона колотой трубчатой кости) покрыта взаимно перекрещивающимися параллельными бороздами, образующими ромбическую сетку (рис. 21). Можно было бы принять этот инструмент за лопатку, которой уплотняют слои глины при изготовлении сосудов, как это имело место в культуре древних эскимосов. Но в данном случае орнаментом был покрыт и узкий обухок орудия, что для лопаточки было бы излишним. Видимо, рассматриваемое изделие действительно было орудием, но не кинжалом, а односторонним ножом. Довольно часто встречались кости животных как пища покойнику. Крупные кости должны были служить сырьем для изготовления необходимых орудий. С этой же целью с покойником клали каменные отщепы и подготовленное глиняное тесто для изготовления сосудов.

Оленеостровский могильник имеет возраст 3000 ± 150 лет. Л.П. Хлобыстин (1973) отмечал сходство его с погребениями в Якутии.

Две стоянки найдены в 1947 г. на острове Екатерининском, в 150 м от могильника Бол. Оленьего острова.

Жилища и некие хозяйственные постройки на стоянках не обнаружены, они были разрушены при разработке карьера либо, что менее

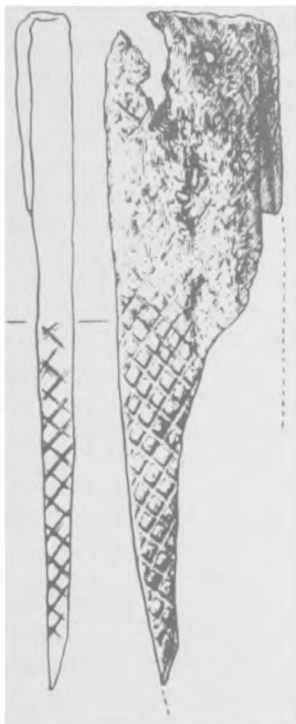

Рис. 21. Костяной нож с вафельным орнаментом из могильника Бол. Оленьего острова в Колыском заливе

вероятно, не найдены. Культурный слой залегал на глубине 0,3–0,4 м непосредственно под слоем светлого песка, мало отличающегося от подстилающего материка. Окраска культурного слоя несколько темнее материка, так как в его составе встречаются угольки. Культурный слой очень насыщен остатками костей животных, преимущественно тюленя (*Phoca groenlandica*). На второй стоянке, помимо многочисленных костей тюленя, найдены кости северного оленя, дельфина обыкновенного, водяной крысы, кости птиц (чистик, чайка, гага) и рыб (треска). Обнаружены также скопления раковин моллюсков, что свидетельствует об употреблении их в пищу.

В культурном слое найдены немногочисленные предметы из кости и камня. Керамика практически отсутствует, преобладают отщепы кварца, реже сланца. В числе каменных орудий известны скребки из кварца, каменные грузила. Немногочисленны и орудия из кости (наконечник стрелы, гарпун и два рыболовецких крючка). Обломки керамических сосудов немногочисленны, но разнообразны. Сосуды изготовлены из темной, почти черной глины и слабо обожжены. В качестве отошающей примеси использовались асбест и слюда мусковит, очень редко шамот. Орнамент состоит из очень мелких прочерченных, преимущественно парных, линий, расположенных параллельно друг другу и по диагонали к краю сосуда.

Характер инвентаря и наличие очень большого количества костей морских животных, в основном тюленя, присутствие рыболовецких крючков и грузил, несомненно, свидетельствуют об охотничье-рыболовецком хозяйстве поселенцев. Объектом охоты служил и северный олень.

По мнению Н.Н. Гуриной (1953, с. 403), Екатерининские стоянки были сезонными, обитаемыми только в промысловое время года.

А.В. Шмидт определил время формирования Оленеостровского могильника как позднюю стадию «арктического неолита». На смену ей пришла культура с бытованием железных изделий. В абсолютном летосчислении это событие было 1000–500 лет до н.э. Н.Н. Гурина считала, что культура памятников связана с предшествующей неолитической культурой, о чем свидетельствует сходство каменных орудий. Еще большее сходство проявляется в керамике. Сосуды Екатерининской стоянки близки керамике неолитических поселений Кольского полуострова. Сближает их присутствие в тесте волокон

асбеста. Примешивать асбест к тесту могло только пришлое население, которое уже употребляло асбест в качестве примеси к глине. На островах Екатерининском и Бол. Оленьем нет источников асбеста. И если это население было аборигенным, оно при подготовке теста использовало бы в качестве отошителя только песок и/или шамот или шерсть. Последняя в керамике известных памятников Кольского полуострова не отмечена.

Н.Н. Гурина (1953) выяснила взаимоотношение Екатерининских стоянок и могильника Оленьего, указав на их синхронность. Она рассматривала Большой Олений остров как родовое кладбище обитателей Екатерининского острова. Она же увидела ряд сходжений памятника с Бол. Оленьего острова в Баренцевом море (примерно 2500 лет) с памятником Оленьего острова на Онежском озере (примерно 10000 лет). Имеются черты сходства в погребальном обряде: положение покойников на спине в вытянутой позе, ориентировка на северо-восток, чисто производственный характер сопроводительного инвентаря, отражающего охотничье-рыболовецкую форму хозяйства. Помимо каменных и костяных наконечников стрел, тесловидных сланцевых орудий, сланцевых ножей, скребков, в том и другом могильнике обнаружены костяные кинжалы с тонким нарезным орнаментом. Черты сходства появляются и при рассмотрении обрядов. Например, в обоих памятниках встречаются челюсти бобра. Захоронение челюстей других животных не отмечены. Это указывает на особое почитание бобра носителями обеих столь разновозрастных культур. Костяные скульптуры лося в виде изогнутых под углом стержней (Гурина Н.Н., 1953, с. 391) имели, очевидно, такое же ритуальное предназначение. Культ лося у населения северного побережья Кольского полуострова сохранялся, хотя здесь промысел его практически не проводился. Это почитание животного могло возникнуть в древности, когда предки обитателей Екатерининских стоянок жили в более южных лесных районах, вероятно, в Карелии.

Оба могильника расположены на небольших островах, отделенных от «материка» узким водным пространством. На таких «островах мертвых» стоянки отсутствовали, так как острова символизировали потусторонний мир в соответствии с представлениями древних обитателей о загробном мире.

Антропологический тип обитателей Екатерининского острова в Кольской губе неизвестен. Первые сведения по раскопкам 1928 г.

дали скудный материал, который не позволил С.Д. Синицыну (1930) определить физический тип этих обитателей. Однако, не настаивая на родстве их с лопарями (саамами), С.Д. Синицын не предполагал у них существенных различий.

При сопоставлении обряда захоронения на Бол. Оленьем острове (Кольский залив) с обрядом русских лопарей отмечаются черты сходства (глубина захоронения, устройство каменной кладки над ними, случаи захоронения в колодах). *«Если учесть все отмеченные элементы общности в материальной и духовной культуре древних оленеостровцев и современных саамов, то установление этнического единства между ними становится вполне вероятным»* (Гурина Н.Н., 1953, с. 405).

Население побережья Онежского озера, оставившее 10000 лет назад на своем Оленьем острове крупный могильник, имело двухкомпонентный состав. Один, значительно преобладающий, весьма широколицый, с мощными надбровными дугами, низкоорбитный, мезодолихокранный тип кроманьонского облика, другой – с монголоидными чертами, в частности уплощенным лицом и слабым выступанием носовых костей (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1978, с. 433). Второй тип в общих чертах не противоречит отнесению к нему исторических саамов.

Следовательно, можно выстроить этническую цепочку, состоящую из следующих звеньев: монголоидные насельники побережья Онежского озера (могильник Оленьего острова) → насельники северного побережья Кольского полуострова (Екатерининские стоянки и могильник Бол. Оленьего острова) → исторически известные лопари (саамы). Это подтвердило бы тезис Н.Н. Гуриной (1953, с. 405) о том, что заселение Кольского полуострова шло из Карелии, то есть на Бол. Оленьем острове Кольского залива были захоронены примерно 2500 лет назад аборигены, а не пришельцы со стороны Таймыра. А появление на этом острове единственного обломка вафельной керамики, столь характерной для ымыяхтахской культуры Восточной Сибири, не может быть истолковано однозначно. Мы видим два возможных объяснения этому интригующему факту: во-первых, вафельный орнамент на Кольском полуострове имеет местные корни, во-вторых, слабый приток ымыяхтахцев оставил столь малозаметные следы в материальной культуре аборигенов, что выделить их по другим признакам не представляется возможным.

Глава 4

СИХИРТЯ – ПОТОМКИ КУЛАЙЦЕВ?

Общность генетических корней сихиртя и северо-таежного населения Западной Сибири предполагается рядом исследователей (П.А. Косинцев, Н.В. Федорова, Л.А. Чиндина и др.), по мнению которых, различия между ними носят не этнический, а культурный характер. Проверим эту парадигму (связь сихиртя с самодийским населением таежной зоны) известными нам материалами. В первую очередь обратимся к истории кулайцев, которые примерно 2500 лет назад создали в Среднем Приобье самобытную культуру, оказавшую большое влияние на ход исторических процессов в Западной Сибири.

Язык

Среди исследователей нет единого мнения об этнической принадлежности кулайцев. С одинаковой степенью доказательности кулайцев причисляли к самодийцам, уграм, кетам. На фоне разнообразия позиций родилось мнение, что кулайцы – это конгломерат разноразличных племен. Мы решение этой проблемы видим в анализе топонимических данных.

Топонимы в ряде случаев являются единственными свидетелями языкового состояния древних насельников, однако лишь при условии, что археологические культуры могут быть убедительно соотнесены с топонимами. Проверим это на примере топонимов, которые могут быть связаны с носителями конкретных археологических культур, предположительно родственниками сихиртя.

На территории Томской области, в левобережье Оби, известны гидронимы с компонентом *чага*: реки Чага (притоки рек Чузик и Парбиг), Двойчага (приток р. Парбиг). Э.Г. Беккер (1969) считает, что *чага* – это географический термин со значением *вода*, известный в языках южных (саянских) самодийцев. И действительно, этот термин зафиксирован в вымерших самодийских языках – камасинском, тайгинском и маторском. В горах Южной Сибири, где еще после прихода русских обитали самодийскоязычные племена камасинцев,

койбал, маторов, тайгинцев, карагасов, известны гидронимы, образованные с использованием этого географического термина:

- Почага, Кучагина, Кемчага – притоки в системе Бирюсы;
- Боранчага – правый приток р. Уда (впадает в Уду выше пос. Алыгджер);
- Хачага – приток в верхнем течении Уды;
- Ерегошага – левый приток р. Бедоба (бассейн Ангары);
- Двачага – река в Присянье;
- Камарчага – левый приток Есауловки, впадающий справа в Енисей в 20 км ниже Красноярска;
- Ашкычага – приток р. Лебедь (Прителецкий район);
- Морчага – приток р. Черный Ануй (Алтай);
- Чага – приток Чулышмана (Алтай);
- Чага – правый приток Чарыша (Алтай).

Имеются примеры, правда, не очень явные, и более северного распространения топонимов с формантом *чага*. Так, в 10 км от Иртыша (вблизи его устья) по р. Согом стоит населенный пункт Чага (Чагинские юрты). Однако нам неизвестно, имеется ли там р. Чага, по которой эти юрты названы, либо у этого ойконима иная этимология.

Топонимические параллели Приобья Томской области, с одной стороны, и гор Южной Сибири – с другой, позволяют утверждать родство между кулайцами и саянскими самодийцами, считая последних потомками кулайских мигрантов. В.Ф. Зуев, участник академической экспедиции XVIII в. в Сибирь, первым высказался в пользу родства самодийцев Севера с саянскими самодийцами – койбалами, сойотами, камасинцами, карагасами (Бояршинова З.Я., 1960, с. 26).

Наиболее полно изучен язык камасинцев. Поэтому можно условиться об отнесении языка кулайцев к языку камасинского типа. Хотя, как нам представляется, возможным самоназванием кулайцев было карагасы. Этот этноним зафиксирован как в Саянах, так и на территории Томской области (Пелих Г.И., 1972).

А.Я. Тугаринов (1926) слышал от уже тюркоязычных камасинцев Восточных Саян, что их самодийскоязычные предки говорили, сильно заикаясь. Л.В. Хомич (1976, с. 57, 58), обобщив легенды о сихиртя, пришла к выводу, что ненцы и сихиртя могли понимать друг друга. В доказательство она приводит слова информатора-

ненца И. Салиндера, который пояснил, что сихиртя говорят «как бы по-ненецки, только заикаясь, но понять можно». Может быть, сихиртя говорили на языке кулайцев, к которому восходят также и языки южных самодийцев – камасинцев, койбал и др.?

Таким образом, по топонимическим, археологическим и языковым данным выстраивается цепочка: сихиртя ← кулайцы → южные самодийцы, то есть кулайцы являются родственниками (родительским гнездом) как самодийцев Саян, так и сихиртя Заполярья.

Родство саянских самодийцев, кулайцев и сихиртя подтверждается и топонимическими данными.

Топонимия

Интересны топонимические схождения двух разорванных территорий – южных гор Сибири и северных районов Западной Сибири, где богато представлены названия рек с формантом *бей* (рис. 22).

В бассейне Енисея эта группа представлена следующими гидропонимами:

– Арзубей и Зарзубей, Бол. и Мал. Джиржибей, Солбея – притоки Маны;

– Ирбей – приток Кана;

– Шахабейка – русифицированная форма, приток Сисима;

– Кодыбей – приток Сыды;

– Убей с притоками Колдыбай и Салба – правый приток Енисея между реками Сисисим и Кома;

– Унгурбей – приток Бирюсы;

– Бей – три реки Бей (ныне Бея), правые притоки Абакана;

– Чербей – река в системе Абакана;

– Танзыбей – приток р. Оя;

– Бельбей, Улуг- и Аныяк-Джибей – притоки Енисея в Туве;

– Алтубей, Бумбей Нижн., Голумбей, Дорбей, Имбей, Катарбей, Кобдобея, Унгурбей, Харбей – притоки разного порядка в системе верхнего течения Ангары.

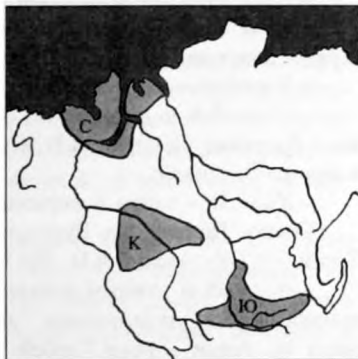

Рис. 22. Ареалы топонимов на *-бей*: С – северный, Ю – южный; К – ареал кулайской культуры

В бассейне Бии известны реки Кубея, (приток Нени), Несебя (русифицированная форма; ныне Тебезя, приток Бии).

На родине кулайцев (Томская область) р. Парбиг принимает р. Джабейку (русифицированная форма), а р. Яя – р. Урбей.

Многочисленны гидронимы такого рода и на севере Западной Сибири:

- Мангюрибей ‘сухой Юрибей’ – впадает в Тазовскую губу;
- Сандибей, Бол. и Мал. – в системе р. Полуй;
- Тамбей – на полуострове Ямал, впадает с запада в Обскую губу;
- Хабей – впадает с востока в Енисейский залив;
- Хабей-яха – впадает в Обскую губу с запада севернее р. Тамбей;
- Харбей – левый приток приустьевой части Оби;
- Юрибей – одна река впадает в Байдарацкую губу, вторая –

в Гыданскую;

- Юрибей-яха – левый приток Таза.

Примечательно, что топонимы на *-бей* перешагнули Полярный Урал и сохранились в Большеземельской тундре:

- Торибей – озеро западнее Хайпудырской губы;
- Сандибей-ю с притоком Сандибей-вис – левый приток р. Колва в бассейне Печоры; А.В. Журавский (1909) приводит гидроним в форме Сандивэй;

- Харбей – озеро в верховьях р. Сейда, правого притока Усы.

Озеро Таровье на Русском Севере имеет исходное название Тор-и-бей (Журавский А.В., 1911).

Северный и южный ареалы соединяет р. Ибейка (русифицированная форма, упоминалась Г.Ф. Миллером, 1941, с. 584). Объединяют их тезки – реки Харбей в бассейне Ангары и Нижней Оби и оз. Харбей в заполярном Предуралье.

Гидронимы Сандибей-ю и Сандибей-вис в Предуралье (бассейн р. Колва; Чернов Г.А., 1948) имеют из языка коми приращения *ю* ‘река’ и *вис* ‘речка, приток’, что не исключает их идентичность с Сандибей в системе Полуя.

В низовьях Оби имеется три реки с определяющей частью *санди* ‘глубокая’: Сандиба (впадает в Обскую губу ниже Надыма), Сандибей (две реки в системе р. Полуй) и Сандияха (правый приток Надыма). Форманты *яха*, *бей* и *ба* хорошо раскрываются из самодийских: нен. *яха* ‘река’ и южносамодийских (ретросп. камасинский,

койбальский) *бей*, *ба* ‘вода’. Форма *бей* ближе всего стоит к тавг.¹ *бе* ‘вода’. Нам представляется, что эти три форманта не являются конкурирующими в одном языке, а созданы двумя различными самодийскими группами – ненецкой и кулайской (= камасинской).

Семантика северных гидронимов в ряде случаев раскрывается из ненецкого языка: Юрибей ‘жирная (богатая рыбой)’, Сандибей ‘глубокая’, Ямбей ‘длинная’, Харбей ‘извилистая’. Вполне можно предполагать ненецкое происхождение такого рода топонимов, возможно, не всех, но при одном допущении – формант *бей* был заимствован ими у другой самодийской группы, которой могли быть кулайцы с их языком камасинского типа. Этот формант для ненцев был чуждым, поэтому в ряде случаев они наращивали такого рода топонимы своим апеллятивом *яха/яга* (согласный во втором варианте произносится фрикативно, как в укр. *гарно*): Хабей-яха, Сальбей-яха и Тальбей-яха, Химбей-яха, Хай-Ямбей-яха. В Байдарацкую губу впадает р. Тамб-яха, а на полуострове Ямал течет р. Тамбей. Можно считать гидронимы с формантом *бей*, но без *яха* усеченными (эллиптированными). В ненецком языке *бей* – это суффикс причастия, но создать причастную форму от существительного или прилагательного (жир, длинный и пр.) невозможно. Очевидно, в рассматриваемых случаях *бей* является формантом со значением ‘вода → река’.

Этимология гидронимов южного ареала никем еще не раскрывалась. Определяющая часть многих гидронимов искажена русским и тюркским употреблением. В качестве опыта можно предложить следующие переводы (семантику), исходя из словарных материалов маторов и койбал: Кубей ‘березовая’, Катурбей ‘сухая’, Кобдобей ‘девичья’. В названии р. Танзыбей (Тонзибей, – по Р. Мааку, 1864) можно усмотреть койбальское слово *танза* ‘ящерица’. По словам Б.А. Угдыжекова, название одноименного села на этой реке образовано от имени китайского купца, однако историческими документами это пока не подтверждено.

В заметке, помещенной в «Неделе», 1978, № 5, сообщается, что бабушка автора переводила (неизвестно, с какого языка) название

¹ Группа нганасан на Таймыре.

р. Ирбей (приток Кана) как 'песнь воды'. В первом компоненте топонима действительно скрыто слово со значением *песня* в некоторых тюркских и нетюркских языках: тув., кирг., хак. *ыр* (в хак., телеут., куманд. бытует и иранский реликт *сарын*), карaim. *ир*, ног. *йир*, койб. (тюркский) *ир*, кет. *ир*, манс. *егі*. Второй компонент (*бей*) реконструируется только как самодийское *вода*. Самодийское имя реки «песня воды», на первый взгляд, необычно для топонимики. Однако и в мансийской топонимике имеется подобный прецедент: в бассейне Пелыма (Зауралье) известна р. Ерья – из манс. *эр* 'петь' и я 'река' (Вуоно Г.П., 1969). Предлагаем еще один мансийский гидроним такого рода: название р. Ирбит на Урале (правый приток р. Ница, система р. Тура): *ир* 'песня', *бит* (*вит*) 'вода'. Любопытно, что эта река и город на ней носили когда-то имена Ирба, Ирбея, Ирбей (Миллер Г.Ф., 1941, с. 624). Уместно вспомнить р. Ирбей (приток р. Кан в Саянах). Однако приведенные семантические примеры еще не позволяют определить языковую принадлежность рассматриваемых топонимов.

Из истории самодийцев

Не вдаваясь в детали проблемы происхождения самодийцев, отметим лишь основные вехи их истории. Самодийцы в Нарымском Приобье сформировались в эпоху бронзы на базе трех компонентов: западносибирского, восточносибирского и пришлого переднеазиатского. Доминирующим оказался самодийский язык пришельцев, но самодийский мир по Средней Оби разделился на две части, граница между которыми проходила примерно по междуречью Оби и Енисея. Причиной размежевания стал различный этнический субстрат, на который наложился пласт самодийскоязычных пришельцев.

В левобережье Оби, в основном в бассейне Васюгана, сформировалась очень выразительная культура, названная кулайской (стратотип – культовая гора Кулайка на правом берегу р. Чая у с. Подгорное). Из современных групп селькупов наиболее близки кулайцам шиеш-гула, компактно проживающие около юрт Сондровых (Пелих Г.И., 1981, с. 49).

В правобережной части Средней Оби на базе восточносибирского субстрата сформировались те самодийцы, которые ныне призна-

ются прямыми предками селькупов. О собственно селькупской культуре мы можем говорить лишь с эпохи раннего средневековья (VI–IX в.), когда сформировалась релкинская культура, всесторонне изученная Л.А. Чиндиной (1991). Каким был этнический состав этого субстрата, остается только гадать. Можно предположить, что это были потомки неолитического населения, которое вышло из недр первопоселенцев восточного фланга их ареала. А ареал этот на востоке имел границу где-то в Забайкалье, севернее Амура. То есть мы предполагаем, что ранние насельники (носители афонтовско-мальтинской культуры верхнего палеолита) породили неолитическое население, которое в ходе саморазвития в эпоху бронзы создало довольно пестрый этнический фон в Сибири, особенно вокруг Байкала. Язык палеолитического населения был финно-угорского (угорского?) типа, каким он мог быть 20 тыс. лет назад. Вряд ли сейчас следует ожидать открытие реликтов этого языка у восточносибирских народов: тунгусское, бурятское и тюркское «пополнение» стерло этот древний язык. Лишь в малодоступном уголке, своеобразном рефугиуме (убежище) – Камчатке – в языке ительменов, довольно поздних пришельцев, могли сохраниться некоторые древние следы. К их числу относится и географический термин **кыг* ‘река’. Этот термин аборигены передали самодийскоязычным пришельцам, которые и закрепили его в своем языке. В языке енисейских остяков (кетов) бытовало название Енисея – Хик, Кик, Гук, Кук (Каргер Н.К., 1934; Василевич Г.М., 1958). Можно высказать предположение, что это имя кеты позаимствовали у соседей–селькупов (*кыге*, *кыкке*, *кыке* ‘речка’). Однако селькупы используют этот апеллятив только в образовании имен небольших водотоков. Для обозначения крупных рек они применяли иные термины – *колд*, *квай*. К тому же самодийское происхождение селькупских терминов типа *кыке* вызывает большое сомнение. Уж очень они не похожи на термины других родственных групп – ненцев (*яга/яха*), энцев (*тяха*), южных самодийцев (*чага*). Но в ительменском языке термин *река* дан в форме *киг*, что очень близко к селькупскому (доселькупскому, аборигенному **кыге*). Фонетически близкие варианты известны в диалектах эскимосского языка: имаклинском *кук* (ср. выше кетское имя Енисея – Кук/Гук), науканском *куик*, чаплинском *кувык* (Меновщиков Г.А., 1964). Этнографы и лингвисты неоднократно высказывали мнение

о возможном проникновении на запад до Енисея палеоазиатов, потомками которых могли быть недавно исчезнувшие *юги*. Возможно, жилища с входом через дымовое отверстие в крыше, отмеченное не только на Камчатке, но и у «песчаных людей» в приенисейской части Сибири (Алексеев Е.А., 1969), являются глубоким реликтом того времени.

В Заполярье, насколько известно, нет селькупских топонимов (показательные форманты – *кыга*, *кыкка* и пр.), нет их и в ареале южных (саянских) самодийцев. Поэтому можно предполагать, что вниз по Оби в Заполярье, и на юг, в Алтае-Саяны, мигрировали только кулайцы.

Миграции кулайцев

В самый расцвет кулайской культуры, в последние века до новой эры, начались центробежные миграции ее носителей. Центр расселения кулайцев находился в Нарымском Приобье.

В южном направлении миграция кулайцев началась в IV–III вв. до н.э. (Чиндина Л.А., 1999). Кулайцы шли по лесам, которые полосами по рекам соединяли тайгу Западной Сибири с лесами гор Южной Сибири (рис. 23).

Примерно в III в. до н.э. кулайцы жили в районе Томска (Плетнева Л.М., 1978). По лесам долины Оби они достигли Новосибирского Приобья (Троицкая Т.Н., 1978). В первые века до новой эры кулайцы были уже в Барнаульском Приобье, где оставили новобинцевский клад в Шелаболихинском районе Алтайского края (Бородаев В.Б., 1987). Поселения и городища кулайцев известны в притурьевой части Алая (Казаков А.А., Кунгуров А.Л., 1993), у Бийска и на северном берегу Телецкого озера. От Телецкого озера кулайцы могли мигрировать в Горную Шорию (усть-абинский могильник III–IV в. н.э.).

Долина Чулыма увела кулайцев на Енисей выше Красноярска и в леса Кузнецкого Алатау. О былом пребывании самодийцев в Кузнецкой котловине писали А.М. Илюшин (2001) и Ю.В. Ширин (2001). Памятники известны в Назаровской котловине (Краснолуцкий С.А., 2003) и далее в долине Абакана (Скобелев С.Г., Митько О.А., 1989).

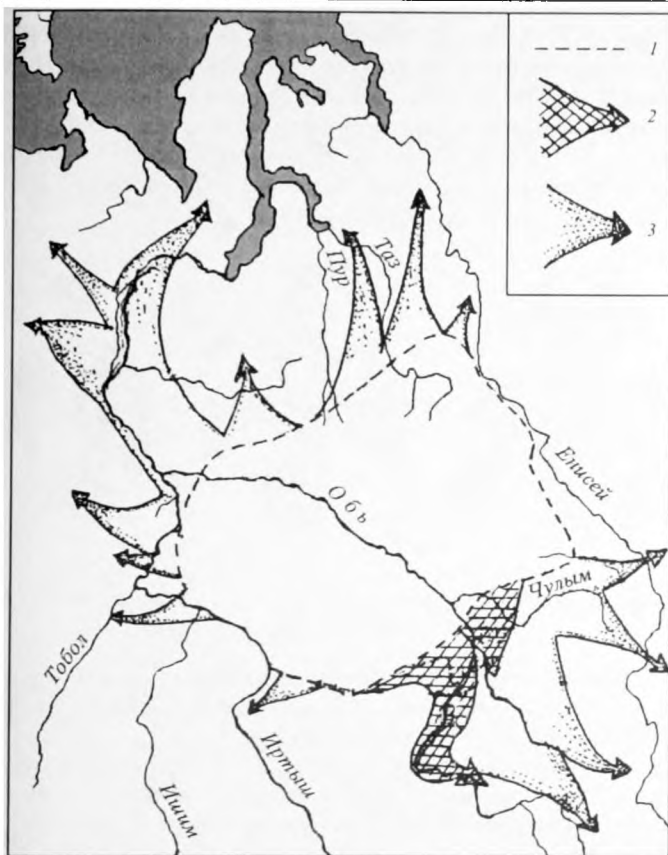

Рис. 23. Миграции кулайцев (Чиндина Л.А., 1999): 1 – граница кулайской культуры; пути миграции: 2 – кулайцев-васюганцев, 3 – кулайцев-саровцев

В кургане около с. Койбалы недалеко от г. Абакан, раскопанном в 1985 г., найдены подвески в виде крылатого человека (рис. 24). Бронзовые фигурки крылатых людей с птичьими головами найдены у д. Ишимка в 50 км севернее Ачинска на левобережье Чулыма

(Ермолаев А., 1914, табл. 6). Идентичные им орнито-антропоморфные изображения известны в памятниках кулайской культуры из Нарыма (Чиндина Л.А., 1984, с. 243). Такие же бронзовые изображения крылатых людей найдены в Северном Зауралье по р. Сев. Сосьва (Чернецов В.Н., 1957, табл. XVIII, 9), что свидетельствует о миграции туда части кулайского населения. Изделие с р. Сев. Сосьва В.Н. Чернецов датирует карымским временем (IV–V вв. н.э.).

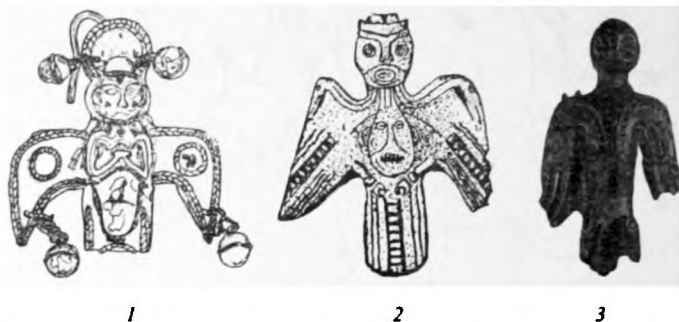

Рис. 24. Крылатые «люди» кулайской культуры: 1 – памятник Койбалы на р. Абакан; 2 – Нарым; 3 – с р. Сев. Сосьва

Кулайцы мигрировали в западном направлении и в трудной борьбе с носителями местной саргатской культуры заняли земли по Среднему Прииртышью (Чиндина Л.А., 1984).

Для нас большой интерес представляет северный маршрут кулайцев, в Нижнее Приобье и далее за Урал. Начинаясь путь мигрантов примерно от нынешнего Сургута, где на Барсовой горе известны памятники классического кулайского типа (Елькина М.В., 1978). Вблизи Обской губы изучены памятники усть-полуйской культуры (несколько веков до и после новой эры), выросшей из кулайской. В свою очередь, усть-полуйская культура «породила» нижнеобскую.

В.А. Могильников (2001) также отмечал, что проникновение кулайцев-саровцев на север началось со II–I в. до н.э. По его мнению, северные тундровые ненцы сформировались как особая самодийская группа в ходе взаимодействия пришлых кулайцев с аборигенами, в том числе и сихиртя. Нам представляется, что этногенез

тундровых ненцев шел иным путем, что это лесные ненцы-оленьеводы, которые изменили свою культуру в ходе адаптации к новым природным условиям. И произошло это довольно поздно – в первой половине II тыс. н.э.

Любопытная фраза, не замеченная современными историками, имеется в книге С. Герберштейна (1866, с. 123): «По левому берегу реки Оби, вниз (от Иртыша. – А.М.) живут каламы (*Calami populi*), которые переселились сюда из Обиовы (*Obiovia*), и Погозы (*Pogosa*)». Топоним Обиова фонетически очень близок гидрониму Обва. Эта небольшая река Северного Зауралья была известна зырянам, которые и создали это имя. Но русские хорошо знали зырян, и непонятный этноним (каламы), если бы он был зырянским, они вряд ли оставили в такой неопределенности. Скорее всего речь идет не о хантах, внутренние перемещения которых для русских были не заметны. По-видимому, следует предполагать какие-то другие группы населения.

Известны и иные сведения о таинственном народе калами. Полонизированный (ополяченный) итальянец Алесандро Гванини (1538–1614) в книге «Описание Европейской Сарматии» (1578 г.) сообщал, что от реки Оби, «...идя от левой стороны [живут] каламы (*Calami populi*), бродящие кочевьями, данники князя Московского» (Андреев М.П., 1941, с. 159). Несомненно, А. Гванини использовал сведения С. Герберштейна. Эти же сведения учел и фламандский картограф Герард Меркатор, который сделал надпись *Calami* в левобережье Оби немного ниже (по карте) изображения Золотой бабы (рис. 25). Подданство народа калами Московскому князю сомнительно: русские документы об этом народе умалчивают.

Более полные сведения о каламах собрала Г.И. Пелих (1981, с. 166, 167). В легендах васюганских хантов, занявших селькупские земли, бывшее население этих мест называют каланами. Селькупы в своих исторических преданиях сохранили сведения о том, что до прихода русских они составляли одну страну Калама с царем Кылле во главе. Царю подчинялись все селькупские коки (князья). Селькупы это царство сопоставляли с Пегой ордой русских источников: «Мы говорим Калама, а русские – Пегая орда» (Пелих Г.И., 1981, с. 166). Отметим, что М.А. Кастрен зафиксировал селькупский термин *kôl* ‘царство’ (там же).

Рис. 25. Фрагмент карты Г. Меркатора (1595 г.) с надписью Calami

Но нам представляется неправомерным сопоставление царства Калама с Пегой ордой. Последняя занимала территорию Среднего Приобья от Сургута до Томи (Пелих Г.И., 1981, с. 167). С. Герберштейн же писал, что народ каламы живет вниз по Оби с левой стороны. Эта территория никогда не была селькупской, но ее занимали потомки кулайцев, также самодийцы по языку. Об этом свидетельствуют топонимические данные: левобережье нижнего течения Оби находится в ареале кулайских гидронимов на *-бей* (см. рис. 25). Не являются ли каламы С. Герберштейна последними представителями сихиртя?

Глава 5

КАМЧАТСКИЕ И ИНЫЕ ДРЕВНОСТИ

В предисловии был поставлен проблемный вопрос: не являются ли родственными племена, соорудившие наземные жилища и землянки с входом через дымовое отверстие в крыше, или, иначе говоря, не входят ли ительмены Камчатки в круг родственных с сихиртя культур? И как вписываются ительмены в историю заселения Камчатки?

Особый интерес представляет всемирно известный многослойный археологический памятник Ушки I в долине р. Камчатка¹, который представляет собой древнейшее на Камчатке становище и захоронение. Памятник длительное время изучал камчатский археолог Н.Н. Диков (1964, 1976, 1977, 1977а, 1979, 1993 и др.).

Слой VII. По этому слою (глубина 2,1–2,2 м) получены радиоуглеродные даты 14300 ± 200 и 13600 ± 250 лет (Диков Н.Н., 1977а). Жители Камчатки в это время строили большие (более 100 м^2) двухкамерные вигвамообразные многоочаговые жилища, изготавливали бифасиальные (обработанные с двух сторон, т.е. двулезвийные) каменные ножи и бифасиальные же черешковые наконечники стрел (рис. 26). Почти все наконечники стрел уплощенно-линзовидные в поперечном сечении, обработаны двусторонней ретушью и имеют подтреугольную с выпуклыми боковыми краями лопасть. Черешок обычно прямой либо (у наконечников копий) вогнутый по краям (кнопочный, по выражению Н.Н. Дикова, 1979, с. 34)

Такие наконечники известны в раннеголоценовых памятниках Японии, встречаются на Северо-Востоке Азии (Элгахчан на Омолоне) и на северо-западе США (штат Мичиган). В памятниках Сибири они неизвестны. Но в Японии (памятник Тачикава) черешковые наконечники моложе (8 тыс. лет). Это исключает миграцию технологии их изготовления с юга. Скорее можно признать, что именно камчатские ушковцы могли одарить жителей острова Хоккайдо этой технологией. Корни раннепалеолитического слоя VII поселения

¹ Название дано по р. Ушки (ительм. Ошококуль; Огрызко И.И., 1961)

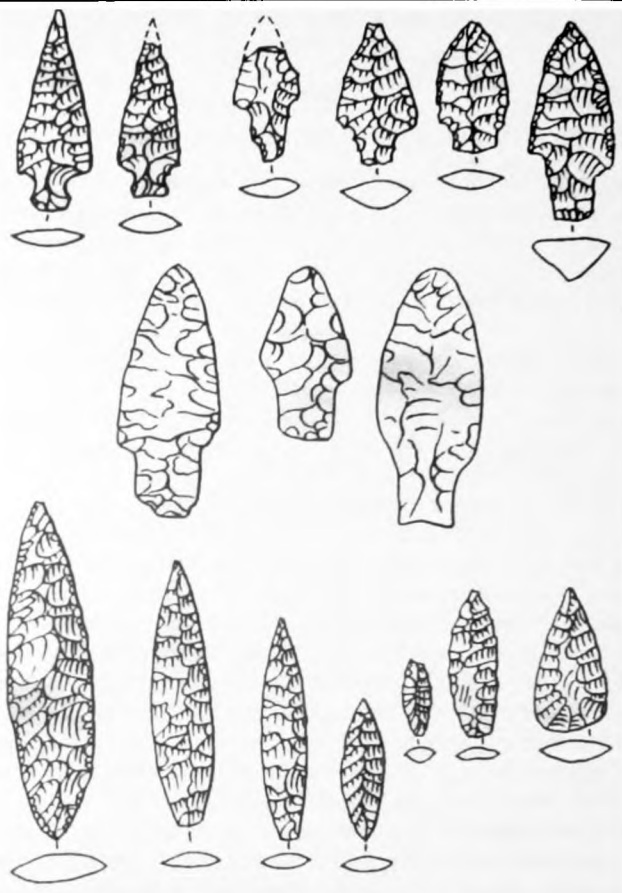

Рис. 26. Метательные наконечники (Диков Н.Н., 1979). Верхний ряд – ранняя ушковская верхнепалеолитическая культура (слой VII); средний ряд – древнейшие черешковые метательные наконечники с американских памятников Марма, Сан-Диегито, Палли-Айк; нижний ряд – поздняя ушковская верхнепалеолитическая культура (слой VI)

Ушки I неизвестны. Возможно, будет выявлена археологическая культура, предшествующая культуре слоя VII. Пока же культура не найдена, и Н.Н. Диков (1979, с. 44) предложил несколько неожиданную версию. Он допускал, что исходной могла быть культура бри-тиш-маунтин (20–18 тыс. лет назад) на Аляске. Встречное движение канадского и лаврентийского ледников разделило аляскинско-берингийскую популяцию на две части. В одной из них (американской) черешковые наконечники бытовали в своей исходной, примитивной форме, которая в азиатской популяции трансформировалась в более развитый ушковский тип. Однако эта интересная версия базируется на ряде допущений, не имеющих фактологической базы, что делает ее уязвимой для критики. Это признает и сам Н.Н. Диков, резко полемизируя с Р.С. Васильевским и Ю.А. Мочановым. Американский исследователь Р.Л. Карлсон (1976) также поставил под сомнение родство черешковых наконечников слоя VII и североамериканских (памятник Линд Коули; не ранее 10 тыс. лет), указывая на их большой хронологический разрыв.

Нас полемика эта в данном случае не очень интересует. Привлекают в проблеме две позиции: 1) артефакты слоя VII не имеют аналогов в Сибири, следовательно, их создатели пришли сюда по аустрическому (южному) миграционному пути (по побережью Индийского океана, а затем и азиатскому побережью Тихого) и 2) нет никаких намеков на связь ительменов с древнейшими ушковцами. Для нас более привлекательно, высказанное Н.Н. Диковым (1979, с. 73) допущение, о том, что древние докерамические культуры Японских островов (Соккоцу-Арая, Сиратаки-Таварубецу) могли быть основой, на которой сложилась культура слоя VII, но которые пока не найдены на Камчатке.

В Ушках I было обнаружено погребение: могильная яма округлой формы, диаметром 1,8 и глубиной 0,7 м, выдолбленная в каменистом грунте. Могила и большая площадка вокруг нее были усыпаны охрой. Кости в погребении практически не сохранились. Н.Н. Диков (1977а, 1993) предполагал, что это были предки индейцев. Думается, это пока единственно правильное предположение.

Слой VI (12–10 тыс. лет назад) отделен от подстилающего его слоя VII стерильными прослоями песка, суглинка и вулканического пепла. Артефакты его обычно связываются с позднелепестчатой

ушковской культурой. Слой имеет радиоуглеродные даты: 10860 ± 400 , 10760 ± 110 и 10360 ± 350 лет, содержит артефакты, резко отличающиеся от тех, которые найдены в слое VII. Особенно показательны различия в форме каменных метательных наконечников. Они также бифасиальные, но имеют листовидную форму без черешков (см. рис. 26, нижний ряд). Н.Н. Диков считал, что они сходны с дюктайскими из Восточной Сибири. Комплекс находок из слоя VI тяготеет к позднему сибирскому палеолиту – алданскому (стоянка Федяево) и особенно ангаро-енисейскому – Кокорево III (Диков Н.Н., 1979, с. 72).

Жили насельники Камчатки в то время как в небольших шалашах, так и в относительно неглубоких полуземлянках с коридорообразным входом. Такая конструкция жилищ на Камчатке сохранилась до прихода русских.

Носители культуры слоя VI украшали лицо каменными лабретками – вставками в проделанные отверстия около рта. Это были предки алеутов. Миграция алеутов с Камчатки в Америку происходила по гряде Алеутских островов. Пожалуй, первым, кто предположил это – был Иоан Вениаминов (1840, с. 217). Сами алеуты считают себя выходцами с запада, с большой земли, называемой Аляхкак, или Танам Ангуна: «...приход алеутов с запада может быть принят за самое верное... ибо в ясную погоду с Камчатского берега виден Берингов остров; с Берингова – Ближние, а с этих уже можно видеть несколько островов вдруг». Продолжалась миграция и 8–9 тыс. лет назад: каменная индустрия памятника Анагула на Алеутах имеет азиатское происхождение (Васильевский Р.С., 1976). По мнению Н.Н. Дикова, это были предки эскимосов и алеутов. Однако нам представляется непродуктивной версия о поисках прародины эскимосов и алеутов в Сибири, если исходить из предположения Н.Н. Дикова о сходстве артефактов слоя VI с алданскими и ангаро-енисейскими (см. выше). Да и антропологически ранние насельники Камчатки не похожи на сибиряков того времени – низколидых монголоидов. Возможно, следует обратить большее внимание на сходство с североамериканской культурой денали?

Слой V (финальный палеолит; 8790 ± 150 лет назад) содержит артефакты, сходные с находками слоя VI.

Слой IV (неолит; 4200 ± 100 лет назад). В середине голоцена, то есть во время климатического оптимума, на Камчатке появилось новое население. Это были, по-видимому, ранние предки *ительменов*, которые пришли континентальным путем из Забайкалья или более восточных районов Южной Сибири. В этих местах, судя по каменной индустрии, находились исходные культуры – громатухинская (пластинчатая техника, бифасы, тесловидно-скребковидные орудия) и новопетровская культура ножевидных пластин (Диков Н.Н., 1979, с. 112). Очень слабые следы сохранились и от верхнепалеолитической традиции использования призматических нуклеусов. Продолжалось изготовление листовидных бифасов, некоторые из них достигали крупных размеров. Миграция южных предков ительменов началась еще в докерамический период. Оказавшись в изоляции на полуострове, предки ительменов дольше своих соседей на Чукотке сохраняли архаичную технику, так и не развили свое гончарное производство, применяя древнейший способ нагревания воды с помощью раскаленных камней. *«Таким образом, Камчатский полуостров в эпоху неолита долго оставался областью пережиточных послепалеолитических (“мезолитических”) традиций, подобно тому, как до этого в начале голоцена он был областью своеобразной реликтовой палеолитической культуры»* (Диков Н.Н., 1979, с. 113).

Слой III (неолит; не датирован по радиоуглероду, но перекрывающий слой II имеет дату 2440 ± 80). На берегах Ушковского озера продолжали жить те же племена, которые оставили артефакты слоя IV. Культура их, подобно предшествующей, носит архаический характер. Рыболовы и охотники на берегах Ушковского озера еще не пользовались глиняной посудой и не шлифовали свои каменные орудия. Это были предки ительменов.

Тарьинская культура (тарьинский этап, Пономаренко А.К., 1985). Достаточно подробное описание этапа дано Н.Н. Диковым (1977а, 1979). Стратотип культуры находится на берегу Тарьинской бухты вблизи Петропавловска-Камчатского. Возраст культуры Н.Н. Диков определяет в рамках II и I тыс. до н.э., опираясь на радиоуглеродные даты 3900 ± 100 лет (стоянка Елозова) и 2440 ± 290 лет (памятник Култука).

Примерно во II тыс. до н.э. неолитическая культура на Камчатке приобрела вполне развитый вид. Для нее характерно обилие и большое

разнообразие каменных орудий, свидетельствующих о мастерстве древних насельников Камчатки. Каменные орудия Н.Н. Диков делит на две группы: 1) группа вещей, повторяющих предшествующие местные неолитические типы; 2) группа вещей, появившихся на Камчатке впервые.

Вещи автохтонного происхождения (группа 1) свидетельствуют о сохранении прогрессивных технических традиций, в частности индустрии ножевидных пластинок. Предметы второй группы (тарьинской) имеют различную географию аналогий. Ее связи осуществлялись как с Чукоткой (усть-бельская культура), так и с южными территориями – Курильскими островами, Сахалином и, по-видимому, с Японией. По мнению Н.Н. Дикова (1979, с. 127), сама культура явилась результатом скрещения северных и южных культурных традиций с преобладанием северных.

С усть-бельской культурой Чукотки аналогии имеют скребки трапециевидные, тщательно ретушированные отжимной ретушью, миниатюрные скребки и др.

По мнению Н.Н. Дикова, более ранней является южно-камчатская группа памятников тарьинской культуры, которая позже распространилась и в долину р. Камчатка.

В Култуке, на берегу Ушковского озера, было раскопано жилище (рис. 27), которое конструктивно в точности повторяет жилище ительменов

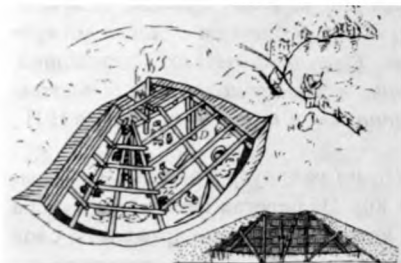

Рис. 27. Реконструкция жилища в Култуке (Диков Н.Н., 1979, с. 127)

исторического времени (Крашенинников С.П., 1949). В нем также присутствуют поддерживающие крышу опорные столбы и дымовое отверстие, служившее входом.

Любопытно, что подобные полуземлянки в историческое время были и у кереков на побережье Берингова моря. Они также были построены на деревянном каркасе в виде прямоугольной рамы со сторонами 2 и 4 м. Рама опиралась на четыре столба и имела со всех сторон балки-скаты. Снаружи эта конструкция прикрывалась дерном, так что жилища были похожи на едва заметные земляные холмики

(Диков Н.Н., 1979, с. 258). Правда, Н.Н. Диков допускает, что вход в жилище был не через дымовое отверстие, а через короткий коридор.

На берегу озера была раскопана яма глубиной 80 см и в поперечнике 10 м. Когда-то в результате пожара рухнула кровля, и жилище было погребено под слоями пепла, под которым сохранились бревна и жерди перекрытия. Почти все они обуглились, но хорошо сохранились концы бревен, заваленные земляной крышей. В этой землянке был найден центральный очаг, вокруг которого кольцом располагались еще шесть малых очажных кострищ, под каждым из которых прослеживалась обожженная оранжевого цвета земля. Реконструкция жилища показана на рис. 27.

Ниже охарактеризуем древненительменскую культуру и ее два территориально разобобщенных варианта – среднекамчатский и южнокамчатский.

Древненительменская культура. Для нее характерно большое разнообразие каменных изделий, среди которых наиболее характерны шлифованные каменные тесла удлинненно треугольной формы и горбатые широкие ножи, обработанные с обеих сторон ретушью. Памятники культуры известны в долине р. Камчатка (среднекамчатский вариант) и в южной части полуострова: на берегу оз. Налычево, на мысу Налычева, на берегу залива Лиственничного и в других местах (южнокамчатский вариант). Оба варианта, будучи родственными (корни их восходят к тарьинской культуре) и синхронными, заметно отличаются друг от друга, что позволило Н.Н. Дикову (1979) дать их раздельное описание.

Среднекамчатский вариант (кronoцкий этап, Пономаренко А.К., 1985). Его памятники приурочены к бассейну р. Камчатка (нижняя стоянка в Доярках, стоянки 1 и 2 в Ключах, культурные слои и погребения в Кимаках и Никульское городище). Названные памятники объединяются в одну группу на основании их хронологической близости и сходства найденных в них каменных изделий. Керамика в них не обнаружена, зато оказалось много изделий из кости. Изделий из железа не найдено, но они, как предполагает Н.Н. Диков, «употреблялись в незначительном количестве». Из 88 типов каменных орудий только 38 унаследованы от тарьинской культуры, 28 связываются с южнокамчатским вариантом. Им отмечается типологическая преемственность каменных орудий в системе:

усть-бельская → ? → тарьинская → среднекамчатский вариант древнеительменской культуры.

Верхний слой стоянки Ушки I позволяет реконструировать быт насельников описываемого варианта культуры. Это было становище рыбаков. Вокруг небольшой землянки (12 м²), напоминающей ительменские жилища с коридором и входом через дымовое отверстие в крыше, было выкопано множество ям для хранения рыбы. Мощный слой пережженных рыбьих костей в кострище свидетельствует о длительном пребывании людей в этой землянке. Древние ительмены по р. Камчатка не имели глиняной посуды, а использовали берестяную и деревянную для приготовления пищи: они варили рыбу, бросая в воду раскаленные камни. На Никольском городище жилища были устроены также по-ительменски.

Южнокамчатский вариант (налычевский этап, Пономаренко А.К., 1985). Его памятники известны на берегах оз. Налычево и залива Лиственничного, а также при истоке р. Озерная и на Сивуйском мысе Курильского озера. Люди жили в землянках, похожих на землянки по р. Камчатка. Но в них были найдены железные изделия и обломки керамической посуды с внутренними ушками. Такая посуда типична для поздней айнской культуры Нэйдзи, что может указывать на сильное айское влияние. Очевидно, от айнов местные жители получали и железные изделия. Комплекс каменных изделий не имеет существенных отличий от подобного среднекамчатского локального варианта культуры, что свидетельствует о родстве этих популяций. С другой стороны, комплекс имеет много общего с орудиями тарьинской культуры. Следовательно, истоки комплекса каменных орудий ведут к позднему пережиточному неолиту Камчатки (тарьинская культура). Инновации могут быть как эндогенными, так и экзогенными (Диков Н.Н., 1979, с. 274).

Верхний возраст памятников южнокамчатского варианта древнеительменской культуры определяется появлением керамики айнского типа Нэйдзи, которая начала распространяться с Курильских островов только к XVII в.

Первые же исследователи быта ительменов XVIII в. (Г.В. Стеллер, С.П. Крашенинников и др.) дали сведения о некоторых сторонах

их жизни, мировоззрении, указывающие на явный примитивизм их культуры. Создается впечатление, что ительмены шагнули сразу из каменной эпохи в эпоху железа. Это можно объяснить лишь давней и длительной изоляцией ительменов на Камчатке. Так, Н.Н. Диков высказал предположение, что морской зверобойный промысел эскимосского типа проник на Алеуты и Хоккайдо в обход Камчатки (с запада), и культура ительменов не испытала иноплеменного влияния.

Отметим и другие примеры задержавшейся эволюции ительменского общества.

1. Ительмены в период первого знакомства с русской культурой пользовались древнейшим приемом приготовления горячей пищи в деревянных и берестяных корытах при помощи раскаленных камней. Как писал С.П. Крашенинников (1948, с. 171), *«Что касается мяса живущих на земле и в море зверей, то его варят в корытах... А варили в такой посуде рыбу и мясо калеными камнями»*. У ительменов и в древности не было развито керамическое производство. Все древнеительменские культурные слои, в том числе и раннеительменской тарьинской культуры (II тыс. до н.э.), не содержат керамику.

Однако на Камчатке известны археологические памятники, содержащие керамические черепки (Кульки-8, Хайрюзова-24, Ивашка). Памятник Ивашка находится в приустьевой части р. Эмиваям напротив южного конца о-ва Карагинского (восточное побережье полуострова). А.К. Пономаренко (1985) на стоянке Ивашка (I тыс. до н.э., возможно, конец этого периода) обнаружил керамику с текстильным оттиском и залощенной поверхностью. Посуда тонкостенная, хорошо обожженная. Изготавливали ее из глины с крупным песком, рубленой соломой. Орнамент сложный, нанесен в верхней части сосудов прямоугольными зонами или сплошь ногтевыми вдавлениями. Использовалась и трубчатая кость, которая вдавливалась под углом 45° в шахматном порядке в сырое тесто. Некоторые венчики имеют наклепные валики, треугольные в поперечном сечении. Орнамент наносился на текстильные оттиски (рис. 28).

По мнению А.К. Пономаренко (2000), керамика не связана с предками ительменов, а принадлежит носителям неолитической северокамчатской (ивашкинской) культуры, которая сформировалась на стыке древнеительменской (тарьинской), с одной стороны,

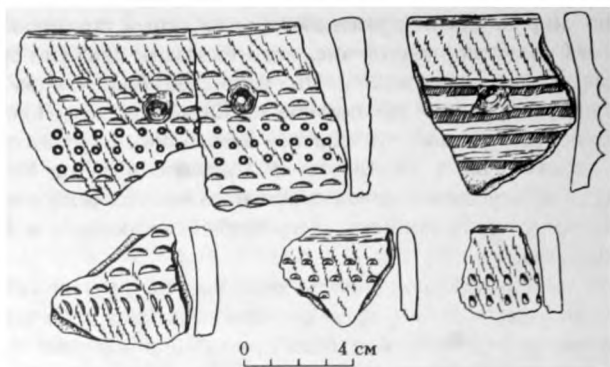

Рис. 28. Керамика со стоянки Ивашка (Пономаренко А.К., 1985, табл. 41, 1, 3, 4)

и токаревской, лахтинской и усть-бельской – с другой. Однако аналогий ивашкинской керамике в этих культурах нет, а в тарьинской культуре вообще керамики не было. Тем не менее, все эти культуры имеют некоторые общие признаки. Так, ивашкинская культура сближается:

- по наличию полиздрических резцов, нескольких черепков с вафельными оттисками (упоминаются в работе А.К. Пономаренко, но не иллюстрируются), усеченно-листовидных наконечников, скребков с резцовым лезвием – с северочукотской и усть-бельской культурами (около 3 тыс. лет назад);

- по наличию скребков с резцовым лезвием, черешковых листовидных ножей-бифасов, черешковых, листовидных и листовидно-усеченных наконечников – с тарьинской культурой (около 4000–2500 лет назад);

- по наличию наконечников – с токаревской культурой.

При этом керамику памятника Ивашка нельзя связывать с приходом коряков: последние появились на севере Камчатки гораздо позже (по мнению А.К. Пономаренко, не ранее середины I тыс. н.э.). Ивашкинская керамика относится к более раннему времени, но она моложе бескерамического этапа неолита, с которым можно связывать предков ительменов.

В южной части полуострова известна плоскодонная толстостенная керамика, орнаментированная выпуклыми поперечными полосами с желобком между ними. Для подвешивания сосуды имеют внутренние ушки (рис. 29). Керамика такого типа найдена в раковинных кучах Сахалина, Курильских и Японских островов и может быть связана с айнами (Левин М.Г., 1958, с. 228). Влияние айнов на южных ительменов не оспаривается.

К. Дитмар (1901) на древнем поселении по р. Вахиль находил обломки керамической посуды, изготовленной ручным способом. Автор в их описании отмечает: *«С обеих сторон, у самого верхнего края сосудов, находились маленькие просверленные придатки в виде ручек»* (с. 212). Культурная привязка находок неизвестна. На поселении были обнаружены следы нескольких жилищ в виде правильных квадратных ям с длиной сторон 20 футов и 2–3 фута глубиной. Здесь когда-то стояли старокамчадалские юрты с одним, реже двумя выходами, похожими на рвы.

Не ясны причины отказа ительменов от керамического производства. Если отказ хантов от керамической посуды объясняется появлением посуды из железа (русского происхождения), то сохранение ительменами архаичного способа приготовления горячей пищи в деревянной посуде с нагревом раскаленными камнями трудно объяснить. А.К. Пономаренко (2000, с. 187) отмечает вообще слабую восприимчивость древних ительменов к новшествам. Он, в частности, указал, что традиции морского зверобойного промысла, возникшие на побережье Охотского и Берингова морей во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э., проникли и на Камчатку. Но местное население, занимавшееся в основном рыболовством, охотой на наземных животных и собирательством, осталось слабо восприимчивым к ним, применяя и при добыче морских млекопитающих старые способы охоты на наземных животных.

Рис. 29. Керамический сосуд айнского типа с внутренними ушками (Руденко С.И., 1948, табл. XIII)

2. Религией ительменов был примитивный анимизм с его спутниками – культом антропоморфных «хозяев» природы, животных, разного рода духов.

3. Ительмены не знали счисления своим летам и не имели развитого счета предметов. Как писал С.П. Крашенинников (1948, с. 162), без помощи пальцев ительмены были не в состоянии сосчитать даже до трех: *«Очень смешно видеть, когда им приходилось считать свыше десяти. Тогда, пересчитав пальцы на руках, переходят к счету пальцев на ногах. Если же число более двадцати, то, пересчитав пальцы на руках и ногах, они приходят в изумление, говоря: "мача", т.е. "где взять?"»*.

Не сложилось у ительменов и деление года на месяцы, которые имеют различную продолжительность и неустоявшиеся названия. Не знали ительмены ни интервалов сезонов года, ни начала летоисчисления. Плохо ориентировались ительмены и в звездном небе, на котором различали только Большую Медведицу, Плеяды и три звезды в поясе Ориона. По-видимому, знаки небесные не интересовали ительменов.

4. Обряд погребения поразительно примитивен. По описанию С.П. Крашенинникова (1949), он сводился к оставлению трупов на съедение собакам. Привязав к шее мертвеца ремень, вытаскивали из юрты труп и оставляли его почти тут же на съедение собакам. Ительмены считали, что на том свете мертвец будет иметь хорошую собачью упряжку. Оставление трупа около юрты ительмены оправдывали также тем, что злой дух будет довольствоваться только им и не тронет живых. Вместе с покойниками выбрасывали его одежду в страхе, что, если кто воспользуется вещами покойника, должен обязательно умереть. После свершения обряда похорон ительмены проводили обряд очищения, который заключался в двукратном прыганье сквозь кольцо из веток. Младенцев хоронили в дуплах деревьев без обрядового сопровождения.

Проблема этнонима

Первые пришлые русские люди коренное население полуострова обычно называли камчадалами. Позже так именовалось и русское «коренное» население. Ныне камчадалами обычно называют всех жителей полуострова независимо от их национальности. Ительмены

за давностью лет забыли о происхождении этого этнонима, объясняя, что так начальство их называет. Так, В.Н. Тюшов (1906) только однажды слышал их самоназвание – *итенмэн*. Е.П. Орлова (1975, с. 128) приводит два ительменских этнонима: *чамзанлян* ‘камчадал’ и *инчинмен* ‘рыбные люди’. Вряд ли первый этноним является адаптацией слова *камчадал*. По-видимому, слово *камчадал* в любом его варианте не является самоназванием ительменов. Этот этноним пришел со стороны.

Этноним *камчадал* имеет неясное происхождение. Его связывают с гидронимом Камчатка. Но происхождение и этого имени затемнено. Еще С.П. Крашенинников (1755) писал, что ительмены не знают гидроним Камчатка: они эту реку называли Уйкуал ‘большая река’. Обзор существующих этимологий сделал Б.П. Полевой (1974), согласно которому название Камчатки могло произойти:

- от корякского слова *хончала*, значение которого неизвестно (Крашенинников С.П., 1948, с. 156; Тюшов В.Н., 1906);

- от камчатой ткани (исследование А.В. Ефимова, 1964);

- от корякского слова *каньча*¹ ‘курительная трубка’ (метафорическое название действующего вулкана как теоретически возможное объяснение предложено Полевым Б.П., 1974);

- по фамилии казака Ивана Ивановича Камчатого, жившего в XVII в. (Полевой Б.П., 1974);

- название Камчатка имеет якутское происхождение и неясную этимологию (исследование Н.А. Бондаревой, 1972–1974; Б.П. Полевой, 1974).

Пожалуй, наиболее приемлемым следует считать вариант корякского происхождения этого гидронима: русские о Камчатке узнали от коряков, о чем имеются исторические сведения (Тюшов В.Н., 1906, с. 461). В словах *кончат*, *конча́ток* звук *н* неясный, полуносовой, а звук *о* в безударном положении (слово *кончаток*) мог восприниматься как *а*. В итоге в русифицированном варианте слово *кончаток* могло трансформироваться в Камчатку.

Этноним *ительмен* ‘рыбные люди’ (*инчин* ‘рыба’, **мен/мэан* – продуктивный суффикс, используемый при образовании профессионального имени; ср. тюрк. *балыкчи* ‘рыбак’ из *балык* ‘рыба’ и *-чи*

¹ Китайское заимствование.

суффикс) при всей очевидности происхождения имеет варианты толкования. Г. Стеллер (Крашенинников С.П., 1755, с. 3) видел в основе этнонима корень глагола *ителакса* 'я живу', а в суффиксе – мен 'человек' (ср. нем. Seemann, англ. seaman 'моряк'), то есть *ительмен* 'житель, живущий'. Однако А.П. Володин (1976, с. 20) в этнониме *ительмен* выделяет только корневой элемент *ит*, остальная часть, по его мнению, пока не поддается расшифровке. Представляется, что происхождение этнонима *ительмен* требует дальнейших исследований.

Физический тип

Первое описание внешнего вида ительменов дал в конце XVII в. Владимир Атласов, пятидесятник Анадырского острога: возрастом (ростом, – А.М.) они невелики, с бородами средними, лицом похожи на зырян (Берг Л.С., 1924, с. 10). Наиболее подробно ительмены представлены С.П. Крашенинниковым. По внешнему виду похожи на другие народы, обитающие в Сибири, но имеют и некоторые особенности, по которым их легко отличить от якутов, бурят или тунгусов. *«Сходство (с сибирскими народами. – А.М.) состоит особливо в том, что они телом смуглы и черноволосы, что глаза у них малы и лица плоски; а несходство, что лица у камчадалов не столь продолговаты и скуласты, как у других народов, что щеки у них одутловаты, губы толсты и рот превеликой, возрасту все по большей части среднего»* (Крашенинников С.П., 1755, с. 14). Он отмечал также, что ительмены большей частью коренасты, широкоплечи, среднего роста, особенно те, которые живут вблизи моря и питаются морскими зверями, *«великанов на Камчатке не встречалось»*. Такими они предстают и на иллюстрациях в книге С.П. Крашенинникова (1948, с. 162, 163). И. Георги (1799, с. 57) так описал внешний вид камчадалов: *«...обыкновенно росту малого, широкоплечи, головы-сты; лицо у них продолговатое и несколько плоское, нос низменный. Глаза маленькие, губы тонкие, ноги коротки, бороды не велики. У женщин в лице кожа тонкая и смуглая; глаза и брови черные, руки и ноги тонкие, да они и вообще статны»*.

Физический тип «исходных» ительменов неизвестен, но, несомненно, он был иным, чем у тех, с которыми познакомились русские первопроходцы. Изменился он после миграции предков ительменов

на Дальний Восток, где на него оказали влияние восточноазиатские представители аустрической ветви первых мигрантов. Г.Ф. Дебеч (1951) так реконструировал тип древних ительменов: они более темнопигментированные, чем коряки, и лицо у них более плоское. Нос плоский, что сближало их с азиатскими, а не американскими монголоидами. Обладают (и ныне) максимальной (по планете) шириной нижней челюсти.

Сохранились портреты ительменов – женщины и мужчины. Это гравюры художника Джона Вебера, который в 1779 г. был в составе экспедиции Дж. Кука. Ныне эти гравюры хранятся в краеведческом музее Петропавловска-Камчатского.

Ительмен и ительменка (гравюра конца XVIII в.; Пономаренко А.К., 2000, с. 27 и 28)

Качественно выполненные портреты камчадалов начала XX в. воспроизведены в книге В. Йохельсона (Jochelson W., 1928).

Вряд ли в будущем удастся обнаружить останки древних ительменов по той причине, что они не хоронили усопших в земле, а оставляли их трупы на поверхности.

Найденные при археологических раскопках немногочисленные человеческие останки, очевидно, принадлежат корякам. Так, у населенного пункта Палана были найдены череп и несколько нижних челюстей людей, достигших зрелого возраста (около 40 лет). Найден также резец верхней челюсти. Резец имеет лопатообразную форму,

характерную для арктических монголоидов и американских индейцев (Пономаренко А.К., 2000; ссылка на А.А. Зубова). С большой степенью вероятности можно предположить принадлежность следующих находок человеческих останков ительменам. На стоянке Анадырка (северо-западная часть Камчатки) обнаружен неполный скелет человека. Последний не был захоронен в могильной яме, а по ительменскому обычаю оставлен на поверхности около 1100 лет назад. На стоянке Копыто I в приустьевой части р. Жупанова был найден череп человека среди сгнивших бревен рухнувшего покрытия жилища. Это соответствует ительменскому обычаю оставления умершего на поверхности Земли или даже на крыше жилища.

Жилища

Известно сходство жилищ ительменов (по описаниям С.П. Крашенинникова) и аборигенов севера Западной Сибири (описание Избранта Идеса; см. ниже). Это заставляет поставить вопрос о их возможном родстве.

Рассмотрим жилища аборигенов циркумполярной природной зоны.

Аляска. На мысе Хоп жилища Ипиутакской стоянки отличались от современных неозскимосских домов. Их стены были земляными, тяжелыми. Кровля и наклонные стены опирались на столбы, помещенные внутри дома и, вероятно, соединенные сверху деревянной четырехугольной рамой. Стропила, лежавшие на этой раме и формирующие кровлю, были покрыты мхом, торфом и грязью. В плане жилище имело квадратную форму с закругленными углами. Вход в дом располагался с западной стороны и вел, большей частью, прямо в дом без входного коридора (Пелих Г.И., 1972, с. 179).

Алеутские острова. На острове Умнак (группа Лисьих островов) в 1936 г. чех Алеш Хрдличка открыл древнеалеутское поселение Чулука. Семь культурных слоев прослеживались на глубину до 5 м. Наиболее древние слои (названы Нижняя Чулука) имеют радиоуглеродные даты от 1724 ± 55 до 716 ± 57 лет до н.э. В седьмом слое были обнаружены остатки трех округлых жилищ диаметром 4–5 м, каменных очагов, крупные китовые кости. Жилище углублялось в грунт не более чем на 10–15 см. Стены жилищ представляли собой

каменную кладку из пяти ярусов горизонтально положенных друг на друга камней, которые удерживались колыями из китовых ребер. Сохранились стены высотой 40, 50 и 60 см. Китовые кости и челюсти также входили в конструкцию жилища. Полы двух жилищ были выстланы плоскими каменными плитками. Жилища имели выход в виде коридора (Васильевский Р.С., 1973а; Окладников А.П., Васильевский Р.С., 1976, с. 67). Жилища эти не похожи на те, которые известны на Камчатке и приписываются ительменам. Отличались они и от больших (на 10 и 50 семей) прямоугольных жилищ алеутов, которые описаны русскими исследователями в XVIII в.

Такие большие жилища видел И. Вениаминов, миссионер во владениях Российско-Американской компании, в 1824–1839 гг.: «...в самой глубокой древности вместо всех столбов, перекладин и стропил употребляли одни ребра больших китов, которые одними концами ставились подле стены, врывая несколько в землю, а между другими двумя, вверху, утверждали распорки или быки, связывая их ремнями, отчего из них образовалось полуокружие: потом на них утверждали несколько бревен, положенных вдоль юрты и в соразмерном друг от друга расстоянии, на которые клали сплошь доски, или трещины. Вверху посредине строения между стропилами делалось несколько люков или отверстий, из коих служили для входа и выхода жильцов и вместе окнами и дымовыми трубами, а другие отверстия прямо для света и дыма. Первых было от 1 до 5, а последних сколько могло поместиться» (Васильевский Р.С., 1973, с. 57). И. Вениаминов (1840, с. 217) упомянул о подобных жилищах древних алеутов на острове Уника: «На NW отдельных горах, в расстоянии от моря более 10, на весьма значительной высоте, находится юртовище, построенное из китовых ребр и щек (челюстей. – А.М.), вероятно для убежища от неприятелей». По конструкции эти жилища не похожи на ительменские (использование китовых костей), но вход через дымовое отверстие в крыше сближает их. Возможно, конструктивные особенности жилищ памятника Чулука (использование камня и китовых костей) обусловлены дефицитом древесного материала (плавника и деревьев на острове).

Камчатка. Жилища ительменов подробно описал С.П. Крашенинников (1948, с. 166, 167). «В земле выкапывается яма аришина в два глубиною, а в длину и ширину – смотря по числу живущих.

В яме, почти в самой середине, ставят четыре толстых столба, один от другого на расстоянии сажени и более. На столбы кладут толстые перекладыны, на них накатывают потолок, оставляя по середине четырехугольное отверстие, которое служит и вместо окна, и вместо дверей, и вместо трубы. К перекладам прислоняют бревна, нижние концы которых закапывают в землю. Обрешетив бревна жердями, камчадалы покрывают их травой и засыпают землей, так что юрта снаружи имеет вид небольшого холмика; но внутри юрта четырехугольная, причем почти всегда две стороны бывают длиннее, а две короче. Под одной из длинных стен, между вертикальными столбами обыкновенно расположен очаг; вывод из него для дыма делается так, чтобы устроенное для этой цели непосредственно над очагом отверстие было расположено ниже верхнего четырехугольного. Делается же оно для этой цели непосредственно над очагом, чтобы входящий через него воздух выгонял дым вон из юрты через верхнее отверстие». Входили в жилище по лестнице-стремянке, «...под которой обыкновенно очаг бывает, и для того во время топления юрты непривычному трудно входить и выходить из юрты, ибо лестница так горяча бывает, что ухватиться нельзя; и проходя сквозь дым должно переводить дух, чтобы не задохнуться» (Крашенинников С.П., 1948, с. 375–376).

Жилища, подобные описанным С.П. Крашенинниковым, были широко распространены на полуострове Камчатка на всех этапах древнеителменской культуры. Такое жилище было изучено на памятнике Култука в долине р. Камчатка, его возраст по радиоуглероду – 2440 ± 290 лет (Диков Н.Н., 1979, с. 126). Этот исследователь уводит строительную технику ительменов (углубленные жилища с коридорообразным входом) вглубь времен – в поздненеолитическую ушковскую культуру (с. 55). Возможно, доступ в жилище через дымовое отверстие – это не ранний обычай. Коряк сообщил С.И. Руденко (1948, с. 156): «В древности вход в землянку был сбоку, через дверь, и только впоследствии дыра была закрыта и входить в жилище начали через входное отверстие (в крыше. – А.М.). Последнее преследовало цель защитить жилище от зимних буранов и главным образом избавиться от необходимости отгребать дверь от снежных заносов». Информация коряка свидетельствует лишь о том, что вход через дымовое отверстие на крыше был не самым древним способом попадания в жилище.

Имеются указания (Левин М.Г., 1958, с. 228) о том, что в южной части полуострова были распространены четырехугольные землянки с боковым коридором (тоннелем). Землянки круглого плана обнаружены только в его северной части.

Характерным признаком ительменских жилищ является вход по лестнице-стремянке (бревну с зарубками) через дымовое отверстие в крыше. Но еще С.П. Крашенинников писал, что помимо входа сверху камчадалские жилища имели подземный ход в виде узкого и длинного тоннеля, который шел от очага и выходил наружу у одной из стен юрты. Тоннель служил для тяги, но им пользовались для входа и выхода женщины, дети и коекчучи. А.П. Пономаренко (1985) подтвердил, что, как показали археологические раскопки, в ительменских юртовцах и в древности был боковой вход, обращенный, как правило, в сторону реки, озера или моря.

Южные камчадалы называют юрту *тгомкегочичь*, северные – *кузучь*, или *тимусучичь*.

Айны Курильских островов и мыса Лопатка живут в таких же хижинах, что и камчадалы, или ительмены (Крашенинников С.П., 1948, с. 238).

Чукотка. Проживающие здесь группы населения, состоящие в близком или отдаленном родстве, имеют или имели жилища, которые условно можно назвать жилищами ительменского типа по хорошо описанному С.П. Крашенинниковым еще в XVIII в. жилищам камчатских ительменов.

Эскимосы. Жилища азиатских эскимосов подробно описал Г.А. Меновщиков (1959, с. 39 и др.). Наиболее древние были устроены следующим образом.

Полуподземные жилища *нын'лю* были обычными по всему берингоморскому побережью Чукотки и далее на восток до Лабрадора и Гренландии. В качестве строительного материала использовался плавник, камень, китовые кости, дерн. Землянки встречались как обособленно, так и группами. Во втором случае они соединялись между собой коридорными ходами. В жилищах сиренинских эскимосов челюсти китов использовались в качестве центральных и боковых столбов, а также поперечных балок для настила потолка и крепления стен. Китовые позвонки использовались для крепления стен длинного коридорного хода, а черепные кости и лопатки употреблялись для мощения пола. Жилища имели два выхода – зимний и летний. Нижний вход (подземный) употреблялся зимой, по-видимому, для сохранения в землянке тепла. Он был длинным и низким до такой степени, что пробираться по нему можно было только на четвереньках. Верхний (в стене жилища) был

летним, так как зимой нижний вход в это время становился сырым или даже заливался водой от талого снега. Г.А. Меновщиков писал, что верхний ход был несколько шире и через него на пол землянки спускались по деревянному брусу с зарубками. Но на рисунке жилищ эти брусья с зарубками не показаны, верхний вход показан на уровне поверхности земли. Возможно, речь идет о спуске по деревянному устройству в котлован землянки. Вверху жилища имелось отверстие для вентиляции, которое затягивалось моржовым пузырем и служило также окном.

С.И. Руденко (1947, с. 69) приводит описание жилищ эскимосов-коняг с побережья залива Нортон, сделанное Хвостовым и Давыдовым. *«Дома свои коняги строят следующим образом: врывают в землю бревна или колотые доски, несколько наклонно к внутренней стороне, а крышу делают плоскую или кругловатую. Потом обладывают все это травой и землею. Это их общая кухня, в кою входят через небольшое отверстие, покрываемое тюленьей кожей; в середине сего шалаша разводят огонь, а над оным в крыше оставлено полое место для выхода дыма. Вместо пола стелют сухую траву, а по бокам кладут некоторые домашние снаряды. В иных есть лавки, но всегда шалаш сей нечист. Из кухни в сторону есть небольшое круглое отверстие, закрываемое доскою, куда с великим трудом пролезть можно, дабы взойти в теплый покой, называемый русскими жупан и занимаемый обыкновенно двумя или тремя семействами, а весьма редко одним. Таких жупанов у каждой кухни бывает по два и по три, смотря по числу семей, живущих вместе. Пол сего покоя всегда ниже земли, стены в нем наклонные, крышка сводится поверх земли. Вместо стекла служат бобровые или другие тонкие кишки. Во всяком селении построен бывает шалаш, называемый кижим, в коем бывают игрища».*

Жилища эскимосов с побережья залива Нортон (южнее коняг), судя по описанию Л.Г. Загоскина (1956; первое издание – в 1847 г.), были почти такими же, как и у коняг: *«...на избранном для зимника месте вынимают земли на аршин и более; по углам ставятся приличной толщины столбы от одной с половиной до двух сажень высоты, стены набираются из плах, которые также ставятся стоя и вровень с угловыми столбами – из бревен пирамидально возводится вся крыша. В отверстие, оставленное на середине, вставляется особый небольшой люк или рама, которая обтягивается кишками морских животных и заменяет окно. Стропила снаружи обставляются досками или карбасником (жерди, ветки. – А.М.),*

потом все строение засыпается землею так, что издали землянки туземцев представляются в виде небольших холмиков. Для входа в зимники выкапывается в земле узкий и длинный коридор, коридоры обставляются тыном и также засыпаются землею. В зимник заходят ползком... На каждом туземном жилище есть общественное здание известное ... под названием кажима. Кажимы строят сходно с зимниками, но в больших размерах. Иные по десяти сажен в квадрате и четыре или пять высотой, вместо нар и полок по всем их сторонам протягиваются лавки и в некоторых кижимах... в два и три яруса; сверх обыкновенного хода из сеней, таких же узких и низких, как у зимников, в кажимах устраивают особый ход из подполья через яму огнища, которая бывает до четырех футов глубины».

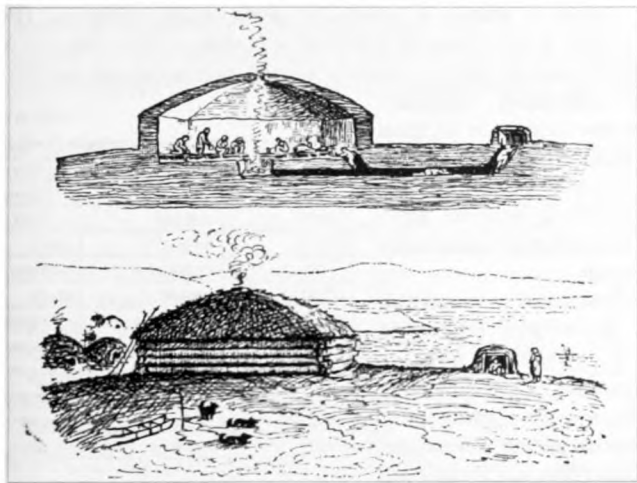

Рис. 30. Кажим – общественное здание аляскинских эскимосов (Загоскин Л.А., 1956, с. 95)

Кажимы¹ (рис. 30) для эскимосов служили мастерскими (в них выделывали шкуры, плели морды, связывали нарты и пр.), гостиницами

¹ Г.А. Меновщиков (1959) транскрибировал это слово из работы Иохельсона как кишим.

(принимали гостей), конференц-залом (*«решаются все совещательные дела»*), залом для игр, столовой и спальни для всего мужского населения, исключая младенцев.

Азиатские эскимосы такие общественные здания не устраивают, очевидно, в связи с малолюдностью поселения.

Чукчи. По описанию членов экспедиции Биллингса—Сарычева в конце XVIII в. (Сарычев Г.А., 1952), зимние жилища чукчей были похожи на алеутские. Внутренняя их часть имела форму продолговатого четырехугольника. Свод делался из жердей, костей кита, покрывался травой, дерном и засыпался землей. Вход в жилье был сверху через особое отверстие. В.Г. Богораз подобные жилища из челюстей кита видел в чукотском поселке Нунигран. Землянка имела два входа. Верхним, через крышу в центре, пользовались летом, а зимою — узким и длинным подземным тоннелем (Руденко С.И., 1947, с. 68). Нам не ясна такая сезонная доступность жилища. Именно зимой, когда снежные заносы перекрывали доступ к узкому и длинному тоннелю, удобнее пользоваться входом через крышу. Но Г.А. Меновщиков (1959) объяснял это тем, что летом нижний вход отсыревал или даже заливался талой водой.

Необъяснима схожесть жилищ береговых (сидячих) чукчей и алеутов. Но вряд ли она случайна. Определенная связь (бывшее соседство, родство?) проявляется и в языке.

Языки оленных и сидячих

чукчей заметно различаются между собой, но у сидячих чукчей немало сходжений с языком кадыкских алеутов. В книге Г. Сарычева (1811) приведены некоторые такие параллели (табл. 1).

Приведенные слова сидячих чукчей почти аналогичны алеутским, но совершенно не совпадают со словами оленных чукчей. Г.А. Меновщиков (1959) предполагал, что Г. Сарычев располагал записями слов не сидячих чукчей, а эскимосов (русские первоходцы долгое время их не различали).

Таблица 1
Алеуто-чукотские языковые сходжения

Русские	Алеуты	Чукчи сидячие
Отец	<i>атага</i>	<i>атака</i>
Мать	<i>анага</i>	<i>анак</i>
Дочь	<i>паннагага</i>	<i>понника</i>
Муж	<i>оинга</i>	<i>уика</i>
Жена	<i>нулга</i>	<i>нулмук</i>
Голова	<i>наскук</i>	<i>насок</i>
Бровь	<i>каблук</i>	<i>хаблук</i>
Ухо	<i>чедек</i>	<i>чуеуху</i>
Волосы	<i>нует</i>	<i>нюет</i>
Рот	<i>каннак</i>	<i>кандак</i>

Кереки. По описанию В.В. Леонтьева (1976, с. 144), основу землянки кереков составлял квадратный каркас из четырех крепких столбов, соединенных между собой толстыми бревнами. На каркас наваливались жерди, все это тщательно обкладывалось дерном. Щели забивались песком. Дымовое отверстие *инуитын* не являлось выходом, как у коряков. Не было и специального столба с зарубками, служившего лестницей, который был типичным для корякских землянок с раструбом. Дымовое отверстие зимой покрывалось тонкой пластинкой речного льда и открывалось, когда в жилище горел очаг. Сложная система жилища (вокруг главного сооружались семейные размером поменьше) делало его мало приметным издали, так как, покрытое дерном, оно сливалось с естественным ландшафтом. Возможно, поэтому чукчи называли обитателей таких землянок *ну-мэсс'кычыкувальет* 'под землей живущие'.

Коряки. Судя по приведенной выше реплике, дома коряков имели входное отверстие в крыше. Это подтверждается и ранними описаниями.

Р.С. Васильевский (1971, с. 140) приводит подробное описание жилища коряков, сделанное В.И. Иохельсоном.

Роеся круглая яма глубиной 1–1,5 м, в которой закладываются стены в виде восьмиугольника. На углах вкапываются столбы высотой в рост человека. В центре жилища вкапываются четыре более высоких столба (5–8 м), на которые укладывается квадратная рама; столбы и рама поддерживают крышу жилища. На крыше юрты сооружают воронкообразное устройство (*tivotil*, по-корякски), служившее для защиты верхнего входа от снежных заносов. Внутри воронки оставляется квадратное отверстие размером примерно 1 × 1 м, которое является зимним входом и дымовым отверстием. Воронка крепилась наверху корякских юрт с помощью столбов, вкопанных в землю за пределами стен жилища. Посередине одной из боковых сторон юрты пристраивались сени в виде узкого крытого коридора. Сверху они были перекрыты жердями и засыпаны землей. Высота их едва с человеческий рост. Войти в юрту через эти сени можно было только в летнее время, то есть с начала мая до конца октября. В конце октября, когда байдара вытаскивалась на берег, закрывались двери в сени. Дверь прочно закладывалась сухой травой и засыпалась землей. После этого, чтобы попасть в юрту, нужно было спускаться по бревну, специально для этой цели поставленному к верхнему отверстию. Стремянка эта делалась из расколотого бревна, на гладкой стороне которого через 30–40 см пробивались зарубки-ступени (на рис. 46 в книге Р.С. Васильевского ступеньки показаны в виде лунок). Посредине жилища устраивался очаг из продолговатых каменных плит, положенных на расстоянии 50–60 см друг от друга. Р.С. Васильевский считает, что такие же юрты, но без верхнего воронкообразного сооружения бытовали у коряков и в древности.

Рис. 31. Жилище сидячих коряков (Слюнин Н.В., 1900)

Н.В. Слюнин (1900, с. 384), натуралист, участник экспедиции 1895–1899 гг., организованной Горным департаментом (Берг Л.С., 1929), подробно описал жилища сидячих коряков.

Юрты коряки устраивают из бревен и плах. На четыре столба укладывается рама, на которой вторая рама, меньшая по размерам. Поверх этой рамы настилается потолок с четырехугольным отверстием посередине для дыма и зимнего входа. От первой рамы наклонно ставятся плахи, образующие стены. Общий вид жилища напоминает стог сена. С западной стороны пристраивается длинный коридор (сени) с выходными дверями и круглым окном в потолке. В эту дверь входят только летом, тогда как зимой исключительно лазят в дымовое отверстие, поднимаясь на крышу юрты по плахе, в которой вырублены ступеньки. С наружной стороны стены обкладываются дерном, засыпаются землей. Верх юрты, занесенной снегом, имеет своеобразное устройство и походит на распушенный зонтик, обращенный ручкой вверх (рис. 31). Этот широкий карниз образует, таким образом, большое углубление, где складываются оленины шкуры, собачья упряжь, запасы рыбы и мяса. Такое устройство крыши практично: вследствие сильных зимних ветров жилище было бы занесено снегом, если бы не было замечательного карниза. Ветер, проходя между плахами, уносит весь снег. Вследствие этого крыша и верхний вход в жилище всегда чисты и свободны¹. Это же верхнее отверстие служит и для освещения жилища днем, почему оно всегда открыто, и задвигается только на ночь.

Восточная Сибирь. По сведениям Е.А. Алексеенко (1969, с. 126), в кетском фольклоре о «песчаных людях» (юги, или сымские кеты) упоминаются жилища (землянки) с входом через крышу.

¹ Очевидно, предки коряков методом проб и ошибок выявили полезный для себя эффект аэродинамической трубы.

Западная Сибирь. На севере Западной Сибири такого рода жилища встречал Избрант Идес: *«Остяки зимой шалаши оставляя свои, делают себе землянки, в которых токмо окно наверху имеют, в которое люди входят, в той же и дым выходит»*.

Адам Олеарий (1603–1671) так описывал жилище самоедов: *«Они живут в маленьких, глухих, наполовину в земле построенных избах, которые, как они говорили, кверху закругляются и заостряются и имеют посередине отверстие в качестве трубы, через которую они в зимнее время вылезают. Их избы совершенно покрываются снегом, который, как говорят, набирается выше роста двух человек, так что никто не может уже выходить. Однако они устраивают себе ходы под снегом, через которые они перелезают из одного дома в другой»* (Алексеев М.П., 1941, с. 294).

Е.Д. Прокофьева (1947) обнаружила древние жилища по берегам Кети и Тыма, которые селькупы связывают с *ири-кула* 'древние люди'.

Землянки вырывались «в горе», то есть в высоком берегу реки, и имели два выхода: один в виде коридора (в берегу реки), другой вход устраивался в крыше землянки. По коридору, который назывался *кэт сюнчи* 'нутро горы', можно было въехать в большую воду на лодке... Пол коридора и прилегающая к нему жилая площадь были слегка наклонены в сторону реки, чтобы вода не заливала жилище. Второй вход делался через крышу: через отверстие в пещеру спускались по бревну с затесами-ступенями *сырыб-по* 'для лазания по дереву'. Очаг находился сбоку от входа в коридор (слева или справа), дым от костра выходил по коридору наружу, на реку. А.П. Дульзон (1959, с. 207) записал от васюганского ханта К.Е. Могутаева легенду о богатыре по имени Нарым. Богатырь жил под землей. И в свое жилище (*карамо*) проходил по подземной дороге. Это давало ему возможность по воде переплывать на обласке без следа. Такого рода жилища Г.Н. Прокофьев (1937) связывал с несамоедскими предками современных селькупов, которые жили в земляных откосах по берегам рек. Вход в карамо находился ниже жилой площадки. Такие жилища получили селькупское название *кагэ* 'под гору'.

Приведенная Е.Д. Прокофьевой конструкция землянки составлена по материалам селькупского фольклора и была не совсем точна. В частности, позднейшими исследованиями не нашел подтверждения факт входа в жилище через отверстие в крыше. Это дало повод А.П. Дульзону (1959, с. 208) утверждать, что следов таких жилищ ни на Оби, ни на Кети, ни на Тыме не имеется. Однако Г.И. Пелих (1972, с. 45) позднее обнаружила десяток таких жилищ-землянок, выкопанных в береговом обрыве. Но для нас больший интерес представляет конструкция жилищ *тяй-мат*, обнаруженных

Г.И. Пелих (1972, с. 52) по Кети, Тыму и Оби и конструктивно напоминающих ительменские.

Жилище *тий-мат* – это в плане прямоугольное, почти квадратное, помещение, углубленное в землю на полметра, с длиной сторон 3,2 м. В центральной части ямы на расстоянии 2,5 м друг от друга стояли четыре столба с чашеобразными вырубками на верхних концах. В эти вырубыв параллельно друг другу были положены два бревна, на которые клали следующие две балки. Так получалась квадратная рама. Со всех сторон к раме приставлялись наклонные плахи и горбыли. Их верхние концы опирались на раму, а нижние – в основание земляных стен котлована. Сверху рама покрывалась жердями, заваливалась землей и сухой травой. С внешней стороны стены засыпались широким валом земли высотой около метра. Дверь сбивалась из двух широких плах с двумя поперечными накладками и подвешивалась на железных шарнирах (Пелих Г.И., 1972, с. 179).

Г.И. Пелих (1972, с. 135, 179) включает эти жилища в компонент «Б» культуры селькупов и увязывает этот компонент с прибайкальскими древностями – исаковским этапом, серовской и глазковской культурами. Носителями культуры типа «Б» в Западной Сибири были полумифические *квели-куп* ‘рыбьи люди’. Вместо богов у них были рыбы, они им поклонялись (Пелих Г.И., 1972, с. 114). Изображения рыбы с головой человека были найдены еще сравнительно недавно в юртах Летне-Киевских на Оби (с. 127). Квели жили в огромных поселках по берегам рек «у края тайги» (там же, с. 114). Жилища их были похожи на ительменские.

Более подробно древние жилища описала З.П. Соколова (1957, с. 95) по материалам раскопок поселения Зеленая Горка близ Салехарда. Жилищная впадина размером 5 × 6 м и глубиной 50–60 см имела подквадратную форму. В центре на возвышении в четырехугольном срубе из бревен (1 × 1,5 м), заполненном песком, располагался очаг. Вдоль стен шли нары ниже современной поверхности на 15–20 см. Обвалившаяся кровля, покрывшая пол, состояла из слоев земли (сверху), угля (2–4 см), еловых лап и бересты и обрешетки из плах и жердей, настланных на жерди или тонкие бревна. Последние обнаружены лежащими от краев полуземлянки к ее середине и имели, вероятно, вначале наклонное положение, причем нижние их концы упирались в край ямы, а верхние – в четырехугольную раму. Рама укреплялась на четырех вертикальных столбах, следы которых обнаружены вокруг очага. Здесь найдены следы и меньшего прямоугольника из четырех вкопанных брусьев. Они также, очевидно, связывались рамой. З.П. Соколова высказала предположение, что это

приспособление для подвешивания котлов. Возраст поселения определяется концом I тыс. н. э.

На городище Сартыня III было вскрыто аналогичное жилище, датированное VIII–IX вв. н.э.

З.П. Соколова (с. 96) считает наиболее важной особенностью таких жилищ конструкцию покрытия. В глубокие и крупные постройки возможен вход сверху через дымовое отверстие. При этом исследователь ссылается на работу Е.Д. Прокофьевой (1947) об обычае хантов после похорон родственника, дабы он не вернулся назад, мазать «...кровью жертвенного животного вход в жилище ...и место в крыше дома, будто там есть вход». Однако эта информация Е.Д. Прокофьевой может найти иное объяснение, исключаящее предположение об использовании в прошлом уграми дымового отверстия в качестве входа в жилище. Венгерская исследовательница К. Надь (2004), проанализировав роман Айпина «У гаснущего очага» (Екатеринбург, 1998), обратила внимание на процедуру передачи шаманского бубна через потолочное окно: «В зимнем доме моего Крестного приподняли оконную льдину: мужские руки сверху подали – мужские руки внизу бубен приняли». Поэтому в цитате Е.Д. Прокофьевой речь идет, очевидно, о сакральности верхнего отверстия жилища, а не использовании его в качестве входа. Тем не менее трудно опровергнуть сообщения И. Идеса и А. Олеария (см. выше) об использовании верхнего отверстия в качестве входного.

По-видимому, в прошлом у угров вход в жилище был как через дверь, так и через дымовое отверстие в крыше. В этом усматривается некоторая аналогия с ительменскими жилищами.

Приуральское Заполярье. Во второй половине XVIII в. академик И. Лепехин (1805, с. 203) со слов аборигенов записал: «Вся самоедская земля в нынешнем Мезенском округе наполнена запустевшими жилищами некогда древнего народа. Находят оные на местах: при озерах, на тундре, в лесах, при речках, сделанные в горах и холмах наподобие пещер с отверстиями, подобными дверям. В сих пещерах обретают печи и находят железные, медные и глиняные домашних вещей обломки».

Кольский полуостров. Жилище (вежа, или кюит, куит) кольских лопарей описал А.П. Окладников (1953, с. 164): «Это сделанная из жердей четырехугольная пирамида (а не конус, как у скандинавских лопарей), вышиной не более 2½–3 аршин; снаружи она

прикрывается дерном, частью ветвями и хворостом; с внутренней стороны жерди прикрыты досками. Входить в вежу можно лишь через очень небольшую крайне низкую двустворчатую дверь, прировненную таким образом, что она быстро и сильно захлопывается. Посреди вежи устраивается очаг, огонь на котором горит почти что безостановочно, если только сами лопари находятся в веже; это делается с целью воспрепятствовать комарам и мошкам проникать через единственное остающееся открытым отверстие в веже – имело отверстие наверху, откуда дым проходит от очага».

* * *

Древние жители циркумполярной зоны строили жилища, имеющие как черты сходства, так и различия. В первую очередь это относится к числу, размещению и использованию входов.

На севере Европы, судя по археологическим и этнографическим материалам, верхнего входа не было ни в *вежах* лопарей (саамов), ни в пещерных жилищах сихиртя.

Иная картина вырисовывается по материалам притихоокеанской части Азии.

Ительмены свое традиционное жилище строили с входом через верхнее, дымовое отверстие. Однако известно, что в жилищах ительменов был и тоннелеобразный вход, который начинался у стены жилища и приводил к очагу.

Эскимосы азиатские строили жилища с двумя входами – верхним в боковой стенке (летним) и нижним (зимним) в виде длинного, узкого и невысокого коридора. Эскимосы американские (залив Нортон) строили жилища либо с обычной дверью (эскимосы-коняги), либо в виде низкого коридора.

Алеуты устраивали в своих жилищах коридорный вход, а также в крыше «...несколько люков или отверстий, из коих одни служили для входа и выхода жильцов и вместе окнами и дымными трубами...» (Вениаминов И.Е., 1840, с. 205).

Чукчи в свои жилища проникали летом через отверстие на крыше, зимой по низкому подземному коридору.

Коряки строили свои жилища с двумя входами. Нижний вел из сеней и использовался летом, верхний представлял собой отверстие

в крыше, через которое зимой в жилище спускались по бревну со ступеньками.

Кереки, близкие родственники коряков, строили жилища, подобные ительменским, но дымовое отверстие в крыше не использовалось в качестве входа.

В Западной Сибири зимние жилища с входом через отверстие в крыше сравнительно недавно (XVII в.) зафиксированы А. Олеарием и И. Идесом у самоедов. Материалы археологических раскопок по Средней Оби подтверждают бытование таких жилищ и у носителей кулайской культуры (саровский этап, I в. до н.э. – IV в. н.э.).

Дымовое отверстие в крыше служило входом в жилище у гиляков Амура, индейцев Калифорнии и Британской Колумбии (Меновщиков Г.А., 1959). В Восточной Сибири (правобережье Енисея в таежной зоне) входом через дымовое отверстие, по фольклорным данным, пользовались «песчаные люди» (юги).

Схожие жилища (четыре столба, связанные сверху четырехугольной рамой, к которой прислонялись конструкции стен) были у разных групп населения Северной Азии: у ительменов, кереков, коряков, аборигенов (сельк. *кри-кула* 'древние люди') по Тыму и Кети, древних жителей по Средней (кулайцы) и Нижней Оби (памятники Зеленая Горка, Барсова Гора и др.).

Различия в устройстве жилищ обусловлены несходством подручного строительного материала. Так, жители безлесного морского побережья (эскимосы, алеуты, чукчи) использовали кости крупных морских животных или камни (алеуты) для сооружения каркаса. В них отсутствует центральная конструкция из четырех столбов с несущей четырехугольной рамой.

В Предуралье пещерообразные жилища аборигенов сближаются с жилищами типа карамо по Средней Оби. Лопарские вежи Кольского полуострова не вписываются в систему жилищ остальной части циркумполярной зоны ни по конструкции, ни по использованию дымового отверстия в крыше в качестве входа. Они генетически тяготеют к южнее расположенным районам лесной зоны.

Трудно решить вопрос о месте и времени создания первой полуземлянки в пределах циркумполярной зоны. Не исключено, что такие жилища были конвергентно «порождены» в нескольких регионах со сходными природными условиями, так как конструкция была

оптимальной для конкретной природной обстановки. В южной, лесной части зоны обеспеченность древесиной способствовала появлению жилищ с каркасом из дерева. Дефицит древесины на побережье морей заставил использовать кости крупных морских млекопитающих и в некоторых случаях камни. Специфика строительного материала вызвала и различия в конструкции самих жилищ. Несомненно, типы жилищ были более разнообразны, нежели приведенные нами. И, несомненно, развитие строительной «индустрии» шло под знаком взаимодействия целого ряда культур соседствующих популяций человека и обмена опытом в этой области. По-видимому, более ранними были конструкции жилищ ительменского типа (деревянная конструкция). Позднее, с выходом людей на побережье северных морей, человек стал строить жилища иной конструкции – типа эскимосских.

По крайней мере можно говорить о самостоятельной строительной традиции в европейской части (вежи лопарей) и сибирской (строительство жилищ с опорными столбами). В Берингии не было жилищных сооружений типа *иглу* гренландских эскимосов.

Глава 6

ИТЕЛЬМЕНЫ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ

Если отсчет начала истории ительменов в первом приближении определен, то время появления других народов и возможный контакт их с ительменами на северо-востоке Азии остается неясным. Речь идет о чукчах (самоназвание *луораветланы* 'настоящие люди'), коряках ('оленные', от *кор* 'олень' и *-ак* – форма локатива, то есть местного падежа), эскимосах¹ (самоназвание азиатских *йуит-юит-югат*, американских – *инуит*) и алеутах (самоназвание *унанган* 'живущий, житель'). До сих пор в научной литературе нет единого мнения о времени и месте сложения этих групп населения, о их родственных связях, степени взаимовлияния и, что для нас важно, об их отношении к ительменам. Родство эскимосов и алеутов предполагается, а родство коряков и чукчей не оспаривается. Отношение ительменов к этим группам палеоазиатского населения почему-то не очень интересовало исследователей, за исключением лингвистов.

Антропологически население Северо-Востока объединяется в одну малую монголоидную расу – арктическую, для которой наиболее представительными являются эскимосы. Общие черты расы сводятся к следующим признакам: «...прямые жесткие волосы; темная по сравнению с североазиатскими монголоидами пигментация (более смуглая кожа, темные почти без примеси смешанных оттенков глаза, очень высокий процент волос с иссиня-черным отливом); слабое, по монголоидному масштабу, развитие эпикантуса (около 30%); повышенный по сравнению с сибирскими монголоидами рост бороды; очень высокое, широкое, но сильно уплощенное лицо; хорошо очерченный нос с прямой и часто выпуклой спинкой, со сравнительно высоким переносьем; толстые губы» (Левин М.Г., 1961, с. 46).

В расе выделяются две подгруппы – берингоморская, или эскимосская (к эскимосам близки береговые чукчи) и камчатская (береговые и оленные коряки, оленные чукчи, ительмены; наиболее

¹ Этноним, данный северными индейцами: эскимо 'сыроед, т.е. едящий сырое мясо' (Никонов В.А., 1984).

характерные ее представители – коряки). М.Г. Левин (1958, с. 206) считал, что различия этих подгрупп обусловлены относительной пространственной изолированностью друг от друга. И.С. Гурвич (1980) выявил немало общих этнографических признаков у арктических народов Северо-Востока, в том числе и ительменов, изучение которых позволило ему утверждать их генетическую близость и длительность контактов.

Но в этой путанице версий и взглядов на проблему происхождения народов Северо-Востока лежит одна причина – недоговоренность о сути спора: решается проблема языкового родства, физического (антропологического) родства или же возникновения характерной материальной культуры населения. О важности терминологического единства в подходе к решению проблемы еще в 1958 г. писал Н.Н. Диков. Иногда проблема происхождения этноса подменяется проблемой происхождения его материальной культуры. Так, работа Л.А. Файнберга (1980) с многообещающим названием «Происхождение эскимосов и алеутов» содержит лишь информацию о происхождении культуры морских зверобоев в Северной Америке и на Чукотке и делении эскимосского языка на диалекты. Не всегда материальная культура совпадает с этносом. Мы в этом убедились, наблюдая, насколько на плато Путорана одинакова материальная культура эвенков и долган, занимающихся оленеводством.

Нивх (амуро-сахалинский тип)

Особый антропологический интерес представляют нивхи, потомки неолитического населения. По некоторым признакам (сильное развитие эпикантуса, высокое, плоское и широкое лицо, низкое переносье) они сближаются с представителями североазиатской расы, но сравнительно сильное развитие бороды и заметный прогнатизм выделяют их в особый, амуро-сахалинский тип (Рогинский Я.Я., Левин М.Г., 1978).

Физическое родство в ряде случаев подкрепляется языковыми материалами.

Языковые схождения

Ительменский язык обычно включается в палеоазиатскую семью, в которую входят также эскимосский, корякский и чукотский. Довольно давно появились данные об обособленности ительменов от других народов Камчатки (Крашенинников С.П., 1948). И.С. Вдовин (1969, 1970) и А.П. Володин (1969) сошлись во мнении, что ительменский язык не связан генетически с корякским и чукотским языками, мотивируя это резкими отличительными особенностями в фонетике и лексике. Наличие же в нем некоторых общих черт с этими языками может быть объяснено заимствованием. Обособленность ительменов проявилась не только в языке, но и в материальной культуре, верованиях, мифологии (Вдовин И.С., 1970; История и культура..., 1990, с. 16–21). Языки ительменов и корякско-чукотские имеют больше расхождений, чем схождения. Это характерно не только для лексики, но и для фонетики: ительменский язык содержит согласных фонем 23, корякский – 17, чукотский – 13. В корякско-чукотских языках не допускается в начале и конце слова стечение согласных, в то время как в ительменском допускается стечение от двух до пяти согласных (Володин А.П., 1969).

В.И. Иохельсон еще в 1915 г. вполне определенно высказывался по вопросу о соотношении языков палеоазиатской семьи: *«Можно считать установленным, на основании материалов, собранных Богоразом и мною, что чукотский, корякский и камчадальский (ительменский. – А.М.) языки развились из одного праязыка»* (Иохельсон В.И., 1915, с. 137). П.Я. Скорик (1958, 1973) внес уточнение: ительменский язык действительно генетически связан с другими чукотско-камчатскими, но он ранее других отошел от их общей языковой основы. По мнению П.Я. Скорика, при определении родства языков решающим показателем является не фонетика и не лексика, а грамматика. Для всех чукотско-камчатских языков характерны однотипные показатели: агглютинация суффиксально-префиксального типа, система склонений, спряжение (субъектное для непереходных глаголов и субъектно-объектное для переходных). П.Я. Скорик (1973, с. 74) писал: *«Общие элементы морфологии являются неоспоримым свидетельством генетической принадлежности ительменского языка к чукотско-камчатской группе, а резкие отличительные особенности фонетики и лексики, по-видимому, представляют собой*

результат раннего обособления этого языка и длительного развития под иноязычным влиянием».

Корякские заимствования отмечены как в лексике, так и морфологии языка современных ительменов, проживающих в Корякском автономном округе (от р. Морошечная до р. Тигиль). Это следствие давнего контакта ительменов с коряками. Именно обилие корякских заимствований дало повод для предположения о генетической принадлежности ительменского языка к чукотско-корякской группе (Вдовин И.С., 1975, с. 65). То есть языковые схождения ительменов, коряков и чукчей И.С. Вдовин склонен объяснять разновременным исходом их предков из одного языкового поля, бытовавшего на юге Восточной Сибири.

Этот, казалось бы, отвлеченный лингвистический спор имеет принципиальное значение для решения вопроса об этногенезе ительменов. Известны материалы исследований о сравнительно недавнем появлении коряков на Камчатке и отсутствии здесь чукчей и эскимосов в исторически обозримом времени. Из этого следует, что родственные связи ительменов с другими народами Северо-Востока исключаются, и речь может идти только о языковых и культурных заимствованиях. Если же признать давнее родство народов чукотско-камчатской группы, то необходимо решать вопрос о локализации изначальной родины коряков, чукчей, эскимосов (и алеутов) и ительменов, где они могли бы создать свою лингвистическую общность. А недавнее (I тыс. н.э.; Пономаренко А.К., 2000) появление коряков в северной части полуострова можно тогда оценивать как позднюю встречу родичей, давно потерявших былую родственную связь.

Необходимо также отметить полное отсутствие каких-либо эскимосских заимствований в ительменском языке и наоборот. Лингвисты, по крайней мере, на этом вопросе не останавливают своего внимания.

Лингвистические схождения ительменского с языками других народов Западной Сибири очень немногочисленны, но особенно примечательны те, которые имеются у ительменов, с одной стороны, и северных самодийцев и угров – с другой:

рука ительм. *сытту* – тавг. (нганас.) *сытто*;

вода ительм. *иъ* – нен. *и*;

река ительм. *киг* – сельк. *кыге, кыкке, кеге*;

мать¹ камчадалское (ительменское) *ангуан*, в языке ительменов с р. Камчатка *ага, агаг* (Дыбовский Б., 1998) и *амгагиг* (Сарычев Г., 1811) – березовские вогулы (манси) *ангу*, березовские остяки (ханты) *анга*, аганские ханты *анки*, камасинцы *янг* (из угорских? – А.М.; для сравнения – койб. *ям, матор. имам*);

болото ительм. *kel'k*, *кельк* – манс. *кел*, *келыг*, хант. *kal*, *келек*;

камень ительм. *ков* – финно-угор. *кеви*.

Менее убедительно соответствие ительм. *акынскх* ‘четырёхугольный берестяной сосуд с плетеными ручками’ и хант. *кын* ‘берестяной туес’.

И как лингвистический курьез отметим имя ительменского идола Хантай (!), изображаемого в виде русалки: от головы до груди это человек, а нижняя часть представляет рыбу (Крашенинников С.П., 1948). Идол находился в жилище около очага. Любопытно, что Г.И. Пелих при описании селькупских (соседи хантов) божков также упоминает об изображении человека-рыбы.

Прямой контакт ительменов с уграми и северными самодийцами мало вероятен. Создается впечатление, что приведенные слова восходят к одному языку. Таким языком мог быть древнейший (верхнепалеолитический, палеосибирский) язык, потомком которого, возможно, был язык племен Центральной Сибири в эпоху бронзы. Однако малое число лексико-грамматических сходжений удерживает нас от категорического утверждения, хотя возможность сохранения очень ранних лексем в языках народов Сибири нельзя отрицать. В этом случае пример с языком ительменов был бы уместен: Камчатка издавна представляла собой изолят, в котором могли сохраниться элементы древнейшего языка и быта.

Ительменские топонимы в Сибири

Языковую принадлежность обычно выявляют по апеллятивам – географическим терминам, использованным при образовании топонимов. Так, в гидрониме Кара-су(г) апеллятив выдает его тюркское происхождение (тюрк. *су-суг* ‘вода’), Тром-юган – хантыйское

¹ Сравни. словарь... десницею..., 1787.

(хант. *юган* ~ *йоган* 'река'), Диринг-юрях – якутское (як. *юрях* 'речка'), Тайшет – коттское (котт. *шет* 'река'), Хагды-бира – эвенкийское (эвенк. *бира* 'река') и т.д. В языке ительменов Б. Дыбовский (1998; записи 1883 г.) выделяет три диалекта, значительно различающихся между собой. Эти различия проявились и в географических терминах, которые участвуют или могли бы участвовать в образовании имен собственных географических объектов. В таблице 2 приведены некоторые апеллативы.

Таблица 2
Ительменские географические термины

Русское значение	Ительмены		
	по р. Камчатка	южные	западные
Устье реки	<i>агс</i>	<i>вучкидк</i>	<i>аньхек</i>
Вода	<i>азамх</i>	<i>ии</i>	<i>иии</i>
Река	<i>киг, кигид</i>	<i>кива, кига</i>	<i>киг</i>
Рукав реки	<i>кигичуч</i>	–	<i>киакыл</i>
Гора	<i>пэкхч</i>	<i>низиниэ</i>	<i>нейне, нейне</i>
Камень	<i>квал</i>	<i>уад</i>	<i>вач</i>
Остров	<i>лупкул</i>	<i>шамат</i>	–
Долина	<i>кинч</i>	–	<i>элах</i>
Озеро	<i>курх</i>	–	<i>кольх</i>
Море	<i>ких</i>	<i>никыл</i>	<i>ких</i>
Болото	<i>кельк</i>	<i>кухад</i>	<i>кельк, кульх</i>

Наиболее продуктивным в формировании гидронимов Камчатки является апеллатив 'река'. Исходной формой для него, очевидно, был глагол **киг*- 'течь', который вычленяется из лексем *кигич* 'вытекать' и *кикинэзин* 'текучий'.

В книге, посвященной результатам экспедиции Биллингса (Са-рычев Г., 1811), приложен собранный в 1791–1792 гг. штаб-лекарем Ребеком, участником экспедиции, словарь¹ трех наречий ительменского языка – большерецких, с реки Камчатки и тигильских. Ниже приведены лексемы, также показывающие их большое несходство в языках отдельных групп ительменов. Подтверждается это и под-

¹ Похоже, словарь из 312 слов остался неизвестным для лингвистов (Володин А.П., 1976).

боркой других базовых слов (соответственно: ительмены с р. Камчатки – южные – западные):

человек – *кроцох* – *вушкамжах* – *чамзальч*;

женщина – *цыдухельке* – *кэнижах* – *нимци*;

мать – *ага*, *агаг* – *аальмач* – *лехсх*;

отец – *эпел* – *апач* – *исх*;

люди – *хуренеч* ‘племя’ – *нуказ*, *вушкамжах* – *наказ*, *чамзаян* ‘люди’;

рука – *сутуд*, *тон* – *ситту*, *шету* – *шитут*, *хкич*;

рыба – *ичуч* – *ичууд* – *ияк*, *инч*, *инчин*, *кльхин*;

медведь – *каз*, *казь*, *каж*, *кутхыльж* – *каза* – *хекандль*, *келькан*;

волк – *кирх*, *куирх* – *иульмад* – *хигна*;

солнце – (?) – *каач* – *ляч*;

лес – *эмич*, *угу* – (?) – *угин*, *уу*.

На Камчатке известно немало рек, в именах которых имеется апеллятив *кыз-киз* ‘река’: Ешколь-кыг, Ижу-кыг, Кенмен-кыг, Лакыг, Унаг-кыг ‘гагары река’, Тигиль (из Кигиль). Имя р. Коочь-агжа переводится как «еловое устье» (Крашенинников С.П., 1818). О возможной связи ительм. *киз* и сельк. *кыге* мы уже писали (Малолетко А.М., 1992). В Западной Сибири названия многих рек имеют селькупское происхождение, о чем свидетельствует термин *кыге*: Чадж-кыге, Томул-кыге, Кой-ченжоль-кыге, Чунбу-нель-кыге и др.

А.П. Володин (1974, с. 64) высказал предположение о возможной связи ительменского географического термина *киз* ‘река’ с хантыйским *йоган* ‘река’ и даже финским *joki* с тем же значением. Нам импонирует это предположение о некой давней родственной связи угров и ительменов, хотя А.П. Володин считает это совпадение случайным.

На юге Камчатки (от устья Авачи до мыса Лопатка) довольно многочисленны реки с курильским апеллятивом *пит* ‘река’: Крувипит, Мойпит, Пит, Утатумпит, Ячуумпит и др. Но справа в Енисей ниже устья Ангары впадают реки Бол. Пит и Мал. Пит, а в р. Кова (система Ангары) впадает р. Питой. Это заставляет поставить вопрос о возможном родстве топонимов с апеллятивом *пит* Камчатки и Восточной Сибири.

Ительмены – уральцы?

Попытаемся найти место ительменов в истории сибирских и дальневосточных народов. Мы не будем рассматривать этапы первоначального заселения, следы которых известны, например, на памятниках Диринг-Юрях, Улалинка. По нашему мнению, эти миграции были тупиковыми, и носители их не оставили потомков. То же самое можно сказать и о мигрантах из Средней Азии, которые пришли в Южную Сибирь 40–50 тыс. лет назад (памятники Сибирячиха, Денисова Пещера и другие на Алтае, пещеры по р. Сая в Кузнецком Алатау). Для нас более интересна популяция, которая в верхнем палеолите в Сибирь пришла с запада (из Европы). Эта популяция в европейской части оставила памятники Костенки (23 тыс. лет), Сунгирь (23,5 тыс. лет), Бызовая (25,5 тыс. лет). В Сибири эта волна мигрантов оставила следы около Красноярска (Афонтова гора, 20,9 тыс. лет), Байкала (Буреть, Мальта, 20–24 тыс. лет)¹. В это время на огромном пространстве Восточной Европы и Сибири сформировалось единое языковое поле, которое условно можно назвать протофинно-угорским. На этом языке говорили насельники Сунгиря и Костенок, Афонтовой Горы, Мальты и Бурети.

Притихоокеанскую часть Северной Азии заселили мигранты, пришедшие южным (по берегу Индийского океана) путем из Передней Азии. Их можно связывать с носителями палеолитической (35–10,5 тыс. лет) дюктайской культуры Восточной Сибири (Мочанов Ю.А., 1973). Эти мигранты считаются предками чукчей и коряков.

Единый язык не мог длительное время функционировать на столь обширной территории, занятой носителями этого праязыка. Очевидно, в неолите началось первое дробление языкового поля Сибири, связанное с саморазвитием популяции. На западном фланге территории сформировался язык финно-угорского типа, на восточном, возможно, юкагирский. Однако нам представляется небесспорной версия об исконном сибирском и более древнем происхождении юкагиров.

Эскимосы. Исследователи, похоже, так и не нашли каких-либо материальных свидетельств, антропологических и языковых данных

¹ Стоянка Варварина Гора у г. Улан-Удэ имеет более ранний возраст (34–30 тыс. лет), но культурная принадлежность ее нам неизвестна.

о родстве или бывших контактах ительменов и эскимосов. Место зарождения эскимосов до сих пор не определено, и по этому вопросу имеются две версии: 1) азиатская и 2) американская. При этом первая (азиатская) версия имеет два варианта: а) эскимосы пришли с запада из глубин Евразии, б) эскимосы пришли с юга по тихоокеанскому побережью. Рассмотрим версии подробнее.

1а. Азиатское происхождение эскимосов предполагалось еще исследователями XVIII в. А в 1864 г. Ларте видел корни эскимосов в палеолитическом населении Европы: мадленские охотники за северными оленями по мере отступления ледника и передвижения стад оленя на север переселились в Северную Азию и Америку, где и создали эскимосскую культуру. Г. Хэтт (G. Hatt) выводил предков эскимосов из Алтае-Саянского нагорья, откуда, по его мнению, они пошли по берегам рек и морей, а затем заселили северные пространства от Лапландии до Лабрадора. А.М. Золотарев (1937) также считал эскимосов выходцами из Южной Сибири: эскимосы были в авангарде начавшегося в конце палеолита и раннем неолите движения южно-сибирского населения на север. Г.А. Меновщиков (1960) предполагал, что эскимосы изначально вели континентальный образ жизни и только позже вышли на побережье двух океанов. Ю.А. Мочанов (1977) считал носителей сумнагинской культуры (11 000–5 000 лет назад) предками эскимосов (и алеутов). Н.Н. Диков (1979) допускал давнее родство эскимосов с ранними уральцами и настаивал на их локализации в южных районах северо-восточной Азии. По его мнению, похолодание климата на рубеже III и II тыс. до н.э. привело к обезлесиванию арктической прибрежной полосы, и бывшим охотникам на дикого оленя поневоле пришлось переходить на морской зверобойный промысел. В новых природных условиях они выработали характерные атрибуты нового быта (глухая теплая меховая одежда, полуподземные жилища, построенные из китовых костей, пологи из оленьего меха, отапливаемые жирниками, непотопляемые каяки и большие байдары из моржовой кожи и пр.). Н.Н. Диков (1977а и др.) создателей слоя VI поселения Ушки I (12–10 тыс. лет) считал предками эскимосов и алеутов и сопоставлял их по археологическим материалам с насельниками Алдана и Ангаро-Енисейского района. С ним солидарен Л.А. Файнберг (1980, с. 234).

16. По мнению И.С. Вдовина (1972), миграция эскимосского населения происходила с юга по побережью Японского и Охотского морей. Ранее об этом писали С.И. Руденко (1947) и Г.А. Меновщиков (1959). Такой же точки зрения придерживался и А.П. Окладников. Л. Файнберг (1961) скептически отнесся к этой идее. Нам импонирует заявление Н.Н. Дикова (1958, с. 8) о том, что эскимосы являются северным крылом тихоокеанской ветви монголоидов.

2. Притчард еще в 1847 г. высказал предположение, что эскимосы зародились в Северной Америке и их предками были индейцы, обитавшие в лесах к западу от Гудзонова залива (Золотарев А.М., 1937). Этой точки зрения придерживаются и другие американские исследователи (Файнберг Л.А., 1980, с. 229). М.Г. Левин (1958, с. 241) считал Аляску центром формирования эскимосов. По мнению Р.С. Васильевского (1971), центром формирования древнейших эскимосских культур является юго-западная часть Аляски. Правда, неясно, на какой базе они сформировались. По-видимому, предполагается палеоиндейский пласт. А.П. Окладников и Р.С. Васильевский (1976, с. 104) приводят неопубликованные материалы А. Хрдлички о родстве эскимосов и индейцев, так как у тех и других большой палец связан с другими пальцами руки. Правда, на эту анатомическую особенность более никто не обращал внимания.

Наиболее древние эскимосские памятники в Азии обнаружены на о-ве Врангеля, где по углю из кострища получена дата 3360 ± 155 лет (МАГ-198). Для этой культуры (о-ва Врангеля) характерны метательные наконечники, похожие на раннеушковские (слой VII), изготовленные методом оббивки и отжима, что придает им архаичный вид. Все наконечники типично бифасиальные, имеют более или менее выраженный черешок. Этим они сближаются с наконечниками слоя VII поселения Ушки I. Но ушковские и врангелевские орудия разделяет 10 тыс. лет!

Время появления эскимосов на Северо-Востоке оценивается по-разному. По данным И.С. Вдовина, эскимосы в Берингоморье появились в конце II – начале I тыс. до н.э. Н.Н. Диков (1979, с. 165) палеоэскимосскую культуру о-ва Врангель датирует II тыс. до н.э. (3360 ± 155 лет). Но эти даты фиксируют сложение береговой материальной культуры, а не появление эскимосов как этноса (сложение эскимосской культуры морского зверобойного промысла на берегах двух океанов произошло в конце II – начале I тыс. н.э.).

Антропологические исследования эскимосов невелики. Древнейшие эскимосы, по данным А.М. Золотарева (1937), обладали длинным черепом с килевидной высокой крышкой. Позднее на Аляске он был вытеснен круглоловым высокорослым типом, близким к палеоазиатскому. Азиатские эскимосы – типичные представители арктической расы. Морфологически они близки береговым чукчам, которые отличаются от эскимосов менее жесткими волосами, более слабым ростом бороды, сильнее выраженной монголоидностью глазной области, пониженным переносием. М.Г. Левин (1958) видит в этом сдвиг в сторону байкальского типа.

Как уже отмечалось, особый интерес представляет сиренинский язык (по другому ранжированию – диалект эскимосского языка), который занимает промежуточное положение между эскимосскими диалектами и чукотско-корякскими языками. В языке сиренинцев Г.А. Меновщиков (1960, 1964) отметил элементы алеутского языка (см. выше), языка эскимосов с острова Нунивак, чукотские заимствования и лексический пласт неизвестного происхождения. Но ительменские заимствования в эскимосских, как и эскимосские в ительменском, как будто не отмечены. Остается необъяснимым сходжение культурного слова *письмо* (почтовое отправление), *бумага* в языках гренландских эскимосов (*калигах*) и ительменов (*каликал*).

Эскимос (берингоморский тип)

У лингвистов давно вызывают недоумение лексические и структурные сходжения алеутского языка и языка сиренинских эскимосов (Меновщиков Г.А., 1964, с. 9). Арутюнов С.А. и др. (1972, с. 91) дали этому следующее объяснение. Некогда (2 тыс. лет назад? – А.М.) побережье Восточной и Южной Камчатки занимали эскимосы, сохранившие пережитки древнего эскоалеутского единства, нарушенного 4000–5000 лет назад (Меновщиков Г.А., 1973). Эта группа эскимосов была близка алеутам не только по языку, но и по материальной культуре. Эскимосское население Камчатки было частично ассимилировано пришедшими сюда ительменами и коряками. Часть его мигрировала в Америку по Алеутским островам, а также на север

в районы Чукотки и Аляски. Можно предполагать, что это были предки сиренинских эскимосов, которые сохранили столь много архаичных элементов в языке, что его ныне не понимают другие группы соплеменников (науканцы, чаплинцы, унынцы и др.).

Эти объяснения нам представляются мало убедительными, а материалы данного исследования (см. следующий раздел об алеуках) свидетельствуют об отсутствии родства этих народов. Нам импонирует следующее высказывание С.И. Руденко (1948, с. 179): «Комплекс вещей, характерных для древних ительменов, имеет мало общего ... с эскимосской культурой берингоморского побережья». К тому же бывшее присутствие эскимосов на южном и восточном побережье полуострова не доказано археологически.

В древнеэскимосских памятниках Аляски найдены лабретки – каменные и костяные украшения, вдеваемые в отверстия, специально прорезанные в щеках около рта. Однако эскимосские коллекции лабреток уступают алеутским по частоте встречаемости и разнообразию. Создается впечатление, что традиция лабреток зародилась в алеутской среде, а эскимосы заимствовали ее у алеутов довольно поздно. Об этом можно судить по отсутствию лабреток в древних эскимосских культурах Аляски и Чукотки.

Приход эскимосов из Аляски на Чукотку, по мнению Н.Н. Дикова (1969, с. 212), происходил двумя волнами: в середине I тыс. до н.э. и во II тыс. н.э. На Чукотке эскимосы вступили в контакт с коряками и чукчами, вследствие чего произошло взаимное обогащение материальной культуры, языковое заимствование и метисация (особенно четко проявившаяся у береговых чукчей).

Контакт эскимосов с коряками и чукчами был длительным и глубоким, о чем свидетельствуют многие лексические сходжения. Но мы выбрали два, которые своей парадоксальностью дают пищу для размышлений (табл. 3).

Таблица 3

Лексические сходжения эскимосов с коряками и чукчами

Язык	«Письмо, грамота»	«Росомаха»
Гренландских эскимосов	<i>калигах'</i>	<i>к'афсик</i>
Алеутский	<i>каликах'</i>	<i>к'ээй</i>
Корякский	<i>каликал</i>	<i>к'эпер</i>
Чукотский	<i>кэликсэл</i>	<i>к'алаан'а (керекский)</i>
Ительменский	<i>каликал</i>	

Сходное слово со значением «письмо, грамота, пакет» имеется и в языках индейских племен *помо* и *хайда* (Меновщиков Г.А., 1968). Неясно, откуда в палеоазиатских языках появилось столь позднее культурное слово, обозначающее письмо (не письменность). Если в ительменском языке это слово можно считать корякским заимствованием, то появление его в языке гренландских эскимосов, которые никогда не были соседями коряков, объяснить трудно. Но появление сходного термина *письмо, грамота* у всех указанных групп населения несколько необычно, учитывая давнее их разделение. Что касается росوماхи, то в Гренландии она не водится, это типично таежные обитатели, которые могут заходить и в лесотундру. Появление этого слова в языке гренландских эскимосов можно объяснить их былым проживанием в лесной зоне американского материка.

Алеуты. Довольно давно сложилось мнение о том, что эскимосы и алеуты в прошлом были единым народом, который от ученых получил искусственное название эскоалеуты (Файнберг Л.А., 1980). Большинство исследователей склоняются к мысли, что эскоалеуты — это выходцы из Азии, но одни считают, что это была тихоокеанская часть Азии, другие выводят эскоалеутов из глубинных районов Сибири, увязывая их с юкагирами.

Н.Н. Диков (1979) подробно рассмотрел эскоалеутскую проблему, решение которой, по его представлению, связано с возникновением морского зверобойного промысла. Он приводит точки зрения разных исследователей о времени и месте распада эскоалеутской общности:

- в IV—III тыс. до н.э. на юго-западе Аляски (Диков Н.Н., 1979, с. 163);
- не ранее середины II тыс. до н.э. (С.А. Арутюнов, Д.А. Сергеев);
- ранее, чем 4000 лет назад (Г.А. Меновщиков, Р.С. Васильевский);
- 6000—4000 лет до н.э. (Д. Дюмонд);
- примерно 10 тыс. лет на Камчатке слой VI памятника Ушки I уже принадлежит алеутам (Диков Н.Н., 1979);
- 2600—1000 лет назад (М. Свадеш);
- последние века до новой эры: берингоморская культура; развитый этап III—V вв. н.э. (Руденко С.И., 1947);
- 8000—1000 лет назад произошло обособление алеутской и эскимосской культур (Васильевский Р.С., 1973а, с. 124).

Нельзя исключить и мнения ряда ученых, что эскоалеутского единства не было, что оба народа имеют различные исходные популяции.

Алеуты, пожалуй, единственное неительменское племя, пребывание которого на Камчатке в далеком прошлом наиболее вероятно. При раскопках неолитических стоянок Камчатки найдены артефакты, указывающие на связь с населением Алеутских островов, – фигурные скребки, ножи, продолговатые острообушные тесла, а также лабретки, аналогичные алеутским. Эти специфические нагубные украшения эскимосов и алеутов Н.Н. Диков (1969, с. 209) находил в долине р. Камчатка на Застойчике и на Ушковском озере (рис. 32) в культурах развитого неолита. По мнению Н.Н. Дикова, обычай украшать себя лабретками пришел на Камчатку с юга еще до появления на Чукотке и в американской Арктике эскимосского комплекса культуры. С Камчатки он был перенесен по Алеутским островам предками алеутов в Северную Америку, где и был заимствован эскимосами Аляски, но не дальше р. Макензи. Лабреточные шпильки американские археологи нашли в культуре Харис на Аляске (начало I тыс. до н.э.) Лабретки были найдены и в ипиутакских могилах и землянках на мысе Хоп (конец I до н.э. – I тыс. н.э.). Следовательно, предки алеутов некогда проживали на Камчатке, откуда по островам перешли в Северную Америку. В связи с этим отметим, что алеутские жилища четырехугольной формы с закругленными углами напоминают жилище поселения Култука (см. рис. 27) на Камчатке.

Итак, с Камчатки алеуты мигрировали через Командорские острова на Алеутские. Далее они достигли острова Кадьяк (Васильевский Р.С., 1971, с. 179). Если учесть, что на Камчатке до сих пор не выявлены следы пребывания эскимосов, нельзя ли слою VI и V стоянки Ушки I считать чисто алеутскими? В таком случае эскоалеутская общность представляется фикцией.

И все же некоторые авторы предполагают давнее эскоалеутское родство по сходству материальной культуры (морская охота, кожаные лодки, меховая одежда и пр.), но физический тип древних эскимосов и алеутов различный (Токарева Т.Я., 1937). Черепа алеутов имеют средний размер, незначительную высоту. Лоб наклонный, со среднеразвитым надбровьем и хорошо развитой глабеллой. Форма

головы брахикранная с пентагональными очертаниями. Объем черепа большой. Ширина лица достаточно большая, высота его на границе высокого и среднего. Лицо плоское, по указателю ширины среднеширокое, мезогнатное. Высота орбит выше средней. Внешне алеуты – люди среднего роста, цвет их кожи смуглый, глаза темные, волосы черные, жестковатые. Растительность на лице почти отсутствует. Нос невысокий и слегка сплюснутый, переносье низкое, скулы выдающиеся.

Рис. 32. Лабретки с Камчатки (Диков Н.Н., 1969)

У эскимосов довольно высокий череп, отмечается значительная длинноголовость при широком лице. Нос исключительно узкий. Т.Я. Токарева (1937, с. 63) считала, что эскимосские черепа резко отличаются от среднего алеутского черепа.

Алеуты

Терминологию, связанную с проживанием на побережье и занятиями морским зверобойным промыслом, эскимосы и алеуты разрабатывали самостоятельно, независимо друг от друга.

Родство эскимосских и алеутских языков не столь явное, как принято считать. Их сближает общность ряда структурных признаков, определяющих модель слова (начало, середина и конец слова, типы слогов, типы сочетания согласных, субъектно-объектное строение глагола, категории числа и т.д.). Но различия фономорфологические и особенно лексические очень велики. Так, из сравненных 1000 алеутских и эскимосских слов только 30 имеют общие корни. Возможно, все сводится к обычным заимствованиям. Родство алеутского и эскимосского языков (как и их носителей) представляется гипотетическим. В лучшем случае оно уходит в большую древность. Р.С. Васильевский (1973а, с. 124) сформулировал близкую этому предположению идею так: *«Различия между древнейшими пластами алеутской культуры и теми комплексами*

которые предполагаются исходными для эскимосов... столь велики, что прямая связь между ними очень сомнительна. Имеющиеся археологические факты значительно углубляют время обособления алеутской и эскимосской культур, отодвигая его предел за 8000 или 10000 лет». И могло такое обособление произойти еще до переселения их в Америку (с. 210).

Алеутские диалекты, особенно кадыякский, в чем-то близки языку сидячих коряков, но они имеют существенные различия между собой. Различаются диалекты алеутов острова Кадыяк, с одной стороны, и алеутов с островов Андреяновских и Лисьих – с другой. В табл. 4 приведены примеры сходства и различия алеутских диалектов, взятые из словаря, составленного Ребеком.

Таблица 4
Сопоставительный словарь алеутских диалектов

Русские слова	Диалекты алеутов островов		
	Андреяновских	Лисьих	Кадыяк
Отец	<i>аддан</i>	<i>атан</i>	<i>атага</i>
Мать	<i>аннан</i>	<i>анаан</i>	<i>анага</i>
Дочь	<i>асхинун</i>	<i>аскин</i>	<i>паняга</i>
Муж	<i>угин</i>	<i>угин</i>	<i>нугелпях</i>
Жена	<i>аиягга</i>	<i>аияган</i>	<i>аганак</i>
Голова	<i>камзык</i>	<i>камга</i>	<i>наскок</i>
Бровь	<i>камик</i>	<i>камыш</i>	<i>каблут</i>
Ухо	<i>туттутушик</i>	<i>тотусак</i>	<i>чудик</i>
Волосы	<i>имлиш</i>	<i>эмлак</i>	<i>нут</i>
Рот	<i>агылзык</i>	<i>агылга</i>	<i>ханык</i>
Человек	<i>таягук</i>	<i>таиох</i>	<i>есук</i>

По ряду признаков алеуты связываются с южными островными культурами. Об этом отчасти свидетельствует традиция лабреточных украшений. Источник этих традиций находится в южных областях. Именно островные племена южной части Тихого океана украшали свои лица различного рода вставками и проколами. Такие украшения найдены на древних поселениях некоторых Курильских островов (Шумшу, Уруп, Парамушир), на Северном Хоккайдо (стоянка Мойоро) и на других японских островах в памятниках Средний Дзэмон (неолит). Лабреточные украшения алеутов имеют южное происхождение. Курилы и Камчатка были путями проникновения

носителей лабреточной традиции в Северную Америку, где их заимствовали и эскимосы (Васильевский, 1973а).

Между памятниками острова Анангула (8 700–7 800 лет) и поселением Чалука на острове Умнак (3 700–3 500 лет назад) имеется преемственность. Это позволяет определить время заселения островов алеутами и предполагать более раннее их появление на Камчатке, что зафиксировано слоем V поселения Ушки I (8 790 ± 150 тыс. лет назад).

Чукчи и коряки. Генетическое единство чукчей и коряков никем не оспаривается (Вдовин И.С., 1961). Однако языковые соотношения их не так просты и свидетельствуют о неких процессах, не достаточно ясных. Дело в том, что отдельные группы коряков и чукчей сближает не родство, а хозяйственный уклад и лексика. Например, многие слова оленных (кочующих) чукчей близки словам оленных коряков. Языки оленных и сидячих чукчей заметно различаются между собой, но у сидячих чукчей немало сходжений с языком кадыкских алеутов. В книге Г. Сарычева (1811) приведены (табл. 5) некоторые сходжения.

Таблица 5
Сходство и различие лексики палеоазиатов

Русские слова	Алеуты с острова Кадык	Чукчи		Коряки оленные
		сидячие	кочующие	
Отец	<i>атага</i>	<i>атака</i>	<i>илигин</i>	<i>емтиг</i>
Мать	<i>анага</i>	<i>анак</i>	<i>илия</i>	<i>елла</i>
Дочь	<i>ланигага</i>	<i>лонника</i>	<i>нейвекук</i>	<i>нговакык</i>
Муж	<i>омига</i>	<i>уйка</i>	<i>ояхучь</i>	<i>оохучь</i>
Жена	<i>нулига</i>	<i>нултыак</i>	<i>неуэган</i>	<i>неван</i>
Голова	<i>наскук</i>	<i>наскок</i>	<i>леут</i>	<i>леут</i>
Бровь	<i>каблут</i>	<i>хаблут</i>	<i>риллут</i>	<i>летчевиго</i>
Ухо	<i>чеддек</i>	<i>чувтуху</i>	<i>вилют</i>	<i>лебут</i>
Волосы	<i>нует</i>	<i>нюет</i>	<i>кырыт</i>	<i>китчуай</i>
Рот	<i>каннак</i>	<i>кандак</i>	<i>гикиргин</i>	<i>гыкырген</i>
Человек	<i>сук</i>	<i>юк</i>	<i>хлаул</i>	<i>оемтивелан</i>

Но алеуты и сидячие (береговые) чукчи нигде не могли контактировать. Поэтому, очевидно, прав Г.А. Меновщиков (1959, с. 14) в своем утверждении, что Г. Сарычев ошибался, причислив сидячих чукчей именно к чукчам. В действительности же это были эскимосы.

Такую же ошибку совершил и казак Семен Дежнев в своей «скаске» (отчете) якутскому воеводе в 1655 г.: «...а против того носу (Чукотского полуострова. – А.М.) два острова (Ратманова и Крузенштерна. – А.М.), а на тех островах живут чухчи, а врезываны у них зубы, прорезываны губы, кость рыбей зуб» (Меновщиков Г.А., 1959, с. 12). В те времена русские не различали эскимосов и чукчей. Так, геодезисту М. Гвоздеву в 1732 г. жители острова Ратманова, эскимосы по языку, говорили, что они чукчи зубатые (с лабретками).

Где могли контактировать алеуты и коряки, носители алюторского диалекта? Эти группы населения, ныне территориально разобщенные, также имеют лексические сходжения:

Алеутский язык

alak 'нет, не имеется'
aklliq 'опасность; то, что угрожает'
angan 'дух'
kalikaq 'письмо, бумага'
kala 'дно сосуда'
kilikdag 'пуп'
cuguq 'песок'
taga! 'ну, берись!'

Язык алюторских коряков

алла 'тж'
акальын 'враг, противник'
анан 'божество, дух'
каликал 'тж'
калтыкал 'тж'
кийкал 'тж'
сдэй 'тж'
тугуг 'берись, начали!'

Чем объясняется близость лексики оленных племен – чукчей и коряков? Если бы эти сходные слова имели оленеводческую тематику, можно было бы считать их культурным заимствованием. Но близки слова базовой лексики. Или они еще в относительно недавнее время представляли единую популяцию, которая разделилась на две, поименованные по-разному?

Проявляется не только языковое сходство оленных (кочующих) чукчей и оленных коряков, но и физическое (Левин В.Г., 1958, с. 207). При этом оленные чукчи от сидячих родственников антропологически отличаются больше, чем от оленных коряков. У оленных чукчей явно проявляются признаки байкальского антропологического типа, практически не отмеченные у сидячих. Кочующие чукчи отличаются более высоким процентом мягких волос, еще более слабым ростом бороды, усилением эпикантуса и складки верхнего века. Переносье более низкое, нос выступает слабее. Реже встречаются выпуклые и извилистые спинки носа. Волосы и кожа несколько депигментированы. По мнению М.Г. Левина (с. 208), в состав оленных

групп (коряков и чукчей) вошли одни и те же антропологические компоненты. Но когда и где эти компоненты стали коряками и чукчами? С другой стороны, пенжинские береговые коряки ближе к береговым чукчам, чем другие корякские группы. Примесь байкальского типа у береговых коряков не просматривается. Среди оленных чукчей выявлен компонент, не отмеченный ни у эскимосов, ни у коряков и вообще нехарактерный как для эскимосского, так и для байкальского типов. Этот компонент характеризуется низким лицом, более прямым лбом со слабо развитым надбровьем. Показательно своеобразное строение носа: ноздри имеют поперечное

Коряк (камчатальский антропологический тип)

расположение, крылья носа резко очерчены бороздами. Происхождение компонента неясно. Г.Ф. Дебец под названием «камчатский» включил его в состав арктической группы наравне с берингоморским (эскимосским) и др. Однако известные арктические группы Северо-Востока не имеют таких своеобразных признаков. И вряд ли можно считать удачным название «камчатский».

Береговых коряков и ительменов сближает единственный признак: большая величина челюстного диаметра, что со сравнительно узким лицом ко-

ряков обеспечивает очень высокий скуло-челюстный указатель (82–83). Такая особенность характерна для коряков западного берега Камчатки и ительменов. По-видимому, эти группы населения физически родственны: часть ительменов была ассимилирована береговыми коряками, переняла их язык, но сохранила свой физический тип.

Очевидно, изначально близкородственные народы Северо-Востока Азии (чукчи и коряки) сформировали свои языковые различия и антропологические особенности в ходе очень сложных этногенетических процессов, нюансы которых до сих пор не выяснены. По этому поводу вопросов остается больше, чем ответов.

Р.С. Васильевский (1971, с. 200) считает, что формирование палеоазиатов (коряков и чукчей) происходило на азиатском побережье

Тихого океана на основе внутриконтинентальных традиций неолитических охотников. Развитие древнекорякской культуры в первые века до новой эры и в первые века новой эры привело к формированию культуры, специализирующейся на морском зверобойном промысле. По мнению указанного исследователя, эта культура отличается от эскимосской и очень близка охотской культуре Курильских островов, Сахалина и северной части острова Хоккайдо.

Если предки чукчей и коряков (носители древнекорякской культуры) как-то связаны с островными культурами, то это не исключает участие в их формировании внутриконтинентальных популяций. У оленных чукчей и оленных коряков (в меньшей степени) выявляются черты, свойственные байкальскому типу (некоторая депигментация, относительно мягкие волосы). По-видимому, поток прибрежных мигрантов подпитывался населением из Прибайкалья. Правда, не вполне ясно, где эти потоки слились – в северной части материкового побережья Охотского моря или в Нижнем Приамурье. Или же приход их на это побережье был разновременным? Поселения на полуострове Пягина содержат керамику с ложнотекстильным орнаментом, что свойственно керамике племен с р. Лены. А на поселении Атарган найдены сосуды с новациями – налепными валиками с насечками, сложным венчиком. Подобным способом украшали свою посуду жители Якутии в ранний железный век, в первое тысячелетие новой эры (Васильевский Р.С., 1961, с. 325).

Вот так – противоречиво и неоднозначно – выглядит история палеоазиатов Северо-Востока. Но в истории эскимосов и алеутов, коряков и чукчей не нашлось места ительменам. Складывается впечатление, что эти события происходили в стороне от ительменов, вне их ареала.

Юкагиры. Вряд ли еще найдется сибирская народность, о происхождении которой столько бы писали, не приближаясь к истине. Неоднократно пытались включить юкагиров в финно-угорскую группу, правда, делая это на уровне интуиции. Ни антропологические данные, ни этнографические исследования не приблизили решение этой проблемы. Изучение лексики, грамматических особенностей языка также не пролили свет на эту этногенетическую проблему. Единственное, в чем сходятся большинство исследователей, – это признание за юкагирами большой древности. Мы подойдем

к решению вопроса о происхождении юкагиров с нестандартных позиций и предложим свою версию в свете проблемы сихиртя. В этой связи нас интересуют два аспекта:

1) юкагиры как возможные носители ымыяхтахской культуры, влияние которой распространилось до Скандинавии, могли принять участие и в формировании сихиртя;

2) юкагиры как возможные носители древнего финно-угорского языка на восточном фланге его ареала могли быть связующим звеном между ительменами на востоке и сихиртя на западе.

Но прежде об антропологическом типе юкагиров.

Среди сибирских монголоидов выделена малая байкальская раса, в состав которой включают и юкагиров. И.М. Золотарева (1968, с. 175–176), специально изучавшая антропологию юкагиров, писала по этому поводу: *«Юкагиры...относятся к байкальской общности северосибирских антропологических типов и характеризуются следующими основными чертами: длиной тела ниже средней, умеренно большими диаметрами головы, мезокефальной по указателю, умеренной высотой и шириной лица, большой степенью уплощенности лицевого скелета в целом и носовой области в частности, сильной степенью развития эпикантуса и складки века, высокой кожной губой и ниже среднего толщиной губ, умеренно темной пигментацией волос и глаз»*. Вместе с юкагирами в байкальскую расу входят ламуты (эвены), большинство эвенков, ульчей, а также негидальцы, ороки и, возможно, долганы.

Если судить по названию, байкальская раса должна иметь корни в более раннем населении Прибайкалья. Каким оно было в расовом отношении?

Палеоантропологические материалы по населению Прибайкалья в неолите дают на это более или менее определенный ответ. Первое, что отмечается, это относительное однообразие физических типов населения. Различий между ними меньше, чем отмечаемых ныне для монголоидных групп Азии. Люди того времени имели более выступающий нос. По степени выступания носа прибайкальское население в неолите превосходило все современные группы монголоидов, но более всего они отличались от типа, который антропологи называют байкальским. Отмечена некоторая тенденция к уменьшению высоты лица и орбит. Уплощенность лица хотя и значительная,

но все же не крайняя. Углы горизонтальной профилировки меньше, чем у бурят и якутов. По вертикальной профилировке лица прибайкальские неолитические черепа более прогнатны, чем тюрко-монгольские и тунгусо-маньчжурские, но не в такой степени, как эскимосские и палеоазиатские. По этому показателю неолитические черепа ближе всего стоят к угро-самодийским (Дебец Г.Ф., 1951). Этот тип неолитического населения Прибайкалья не находит себе аналогов у монголоидов Сибири, наибольшее сходство отмечается с уральской расой, особенно с ненцами. Самые далекие от этого типа тунгусо-маньчжурские группы – эвенки, эвены, удэге, ороки, орочи и др. Однако нам представляется, что исключительная смешанность современных юкагиров с эвенами, эвенками и якутами стирает их прежний физический тип, затрудняя выявление его принципиальных признаков. В этом отношении странным представляется разрыв их с тунгусо-маньчжурами и близость с уральцами.

Юкагиры; снимки XIX в. (Туголуков В.А., 1979)

Отмечаемые по многим параметрам различия неолитического населения от представителей байкальской расы, в том числе и юкагиров, свидетельствуют об отсутствии генетической связи носителей байкальского расового типа, с одной стороны, и неолитических культур Прибайкалья – с другой. Байкальская раса вместе с центральноазиатской образует континентальную ветвь монголоидов. Эта ветвь очень давно уклонилась вглубь материка от южного

(аустрического) маршрута ранних мигрантов. Генетически участники этого маршрута напрямую не связаны с северной (бореальной) популяцией низколиких монголоидов. Следовательно, юкагиры как представители континентальной ветви монголоидов для сибиряков являются пришельцами. Возможно, что юкагиры являются авангардом центральноазиатских монголоидов, которые первыми преодолели горы Южной Сибири и начали освоение новых территорий. И.С. Вдовин (1972) указал, что юкагиры на Северо-Востоке являются недавними насельниками: туда их оттеснили тунгусы, на которых, в свою очередь, с юга давили якуты (XIII–XIV вв. н.э.). Правда, С.А. Арутюнов и др. (1972) считали, что юкагиры в далеком прошлом заселяли глубинные части Чукотки. Это могло бы служить указанием на приход юкагиров в Сибирь с востока. Нам представляется более вероятным путь юкагиров в Сибирь с юга, т.е. из бассейна р. Амур в Забайкалье.

Когда юкагиры прибыли в Сибирь, нам неизвестно, поскольку современных юкагиров крайне трудно идентифицировать с носителями каких-либо древних археологических культур. Чаще всего их связывают с ымыяхтахцами (II тыс. до н.э.). Но сами носители ымыяхтахской культуры вышли из неолита Восточной Сибири, который, в свою очередь, имеет корни в верхнем палеолите этого региона. Следовательно, юкагиров можно было бы считать потомками первых насельников Восточной Сибири, носителей афонтовско-малтинской культуры. Однако насельники бассейна Лены эпохи бронзы, синхронные ымыяхтахцам, имеют иной физический тип (памятники Букачаны, Туой-Хая), о чем уже говорилось (см. гл. 2).

В прошлом юкагиры исходили всю Сибирь. Об этом можно судить по их языковым связям, достаточно убедительно восстановленным Е.А. Крейновичем (1958). Исследователь выявил языковые контакты юкагиров с тюрками Алтае-Саян, монголами, чукчами, коряками, эвенками, якутами, ненцами, селькупам, камасинцами, коттами, русскими. Любопытны некоторые лексические сходства с языками алтайской семьи:

- юкаг. *хуто* ‘дитя’ – яп. *хитó* ‘человек’, ороч. *хитэ* ‘ребенок’;
- юкаг. *шарамо* ‘человек’ – кор. *сарама* ‘человек’.

Е.А. Крейнович (1958, с. 3 и др.) в обзоре точек зрения на генетические связи юкагирского языка с другими языками приводит версии ряда исследователей.

В.И. Иохельсон был уверен, что юкагирский язык не имеет ничего общего с урало-алтайскими языками. По его мнению, внутреннее и внешнее развитие юкагирского языка совершенно отлично от указанных языков. Но, с другой стороны, им отмечается какое-то родство с индейскими Северной Америки на основе сходного процесса слияния. Однако в его исследовании имеется немало достаточно авторитетных заявлений о финно-угорской принадлежности предков юкагиров.

Х. Паасонен в 1907 г. отметил близость показателей генитива (предложение, в котором главный член выражен родительным падежом имени существительного) и аблятива (отложительный падеж) в юкагирском и финно-угорских языках. Отмечены также некоторые лексические соответствия. Очень показательна близость юкагирского (колымский диалект) *н'ориль* 'болото' (Курилов Г.Н., 1990) и коми *нюр*, *норым*, удм. *нюр*, манс. *няр*, хант. *нь'орым*, сельк. *няр*, *няры*, нган. *п'егу* с тем же значением. Однако нельзя обойти вниманием балт. *pāgas* 'место, где очень грязно' и тунгусо-маньчжурские: эвенк. *н'арут*, эвен. *н'арика* 'болото, топь, трясина', удэге **н'ару* 'болото, марь', нан. *ниарб'у*, маньчж. *н'ари* 'топь, трясина'.

И.С. Гурвич и Ю.Б. Симченко (1980, с. 151) считали, что *«...юкагиры сложились на древней уральской основе, эволюционировавшей вследствие поступательного развития производительных сил и производственных отношений в специфических условиях севера Восточной Сибири»*.

Шведский ученый Б. Коллиндер (1940) писал: *«...можно себе представить, что предки юкагиров составляли первую уральскую волну переселенцев, которая постепенно передвинулась через Урал на восток»* (Крейнович Е.А., 1958, с. 6).

Но финн И. Ангере (1957) категорически заявил, что юкагирский язык не может быть отнесен к уральским. Е.А. Крейнович также считал, что близость юкагирского к урало-алтайским языкам – это следствие не родства их, а контактов¹. Он также обратил внимание, с какой легкостью юкагирский язык способен терять свои исконные слова и заменять их заимствованиями. В связи с этим возникает вопрос, сколь реальна надежда найти в юкагирском языке нетронутый

¹ Позднее, в 1980-х гг., Е.А. Крейнович склонился в пользу родства юкагирского, финно-угорских и самодийских языков.

древнейший пласт? Е.А. Крейнович (1958, с. 254) считал, что положительно ответить на этот вопрос трудно.

Для иллюстрации приведем несколько разноязычных схождений (Крейнович Е.А., 1958):

юкаг. *ага* 'рот' – сельк. *аг* 'тж';

юкаг. *хагиз(л)* 'охотник' – сельк. *хан'э(с)* 'тж';

юкаг. *сал* 'дерево' – алт. *сал* 'плот';

юкаг. *орд'е* 'середина' (якутское заимствование? – А.М.) – як. *орто* 'тж';

юкаг. *ал* 'низ' – як. *алын* 'тж';

юкаг. *баттал* 'притеснять' – як. *баттаа* 'тж';

юкаг. *qajсар* 'лыжи' – як. *хајсар* 'тж';

юкаг. *ама* 'отец' – эвен. *аман* 'тж';

юкаг. *ака* 'старший брат' – эвен. *акан* 'тж';

юкаг. *чуго* 'путь' – эвен. *д'уг* 'тж';

юкаг. *лалимэп* 'нарта' – эвен. *нолима* 'тж';

юкаг. *мурэ* 'обувь' – эвен. *мурун* 'тж'.

А.П. Дульзон (1964), обращая внимание на апеллятив *дон* в юкагирских гидронимах (Коркодон, Дондон и др.), предполагал давние контакты юкагиров с иранцами в Присяянье. В действительности же такой «топоформант» создан русской адаптацией из *д* – соединительный знак при образовании сложных слов и *эну* – апеллятив 'река' (Корко+д+эну 'коряков река').

Несхожесть числительных в разных языках некоторых народов Сибири и Камчатки иллюстрируется табл. 6.

Несомненно, юкагиры и их стунгушенные соплеменники принимали участие в сложении нганасан Таймыра (Долгих Б.О., 1952; Симченко Ю.Б., 1968). Возможно, что в Заполярье юкагиры заходили в левобережье Енисея. Но вряд ли был прав Ю.Б. Симченко (1968, с. 212), утверждая, что юкагиры в древности доходили до Кольского полуострова.

Разноречивость суждений о происхождении юкагиров сводится к двум версиям: 1) юкагиры – это выходцы из алтайской языковой семьи (тюрки, монголы, тунгусо-маньчжуры, японцы, корейцы) и 2) юкагиры сформировались в Восточной Сибири на базе первых западных мигрантов (афонтовско-мальтинская культура). Нам им-

понирует первая версия, сформулированная Б. Коллиндером, И.С. Гурвичем, Ю.Б. Симченко (см. выше), но интуитивно и она вызывает протест.

Таблица 6
Числительные угров, юкагиров и ительменов

	Манси*	Ханты**	Юкагиры***	Ительмены	
				****	*****
1	aka, ak	су(х)/it	моркон'	дизк	кпиц
2	kit, kitiy	кяткен/katn	кујон'	касх	касх
3	xurum	колам/hel'um	јалон'	чоук,	ч'ок
4	ñila	нелле/nal	јалаклан'	чак, чаак	ч'аак
5	at	веет/vet	имдал'д'ан	кугульнук	
6	xot	куут/het	малайлан'	кэлыкит	
7	sāt	явет/тары	тускиоан'	итаатук, этуктунук	
8	ñololow	няйлок/nivyl	маялајлаклан'	чукутук, чооктунук	
9	ontolow	ийрян/jartarj	валган'умкруон'	чаактак, чаактанак	

Примечания: * Основы финно-угорского... (1976); ** хант П.М. Милимов, с. Озерное, (1974), В.К. Штейниц (1937, латынь); *** Е.А. Крейнович (1968); **** Б. Дыбовский (1998, запись 1883 г.); ***** С.Н. Стебницкий (1934) и А.П. Володин, А.Н. Жукова (1968).

Заселение Камчатки и происхождение ительменов. Известный археологический материал не позволяет нарисовать полную и достоверную картину заселения полуострова Камчатки с древнейших времен. Можно наметить лишь общие события этого сложного процесса.

Несомненно, археологический памятник Ушки I, по слою VII которого получена радиоуглеродная дата ($14\,300 \pm 200$ лет назад), не отражает времени первого появления человека разумного на камчатской земле. В те времена, в эпоху последнего оледенения, уровень Мирового океана был ниже современного, по данным различных исследователей, на 80–160 м (Эндрюс Дж., 1982, с. 255). Население Камчатки, как обычно, занимало долины нижнего течения рек

и приморские равнины. Ныне эти участки находятся под водой. По этой причине поиски Н.Н. Диковым в 1964 г. следов обитания человека на Командорских островах были бесплодными (Диков Н.Н., 1979, с. 111). Примерно 15–18 тыс. лет назад, в максимум похолодания, острова Беринга и Медный представляли собой единый остров, а окраины Камчатского полуострова – обширные низменные равнины. Наверное, эти равнины были освоены первыми насельниками, морепродукты в рационе которых занимали ведущее место. Но следы их пребывания находятся на дне морском.

Ранние мигранты (слой VII памятника Ушки I) пришли южным (аустрическим) путем – от Восточного Околосредиземноморья по берегу Индийского океана, далее на север по азиатскому побережью Тихого. Именно из этой популяции в разное время и в разных местах выкристаллизовались малайцы и полинезийцы, китайцы, тунгусо-маньчжуры, монголы, тюрки, аборигены Америки (см. т. I монографии «Древние народы Сибири». Томск, 1999). На Северо-Востоке это были предки индейцев Америки.

Следующая волна мигрантов оставила на поселении Ушки I слои VI и V (12–9 тыс. лет назад). Это были, очевидно, предки алеутов.

Примерно 5 тыс. лет назад контингент мигрантов на Камчатке сменился: вторая их волна пришла из южных районов Сибири. Из Окобайкаля на северо-восток мигрировала некая группа потомков палеолитического населения, первых насельников Сибири, носителей афонтовско-мальтинской культуры. Это были рыболовы и пешие охотники, которые еще не знали керамической посуды. Слой позднего неолита стоянки Ушки I отчетливо фиксирует культуру рыболовов и их идеологию. В землянке приносились жертвы боже-ству – покровителю рыболовов, очевидно, весьма сходному с ительменским Хантаем. В особой яме обнаружены куски дерева и бересты – остатки изображения этого божества в виде рыбы, а также следы жертвенного костра (Диков Н.Н., 1964).

Ительмены никогда не изготавливали керамическую посуду. Это свидетельствует о том, что их потомки оторвались от популяции рыболовов Сибири еще в докерамический период их истории. Поэтому было бы ошибочно считать ительменов прямыми потомками

носителей ымыяхтахской культуры (II тыс. до н.э.). Тем не менее, ительмены и ымыяхтахцы представляются родственниками – как, соответственно, старшие и младшие братья. И те, и другие вышли из лона культур южной части Восточной Сибири. Нам импонирует заключение С.И. Руденко (1948, с. 167) о том, что: «...археологический комплекс, характерный для предков ительменов, не обнаруживает сходства ни с неолитическими культурами южного островного мира, ни с древними культурами Берингова моря и генетически связан с континентальной Сибирью, предположительно с неолитом Лены и Прибайкалья».

В разрезе памятника Ушки I приход предков ительменов фиксируется слоем III, возраст которого примерно 3 тыс. лет (Диков Н.Н., 1977а).

Имеются ли доказательства генетической связи ительменов с племенами Сибири? Их очень немного, и не все они в равной мере убедительны.

1. Ительмены считали своим богом-родоначальником Кътху¹. С.П. Крашенинников (1755, с. 138) приводит другие (диалектные) варианты его имени: северные ительмены – *кут*, южные – *кутхай*, ительмены от Воровской реки до р. Тигиль – *кутха*. Зооморфная ипостась Кутха – ворон (у В.Н. Тюшова – черная ворона). Да и свое название божество получило от вороны: единственный вид ее на полуострове так и назывался – *кутха* (Тюшов В.Н., 1906, с. 245).

По представлениям ительменов, этот бог, живший на небе, сотворил землю из своего сына Сымскалина. По другой версии, Кутх (Кутху) с сестрой Хутлыжичь перенесли землю с неба. После сотворения земли Кутх покинул небо и стал жить на Камчатке, а потом отбыл неизвестно куда (Крашенинников С.П., 1948, с. 194). Кутха ительмены отождествляли с вороном, хотя в их сказках он никогда не превращается в эту птицу. Он известен также мифологиям коряков (под именем Куйкыиняку), чукчей (Куркыль) и, отчасти, эскимосов. В мифологии североамериканских индейцев тлинкитов также имеется аналогичный персонаж – Иель, Канук.

¹ У С.П. Крашенинникова (1948) имя не склоняется, у В.Н. Тюшова (1906) и Е.П. Орловой (1975) оно дано в склоняемой форме Кутх.

Кутх в сказках ительменов предстает в двух ипостасях – демиурга и трикстера (плут, обманщик). С одной стороны, это создатель мира и родоначальник ительменов, с другой – это обжора, лентяй, любитель поживиться за чужой счет. Ительмены своего родоначальника не чтили. Они себе не представляли никого глупее, чем Кутх, делали его предметом постоянных насмешек, шуток и рассказывали про него такие непристойности, о которых и писать «*гнушно*» (Крашенинников, 1948, с. 407). Ительмены считают, что именно Кутх создал для них столько житейских неудобств – гор и обрывов, стремнин на реках, дождей и бурь, *«поэтому камчадалы постоянно осыпают Кутха всяческой бранью и когда поднимаются зимой в гору, и когда спускаются с них, и вообще, в любую погоду»* (Крашенинников С.П., 1948, с. 195). Г.А. Меновщиков (1976, с. 20, 21) писал по поводу происхождения этого божества: *«Лингвистический анализ личного имени палеоазиатского сказочного ворона приводит нас к ительменскому источнику, где основа – кутх – является производной. Указанный признак, а также наибольшая частотность мифов и сказок с именем Кутха именно в ительменском фольклоре являются свидетельством того, что древнейшим центром распространения однотипного в сюжетном отношении и жанровом отношении вороньего цикла о Кутхе мог быть ительменский регион»*. Следовательно, изначально образ Кутха зародился в среде ительменов, от которых соседние с ним народы заимствовали только образ, но не название.

Нет ли аналогов ворону-Кутхе в мифологии или фольклоре сибирских народов?

В «Кратком описании о народе остяцком» Григория Новицкого имеются сведения про «мунгальского владычествующего законоучителя и законодателя Кутухту». Обратить на себя внимание заставило созвучие имен ительменского Кутха и «мунгальского» Кутухту. Г. Новицкий (1941) характеризует его как уважаемого калмацким, китайским и индийским родами волхователя и кудесника. Если исключить случайное сходство имен, то ительменский (по употреблению) Кутх ведет свое происхождение с юго-запада. Может быть, Кутх/Кутухта – это доламаистский демиург аборигенов Околобайкалья, сохранившийся ламаистами-бурятами? Но в шаманистском культе нынешней Бурятии нет такого персонажа (Петри Б.Э., 1928;

Ламаизм..., 1983). Однако в Северной Монголии существовали общепринятые церкви со своими «живыми богами» – *хутухтами* и *хубилганами* (Ламаизм..., 1983, с. 18). Упоминается монастырь Чжалханза хутухты – ургинский хутухта. Неясно, институт *ку-тухт/хутухт* есть порождение самой ламаистской (буддистской) религии (VIII в. н.э.) или же является добуддистским реликтом. Любопытно, что С.П. Крашенинников (1948, с. 159) считал местом прежнего обитания камчадалов земли за Амуром и в Монголии, где прежде с монголами они составляли один народ. Поэтому С.П. Крашенинников (1775, с. 14) сравнивал ительменов с «мунгалами» (см. выше).

Остается только добавить, что в касситской мифологии древней Передней Азии фигурировал Хутха – бог грозы, эпитетами которого были Убрияш и Бурияш ‘владыка? земли’ (Мифология..., 1998, с. 599). Думается, что эти три персонажа из разных религий объединяет только схожесть имен.

Похоже, что ительменский культ Кутха является очень древним и корнями своими связан с мировоззренческими парадигмами неолитического населения. Правда, есть и противоположная точка зрения на эту проблему: своего тотема-прародителя ворона-Кутху ительмены заимствовали у других палеоазиатов – чукчей и коряков. По мнению Е.П. Орловой (1975), это подтверждается пренебрежительным отношением ительменов к этому божеству. Нам представляется, что первая версия ближе к действительности. Факт заимствования коряками, чукчами и эскимосами культа ворона-Кутхи позволяет предполагать, что ительмены не родственны дальневосточным аборигенам.

По-иному ительмены относились к другому своему божеству – Дустехтичу (рис. 33), в честь которого они ставили на ровных

Рис. 33. Добрый бог ительменов (Слюнин Д.В., 1900; по работе Г. Стеллера)

местах столб, обвязанный тоншичем (осокой). Проходя мимо такого столба, ительмены всегда бросали кусочки пищи в жертву и никогда не собирали около того места ягоды и не охотились. Е.П. Орлова (1975, с. 128) считала, что культ Дустехтича представляет собой остатки более древнего пласта верований ительменов.

Ительмены почитали и злых духов природы (горы, моря, реки), которых задабривали. Один из таких духов – дух воды – носил имя Камак (Слюнин Д.В., 1900, с. 398). С.П. Крашенинников (1948, с. 167) в жилищах северных камчадалов видел изображение идола в виде русалки (голова человека, хвост рыбы) по имени Хантай.

2. Ловля рыбы запорами (плетеные из прутьев преграды на реках с небольшими проходами для рыбы) широко практиковалась и практикуется у народов Западной Сибири, например, у хантов, селькупов. Среди народов Северо-Востока этот способ рыболовства использовался только ительменами. Подробное описание запоров сделал В.Н. Тюшов (1906, с. 20–26).

3. Некоторые ительменские числительные достаточно близки коттским (Сравни. словарь... десницею..., 1787):

четыре – котт. *чега* – ительм. *чаак*;

пять – котт. *кега* – ительм. *кугумнук*;

шесть – котт. *келуча* – ительм. *келкуг*.

Особенно примечательно сходжение числительного **шесть**.

Остается неясным, кто у кого заимствовал эти числительные, ведь вообще это совпадение может быть случайным? Как бы не решился этот вопрос, необходимо отметить, что эти числительные в коттском очень не похожи на числительные в других кетских языках (там же, ч. 2):

четыре – котт. *чега*, но инб. *сиам*;

пять – котт. *кега*, но арин. *ка́ла*;¹

шесть – котт. *келуча*, но арин. *эгга*, ассан. *геихуджианг*, инб. *агам*, пумп. *аггьянг*.

Особенно примечательно несходжение в числительном **шесть**.

Котты, судя по топонимам, некогда заселяли обширное пространство в четырехугольнике между Ангарой и Енисеем. Но было

¹ Ассаны, очень близкие коттам племена, имеют сходное название шести – *геигьянг*.

это сравнительно поздно, возможно, в конце эпохи бронзы или в эпоху ранних кочевников (примерно 3–2,5 тыс. лет назад). В это время в Прибайкалье обитали племена, генетически не связанные с ительменами, уже жившими тогда на Камчатке (тарьинский этап древнеительменской культуры) или находившимися на подходе к ней. Если же допустить опосредствованную связь между коттами и ительменами, можно предположить, что между Енисеем и Ангарой примерно 3 тыс. лет назад (или несколько ранее) еще жили племена, с которыми ительмены были связаны либо давним родством, либо соседством. Каждое из этих двух предположений позволило бы объяснить появление лексических сходжений в языке коттов и ительменов. В первом случае следует допустить длительное проживание в Предбайкалье потомков ительменов, во втором – групп населения, предки которых когда-то контактировали с ительменами.

4. Ительмены считают смертным грехом спасать от гибели утопающего, потому что, по их поверьям, тогда спасающий сам должен будет погибнуть (Крашенинников С.П., 1948, с. 198). А.А. Земцов, географ-исследователь Севера Западной Сибири, рассказывал мне, как в хантыйском поселке Колик-еган (на одноименном правом притоке р. Вах) в болоте тонул русский. Никто из взрослых хантов, видевших эту сцену, не помог утопающему (осерчает бог воды, если отберут его жертву). Лишь пионеры-школьники рассказали о погибающем русским геологам, которые и выручили его.

5. С.П. Крашенинников (1948, с. 224) упоминает о том, что ительмены хоронили младенцев в дуплах. Этот обычай широко был распространен и у хантов. В.Н. Чернецов (1959, с. 145) писал, что ханты умерших младенцев завертывают в бересту или кусок материи и засовывают в дупло дерева, подальше от мест, посещаемых людьми. Г.И. Пелих (1972, с. 286) обращала внимание, что в мансийском языке название гроба – *juw* 'дерево'. Но она же предполагала, что обычай этот заимствован уграми. К примеру, обычай захоронения в дуплах и вертикальных стволах деревьев сохранился у кетов (Долгих Б.О., 1961, с. 288).

6. Югское (сымский диалект кетского языка) название Енисея *Хуж* (Вернер Г.К., 1968), возможно, является связующим звеном между ительм. *кыз* и сельк. (заимствование от субстрата) *кыге* 'река'. Г.Д. Мессершмидт в 1723 г. записал от остяков по речке Эедт-шеш

(впадает слева в Енисей ниже р. Елогуй) слово *хууг* 'река' (Дульзон А.П., 1961). Это позволяет рассматривать гидроним Хук 'Енисей' как переход имени нарицательного в имя собственное. Кетский вариант имени Енисея *Кик* (ср. ительм. *киг* 'река') можно рассматривать как заимствование из языка потомков ымыяхтахцев, возможных младших родственников ительменов. Гидроним Кик не раскрывается из кетских языков, поэтому его допустимо считать реликтом более древнего языка, сохранившегося в Приенисейском крае в эпоху бронзы. Из этого же языка пришедшие самодийцы могли заимствовать географический термин *кыге* 'река', присутствующий в топонимии восточной части Западной Сибири. Е.А. Алексеенко (1969) именно с югами связывает жилища с входом через дымовое отверстие на крыше.

7. Есть основания найти аборигенов, которых можно признать далекими родственниками ительменов, среди коренного населения Сибири, в первую очередь Восточной?

Первыми претендентами на роль дальнородственных братьев ительменов в Восточной Сибири являются *юги* (самоназвание *жуугын, юганы*); русско-эвенкийское название их *дюканы* от эвенк. *дюкул*. По традиции потомков югов, смешанных с кетами, называют сымские кеты по месту их компактного проживания на р. Сым, левом притоке Енисея. Однако значительные различия в языках, затрудняющие взаимопонимание кетов и югов, заставляют считать их языки самостоятельными. Да и сами кеты и юги рассматривали друг друга как различные народы, что отражено и в мифологии (Иванов Вяч. Вс. и др., 1968). Юги когда-то были многочисленными. Но к началу XX в. их численность значительно сократилась и составила несколько десятков человек, проживание которых было сосредоточено в поселках Ворогово и Ярцево на Енисее и которые носили фамилии Латиковы и Савенковы (Алексеенко Е.А., 1973). Родовым у Латиковых было имя Кэнтазн. Другим их именем было *кас'денг* 'песчаные люди' (ед. ч. *кас'кет*). Г.К. Вернер в 1960-х гг. встретил только трех-четырёх пожилых югов, которые в совершенстве владели своим языком (Вернер Г.К., 1973). Ныне и их нет, югский язык (сымский диалект кетского) ушел в небытие. Но красноярский этнограф В.П. Кривоногов знает их потомков поименно. Многие метисы (с русскими, эвенками, кетами) осознают себя потомками югов.

В с. Ворогово на исходе XX в. жил метис Латилов, который еще помнил кое-что из югского языка (Кривоногов В.П., 1998, с. 74).

История этого исчезнувшего ныне племени восстанавливается лишь по сохранившимся легендам. Исконное место югов – между-речье Ангара и Подкаменной Тунгуски. Занимались юги рыболовством, охотой петлей на зайцев и глухарей, вели промысел косули, медведя, линной дичи. В.И. Анучин в начале XX в. записал предание о переходе части югов на Сым, левый приток Енисея, где они смешались с кетами. Этот текст привела Е.А. Алексеенко (1973, с. 162): *«Часть остяков переселилась вверх на р. Сым. Там жили люди (не остяки) под именем juh (мн. ч. juhan). Этот народ жил главным образом по Ангаре и левым притокам ее, но и внизу до р. Сыма была его земля. Поселившись у juh, остяки научились их языку ... Мы все смеемся, зачем свой язык потеряли и зовем их за это juh»*. Е.А. Алексеенко в этих югах видела доенисейское (докетское) аборигенное население, жителей речных побережий, рыбаков и охотников.

Кетский фольклор содержит сведения, которые можно увязать с югами-аборигенами: землянки с входом через крышу, обычай скальпирования врага, поедание его печени и сердца (Алексеенко Е.А., 1980). Любопытно, что в некоторых сказках фигурирует враждебная кетам *сирис*, облаченная в глухую одежду из медвежьей шкуры. Не сихиртя ли это ненецких преданий? Юги, по-видимому, – это малочисленные потомки аборигенного населения, которое предшествовало в Восточной Сибири тунгусам, кетам, тюркам, самодийцам. С определенной степенью достоверности их можно выводить из палеолитического населения бореальной популяции: это был ее восточный фланг, сформированный выходцами из Восточной Европы и Передней Азии. Можно предположить, что эти выходцы говорили на языке финно-угорского типа, каким он был в то далекое время. Вполне возможно, что и самоназвание югов – *јуугын* – такое угорское: «речные (люди)» от хант. *йоган* ~ *юган* 'река'.

В.А. Туголуков (1985) приводит интересные сведения о другом дотунгусском населении по Ангаре. Одну группу аборигенов составляли *чангиты*. В восприятии эвенков чангиты глуповаты, и их легко обмануть. Они охотно женятся на эвенкийках женщинах и часто крадут их. В древних вариантах эвенкийских легенд чангиты

выступают как безоленные бродяги, вооруженные копьями. В поздних легендах – это уже оленеводы, вооруженные луками. Шаманские камлания чангитов сопровождалось человеческими жертвоприношениями. Этноним *чангит* выводится из чукотско-корякского *таньгыт* ‘враг’, коттского *чангхит* ‘гость’ и селькупского *чанг* ‘враг’ (Туголуков В.А., 1985, с. 65).

Другая группа дотунгусского населения эвенкам известна как *чулугды*. Эвенки наделили чулугдов (чулугдеев) фантастическими чертами: у них один глаз, одна рука и нога, тело железное, ростом «человеку по груди». Чулугды умирают, если сгорит их единственный нежелезный глаз. Чулугды пользовались лодками-берестянками. Жили чулугды в круглых ямах шириною аршина в полтора. Из ямы «...исходит дух смрадной, человеку невозможно духу терпети...», «а зверя-де всякого и птицу они, чюлюгдеи, стреляют из луков, а режут-де зверя и дерево стружат пилюю..., а торг-де у них, чюлюгдеев, с ними тунгусами такой: приносят де-тунгусы на их дороги... дятлевое птичье перье и то-де перье втыкают они около лиственичного дерева в лиственичную кожу, а те-де чюлюгдеи, пришед, то перье емлют без них, тунгусов, а тем-де тунгусам вместо того перья кладут на то же место стрельные всякие птицы и посуду своего дела» (Туголуков В.А., 1985, с. 66). Иногда чулугды попадали под самострелы тунгусов. «А платье-де на том диком человеке (погибшем от самострела. – А.М.) – тулупец кожиной, опушен белою козлиною, а в руках-де у него пила железная...» (там же, с. 67). В XVII в. сообщалось, что эти дикие люди могли говорить потунгусски. По сведениям на 1685 г., чулугды встречались в правобережье Ангары между ее притоками Кежмой и Илимом. В.А. Туголуков считал, что чангиты и чулугды – это котты и асаны. В принципе с этим можно согласиться, так как в левобережье (но не в правобережье!) Ангары, занятом тунгусами и бурятами, известно много асанских и коттских топонимов. Любопытно, что немая торговля на Севере Сибири была известна у таинственных грустинцев (Герберштейн С., 1868) и береговых коряков.

Таким образом, происхождение ительменов, аборигенов Камчатки, можно предположительно связать с верхнепалеолитическими обитателями юга Восточной Сибири.

Иное мнение высказал Д.В. Слюнин (1900, с. 399): ительмены пришли на Камчатку из Монголии в весьма отдаленное время, где они не были охотниками и скотоводами, а питались растительным материалом. Об этом можно судить по их удивительному знанию растительного мира: *«Они знают вредоносные, питательные, целебные, лакомые силы всех прозябаний и трав на полуострове»*.

Авторское мнение. По сумме имеющейся информации о сихиртя и изложенным выше материалам по ительменам складывается следующая картина:

1) ительмены и сихиртя в прямом (преемственном) родстве не состоят, если не считать общего предка в Восточной Африке и Околосредиземноморье. Высказанное ранее мнение (Малолетко А.М., 1999) о прямом родстве (преемственности) сихиртя и ительменов (ымыяхтахцы → ительмены) признаю ошибочным. Возможно только давнее (докерамический неолит) родство предков ительменов и ымыяхтахцев. Ительмены – это старшие братья ымыяхтахцев;

2) ительмены и угры имеют общего предка на уровне верхнепалеолитических пионеров, которые 20–30 тыс. лет назад мигрировали из Передней Азии и Европы, достигли Байкала; предки ительменов были авангардом этой бореальной популяции, угры замыкали ее;

3) ительмены вышли из среды южносибирского населения в докерамическую эпоху и мигрировали на Камчатку в доымыяхтахское время.

Анализ доступного материала позволяет нам на почти интуитивном уровне наметить следующие этапы заселения Камчатки и Северо-Востока и связать их с известными племенами (народностями):

1) индейцы (слой VII поселения Ушки I) – мигранты южного (аустрического) пути (побережье Тихого океана);

2) алеуты (слои VI–V) – более поздние мигранты южного (аустрического) пути. Индейцы и алеуты мигрировали в Северную Америку по цепочке Алеутских островов;

3) ительмены (слой IV) – мигранты из внутренних районов Восточной Сибири (потомки северных, или бореальных мигрантов, первых насельников Сибири);

4) коряки и чукчи (в поселении Ушки I не зафиксированы) – выходцы из Восточной Сибири, смешавшиеся в Приохотье с потомками более ранних южных (аустрических) мигрантов;

5) эскимосы вышли из популяции индейцев, первых насельников Америки. Двумя волнами (середина I тыс. до н.э. и II тыс. н.э.) эскимосы пересекли Берингов пролив и заселили побережье Ледовитого и Тихого океанов, не очень удаляясь от Берингова пролива. Здесь они вступили в контакт с коряками, одаривая их достижениями своей культуры и заимствуя от них некоторые элементы материальной культуры и языка. Сходство эскимосов с алеутами в материальной культуре и языке – это также следствие длительного контакта. Конечно, трудно объяснить, как индейцы с орлиными носами превратились в плосколицых эскимосов. Но нас уже не удивляет монголоидность саамов (лопарей), проживающих в Заполярье Европы и сформировавшихся на исходной европеоидной базе. Дрейф генов и адаптация к суровым природным условиям Арктики сделали свое дело.

К таким выводам по проблеме заселения Северо-Востока и места ительменов в этом процессе автор пришел в результате ознакомления с палеогеографическими, археологическими, этнографическими и лингвистическими материалами. В этой истории для народа сихиртя не нашлось места. Единственное, что сближает сихиртя и ительменов, – это жилище с входом через дымовое отверстие в крыше. Однако признак этот не является этнопоказательным: такие жилища возникли самостоятельно в разных местах, но со сходными природными условиями – многоснежными зимами.

Глава 7

УГОРСКО-ИНДЕЙСКИЕ СВЯЗИ (новые персонажи старой истории)

В последние годы сделана попытка открыть новую страницу в истории населения циркумполярной зоны, включив в нее обских угров и... индейцев Северной Америки.

Еще в 1986 г. в книге «Географические термины Западной Сибири» нами было обращено внимание на необычное совпадение географического термина *сис*, который в мансийском (Ромбандеева Е.И., 1973, с. 29) и якутском (Гриценко К.Ф., 1976) языках имеет как одинаковые географическое значение 'горный хребет', так и исходное: 'спина, позвоночник, хребет' (анат.).

На Северном Урале (правобережье р. Лозьва) имеется хребет Чистоп (русская адаптация) с изначальным названием Сисуп, где *сис* 'спина', а *-уп* – суффикс прилагательного. Хребет напоминает собой спину лошади, а название отражает культ лошади, который издавна существовал у манси (Матвеев А.К., 1980, с. 285).

В якутской географической номенклатуре *сис* 'гора' (Диалектологический..., 1976), 'спинной хребет, позвоночный столб, горная цепь, горный хребет, гора' (Пекарский Э.К., вып. 2; Романова А.В. и др., 1975). На севере Якутии в правобережье р. Индигирки расположен хребет Улахан-сис 'большой хребет', который имеет другое якутское название – Кихилях-Тас 'человек-камень'. Возможно, рассматриваемый термин содержится и в названии хребта Улахан-Чистай (*Улахан-Систай) между реками Мома и Индигирка. Почти на побережье Восточно-Сибирского моря, в вершине Хромской губы, имеется возвышенность Керемесит-Урдюк-Сис. Возможно, эта возвышенность имеет второе название – Джелон-Сисе, найденное нами в литературе по этому региону. А. Павловский (1863) при поездке из Якутска на Учурскую ярмарку пересек хребет Аг-алях-сисся 'медвежий хребет'.

Причины появления на Севере Якутии мансийского термина трудно объяснить. В других тюркских языках Сибири синонимом *сис* является сын: шор., тув., хак., алт. сын 'грива, хребет, горная

вершина, гора'. Известны оронимы: Хан-сын, Хара-сын, Сын в Хакасии (в верховья р. Уйбат), Кураганнынг-сын на Алтае, Сын-Тайга в Туве, Саян-сыны 'Саянские горы' и др.

Поскольку у якутов *сис* воспринимается и как «горный лес, чернь» (Диалектологический..., 1976, с. 188), *сись* 'спина, гора' (Сарычев Г., 1811, с. 98), следует обратить внимание на др.-тюрк. *йыш* с тем же значением. Однако переход *йыш* > *сис* в тюркских языках невозможен¹.

Появление угорского географического термина на севере Якутии необъяснимо. Но более удивляет наличие явных лексических схождения в языках обских угров и американских индейцев (см. нашу книгу «Палеотопонимика», 1992, с. 173, 174). Речь идет о лексеме *зверь, существо*. Это понятие с учетом, что изначально наши предки были охотниками на дикого зверя, может быть отнесено к разряду базовых и очень древних.

Из «Сравн. словаря...» выбраны следующие разноязычные лексемы:

- *вай* 'зверь', *вай-хуль* 'птица' – остяки березовские (ханты);
- *вайссе* 'зверь' – лопари (саамы);
- *вай-сик* 'собака', *вай-скил-лофо* 'птица' – шоваки (Сев. Америка);

вайшомес 'корова' – делавары (Сев. Америка).

Нет возможности проверить упомянутые лексемы по первоначальным источникам XVIII в., но в современном хант. *voj*, манс. *уй* 'живое существо, зверь' (ср. манс. *янзуй* 'лось', 'большой зверь'). И ныне ваховские, сургутские и васюганские ханты родовое название *вайег*, *войег* 'зверь, живое существо' используют при формировании названий животных: *руть вайег* 'таракан' (*руть* 'русский'), *каси вер эмте вайег* 'пиявка', *ай вайег* 'мошка' ('маленькое существо'), *курэнг вайег* 'лось' ('пешее существо'), *тоглен(г) вайег* 'птица' ('крылатое существо').

Компонент *вай* 'зверь' присутствует и в словах других языковых групп, например, в армянском – *вайрени* 'зверь'.

Н.А. Баскаков (1988) в одном из диалектов узбекского языка обнаружил лексему *вајит* 'медведь'. По его мнению, анлаутные со-

¹ Любопытно, что в Турции (левобережье р. Джейхун) имеется хребет Мисис. этимология имени которого нам неизвестна.

гласные $v \sim w$ являются этимологически древними, исконно присутствовавшими на ранних стадиях консонантизма и вокализма. Например, в чувашском, самом древнем из живых тюркских языков, и ныне пользуются равноправием дублетные топонимы Урум~Вурум, Атмал~Ветмел. В тюркских языках известно слово *ачи* 'охотник' (Каримуллин А.Г., 1976), хотя можно было бы ожидать 'медвежатник' (тюрк. *айю/аю* 'медведь'). По-видимому, изначально семантика были иной: *айю/аю* 'зверь', и это слово (*зверь*) использовалось взамен табуированного названия медведя.

С определенной степенью доказательности можно было бы считать **вай* 'зверь, живое существо' очень древним, общечеловеческим «изобретением», и в разрезе истории субарктических популяций (наша тема!) не рассматриваться. Но в лингвистической литературе появились работы, в которых получила развитие идея языкового (и физического) родства обских угров и американских индейцев.

Хантыйка (слева) и женщина племени пенути из Калифорнии (Sadovszky O.J., 1996, fig. 3)

В.В. Напольских (1993) увидел некоторые сходства в языке и мифологии обских угров и племен семьи пенути, населяющих Центральную Америку. В частности, он попытался определить

истoki происхождения космогонического мифа о нырянии во время потопа за землей, бытующего как у хантов, так и калифорнийских пенути. В хантыйском мифе первой за землей ныряет гагара, но ей не удается достичь дна. Затем ныряет соперничавший с гагарой кулик, который и приносит землю (Кулемзин В.М., Лукина Н.В., 1977, с. 122). В мифе калифорнийских аборигенов йокутс достигает дна и приносит землю самая маленькая уточка К'уик'ун (Ким А.А., 2005). Однако такие сопоставления вряд ли корректны: мифы о создании птицами (чаще всего это гагары) тверди земной известны у ненцев, кетов, эвенков и других народов (Канакоев Н.Д., 1995).

В Будапеште была издана книга Отто Садовского (Sadovszky O.J., 1996), в которой приводятся лексические параллели обских угров и индейцев группы пенути (Калифорния). Некоторые из них приведены в табл. 7.

Таблица 7

Лексические параллели обских угров и пенути
(без указания мелких подразделений)

Угры	Пенути
Манси mansi-n'куропатка'	mucci-masy 'тж'
Ханты raj 'утка'	poje 'тж'
Угры hul, kol 'рыба'	hol-hol 'тж'
Манси luli 'гагара'	luli 'голубь'
Манси rup 'волосы'	bun ~ bu ~ ru 'тж'
Манси sam 'глаз'	sym, sa 'тж'
Манси tow 'душа'	taw 'тж'
Манси powagi 'вокруг'	powolo 'тж'
Манси weti 'запор (для ловли рыбы)'	wet 'стена'
Ханты soiju 'невод'	sujju ~ suuyu 'тж'

Мансийское название дома kol, kwel, города us, деревни woš корреспондируется со словами индейцев Калифорнии соответственно kewel, use, bos.

Список соответствий можно продолжить и из сферы культовой. Шаман индейцев устанавливает связь с духами при помощи пения, танцев и игры на музыкальных инструментах. Слово koja-pe означает как *певец*, так и *шаман*: в языке племени бodega мивок koja 'петь', лейк мивок kojappi 'музыка или любой музыкальный инструмент'. Схождения отмечаются и в языках угров: манси kaj 'петь магическую песню', ханты koj 'исполнять магический обряд при

пенин', кайеояна – зачин песен на медвежьем празднике, ханты и манси кайне-хит 'кричащий (зовущий) человек' (обращение к медведю и божеству с возгласом кай!).

В венгерском шаманизме использовался рефрен haj. В языках мансийском и хантыйском словосочетание james khum 'доктор, то есть шаман', в манс. jomas 'лечить, чинить'. В языке калифорнийского племени майду уоти 'шаман'.

Конусообразные жилища самодийцев Сибири с низким горизонтальным входом напоминают шатровые дома индейцев Калифорнии (рис. 34).

Рис. 34. Самоедское убежище (вверху) и церемониальный дом племени номаки в Калифорнии (Sadovszky O.J., 1966, fig. 3, 13)

Эскимосы американского побережья также сооружают большие общественные здания – кажимы до 10 сажен в квадрате и четырех

или пяти высоту. Входом в кажим служит узкий и низкий коридор, по которому можно продвигаться только ползком. Но на чукотском побережье эскимосы не строили таких общественных зданий, очевидно, вследствие малолюдности (Загоскин Л.А., 1847, с. 69, 70).

О. Садовский считал, что сравнительно недавно, примерно 3000 лет назад, какая-то группа угров вышла в Ледовитый океан и, продвигаясь вдоль северного побережья Азии, достигла Берингова пролива, затем по западному побережью Северной Америки мигрировала до Калифорнии, где и осела (рис. 35).

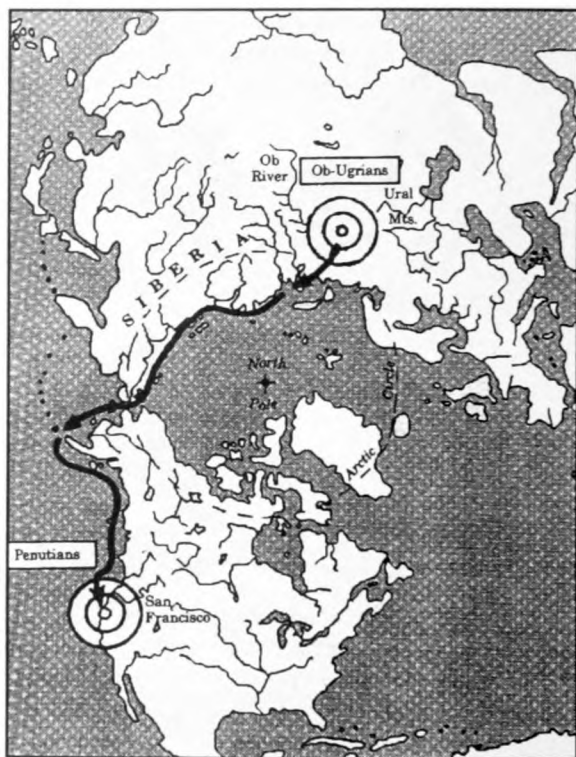

Рис. 35. Теоретический морской путь угров в Америку (по О. Садовскому)

Легко спрогнозировать первую реакцию на идею О. Садовского о давней колонизации обскими уграми части Калифорнии: «Этого не может быть, потому что быть не может». Но даже такая негативная реакция не закрывает проблему: отмеченные О. Садовским сходжения как в языке, так и в материальной и духовной культуре угров и индейцев требуют своего объяснения. Следует согласиться с позицией А.А. Ким (2005): «...поставленная О. Садовским проблема сходства обских угров и калифорнийских индейцев заслуживает внимания и дальнейшей разработки». Но необходимо помнить поучительные слова К.И. Петрова (1973) о том, что надо остерегаться случайных совпадений, особенно предлагая нестандартные объяснения. К.И. Петров высказывался решительно против таких предположений о родстве тюркских языков и языков американских индейцев. Напомним, что до сих пор интригуют языковые сходжения тюрков и индейцев майя (Каримуллин А.Г., 1976), очень прозрачные, но труднообъяснимые:

Тюрки

йаш, яшь 'молодой'
 ош 'З'
 аучи 'охотник'
 яшел ишимеш 'зеленый плод'
 ак 'белый'

Майя

иаш 'зеленый, новый'
 ош 'З'
 ах-че 'охотник'
 имш яшче 'зеленое дерево'
 аак 'светлый'

Можно высказывать различные мнения по поводу лексических сходжений в языках аборигенов Америки, с одной стороны, и северных азиатов – с другой, но все они ведут к одной задаче. Следует выяснить, насколько случайны эти совпадения или какова реальность выявления уровня родства этих этносов. Проблема безусловно перспективна и несомненно вызовет дальнейший интерес исследователей.

Глава 8

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Во введении были сформулированы четыре программных вопроса, решение которых, как нам представлялось, позволит прояснить проблему происхождения таинственных сихиртя:

1) не связаны ли сихиртя с носителями культуры вафельной керамики (эпоха бронзы и позже), распространенной на огромном протяжении от Аляски до Северной Норвегии?

2) не родственны ли ительмены, соорудившие жилища с входом через дымовое отверстие в крыше, таинственным сихиртя?

3) каково соотношение сихиртя и носителей кулайской культуры?

4) циркумполярная культура – миф или реальность?

Изложенные выше материалы позволяют следующим образом ответить на эти вопросы.

Вафельная керамика. Характернейшей особенностью ымыхтахской культуры является своеобразный вафельный рисунок технологического происхождения на поверхности сосудов. Из других особенностей следует отметить примесь шерсти в составе керамического теста.

По литературным данным, ареал вафельной керамики включает огромные пространства Восточной Сибири, а также Заполярья Европы, Северо-Восток Азии. Восточный фланг ареала протягивается до Аляски и о-ва Св. Лаврентия (Руденко С.И., 1947).

Известна она и далеко за пределами Заполярья и Якутии. А.П. Окладников (1953) предполагал, что вафельная керамика распространялась на востоке вплоть до Амура. Найдена она в Приамурье, в мохских памятниках V–VII в. н.э. на могильнике у с. Троицкое и городище Сикачи-Алян (см. рис. 12) на правом берегу нижнего течения р. Амур (Дьякова О.В., Шавкунов Э.В., 1975).

Вафельная керамика найдена и на значительном удалении от этого ареала. В Китае такая керамика изготавливалась во времена, предшествовавшие иньской культуре (XIV–XII в. до н.э.). По мнению

Ю.А. Мочанова (1969), это была культура Яньшао (конец III тыс. до н.э.). Подобный орнамент известен в Индокитае и Японии. Подробно историю находок и изучения вафельной керамики на Севере Евразии описал Л.П. Хлобыстин (1998).

Заполярный евразийский ареал вафельной керамики приурочен к единой природно-климатической зоне с единым типом занятий насельников (охота на диких оленей и морской зверобойный промысел).

Первым, кто обратил внимание на сходство вафельной керамики Сибири и Севера Европы, был А.П. Окладников (1953). Он увидел черты сходства керамики погребения Х Оленеостровского могильника (возраст 3000 ± 100 лет) недалеко от северного побережья Кольского полуострова (подромбические отпечатки от выбивания сосуда колотушкой) и вафельной керамики Якутии. Черепки с ромбическим вафельным узором были найдены и в Сев. Норвегии (недалеко от п-ова Варангер, на о-ве Кельмо и около Варде). Самым западным памятником с вафельной керамикой является Киркхелларен на о-ве Санда в архипелаге Трэна (Норвегия). Стоянка Анттила II на р. Кемийоки (север Финляндии) также содержала вафельную керамику ромбического типа (возраст 1000 лет до н.э. – 300 лет н.э.).

В 1966 г. на юге Ямала (стоянка Хадыта-яха I) был найден фрагмент горшка с прямоугольным вафельным узором. Открытия стоянок с вафельной керамикой на Таймыре (Пясины IV-A, Абылаах I и др.) связывают западный фланг ареала вафельной керамики с ленским ядром.

В Северном Предуралье (Большеземельская тундра) фрагменты вафельной керамики были найдены на стоянках Мой-Ярей (1907) и Сандибей-ю VI (бассейн р. Колва, 1947). Правда, нам не удалось познакомиться с их фотографиями или зарисовками.

Единичные находки черепков с вафельным орнаментом, стратиграфически не привязанные, сделаны в Предбайкалье (Тункинская впадина); это подъемный материал (Угольков Ю., Уголькова В., 2001), поэтому его хронологическая привязка невозможна. Наиболее вероятно принадлежность керамики к ымыяхтахской культуре.

Сходство керамики на всем этом протяжении, по мнению А.П. Окладникова, настолько велико, что «...если бы эти оленеостровские черепки случайно оказались в массе находок из культурного

слож какой-либо поздненеолитический стоянки или поселения раннего бронзового века с Нижней Лены, то выделить их оттуда было бы просто невозможно» (Окладников А.П., 1953, с. 156). Это сходство, по мнению А.П. Окладникова, было обусловлено передачей определенных типов вещей или элементов орнамента из одних районов в другие. Не исключалось и прямое кровное родство племен со сходной культурой.

Эта фраза буквально гипнотизировала десятилетиями археологов и этнографов, которые считали безусловным родство заполярного населения Евразии (Симченко Ю.Б., 1976). Однако, как нам представляется, А.П. Окладников явно преувеличил сходство вафельного декора керамики различных памятников циркумполярной зоны.

Классическая вафельная керамика связана с ымыяхтахской культурой, которая зародилась 4 тыс. лет назад недалеко от Байкала, в верховьях рек Лены и Алдана. В Якутии вафельная керамика известна в неолите, эпохе бронзы и исчезает только к началу железного века (Руденко С.И., 1947). Вряд ли с ней можно связывать вафельную керамику Японии, Китая, так как движения племен из Сибири в этом направлении не было.

В циркумполярной зоне вафельная керамика при всей своей кажущейся однотипности была неоднородной по происхождению. Классическая вафельная керамика ымыяхтахского типа имела технологическое происхождение. Она формировалась в процессе изготовления сосудов методом выбивки самого сосуда и не носила декоративный, украшательский характер. Такого же технологического типа была керамика со шнуровым (на колотушку-выбивалку были намотаны витой шнур или ремешок), рубчатым (на колотушке или лопатке были вырезаны параллельные борозды) орнаментом. Применялась и гладкая (без орнамента) колотушка или лопатки, которые не оставляли на сырой поверхности сосуда особого рисунка. Шнуровой технологический орнамент был на посуде белькачинской культуры (III тыс. до н.э.). В ымыяхтахское время (II тыс. до н.э.) керамику с вафельным технологическим орнаментом изготавливали на огромной территории Восточной Сибири. Примерно 3100 лет назад такую же посуду делали племена Таймыра.

Нам не удалось ознакомиться с прорисовками или фотографиями вафельной керамики из Большеземельской тундры, где подобная

керамика была найдена Г.А. Черновым на стоянке Сандибей-ю. Поэтому мы не можем судить о генетическом типе – является ли она технологической или чисто декоративной.

А вот керамика с Кольского полуострова (Оленеостровский могильник), судя по фотографии (Шмидт А.В., 1930, табл. VI, 2) и прописке (Гурина Н.Н., 1953, рис. 13, 3), не относится к числу типичной вафельной технологического происхождения. Нелинейность прорезей, различная ориентировка диаметров и сторон прямоугольников, разная глубина вдавлений скорее указывает на создание рисунка единичным вдавлением штампа – торцом палочки (см. рис. 20). Подозрение возникло и у Н.Н. Гуриной (1953, с. 376): *«Узор, украшающий их (обломки сосуда. – А.М.), представляет собой слабо вдавленные четырехугольники, между которыми остаются слегка выпуклые перемычки»*. Но далее автор не могла противостоять сложившимся мнениям: *«По внешнему сходству данный узор наиболее правильно было бы назвать вафельным. По-видимому, орнамент был нанесен широким, в форме лопаточки, штампом»* (там же). Н.Н. Гурина считает возможным сопоставить орнамент керамики с могильника Олений Остров с орнаментом на посуде из Сибири (Якутия) и Чукотки с памятника Сирэник (см. рис. 10).

Все же приведенные данные свидетельствуют, по нашему мнению, в пользу декоративной природы орнамента.

Западнее Енисея в таежной зоне картина меняется. На юго-восточном берегу оз. Пякуто (верховья р. Пякупур, система р. Пур), на поселении эпохи поздней бронзы (середина – начало четвертой четверти II тыс. до н.э.), были найдены каменные орудия (вкладыши с двухсторонней обработкой, скребки, острия, полиэдрические резцы, треугольные наконечники с боковой выемкой). Эти предметы сходны с таковыми ымыяхтахской культуры, в частности с инвентарем таймырской стоянки Абылаах I (Косинская Л.Л., 2001). Однако посуда с оз. Пякуто имеет гребенчато-ямочный орнамент при полном отсутствии вафельного. По-видимому, здесь мы имеем явные следы затухания восточносибирских традиций, связанных с ымыяхтахской культурой. На стоянке Хадыта-яха I (Южный Ямал) был найден фрагмент горшка с мелкочаеистым прямоугольным вафельным узором технологического происхождения (Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П., 1986). В тесте горшка есть примесь шерсти, что

свидетельствует о ее близости с керамикой ымыяхтахского типа Таймыра (конец II тыс. до н.э.).

Имеются неоднократные упоминания о керамике с вафельным орнаментом в низовье Оби и далее на запад до Норвегии. Однако, как нам представляется, здесь вафельный орнамент имеет иное происхождение и не связан с влиянием ымыяхтахской культуры.

В нижнем слое раскопа I памятника Зеленая Горка (р. Полуй) керамика орнаментирована мелким фигурным штампом. Имеется штамп вафельного типа (см. рис. 15), но орнамент не технологический и не оформлен единым штампом (резной лопаточкой или колодушкой), а является декоративным. Он представляет систему вдавлений квадратной палочкой, что в принципе отрицает его технологическое происхождение. Такого же типа орнамент известен и в южной тайге. На Слобцовском городище Андреевского озера (недалеко от Тюмени) имеется керамика, содержащая декоративный орнамент из аккуратно поставленных отпечатков, сделанных квадратным торцом палочки (см. рис. 17). Керамика отнесена В.Н. Чернецовым (1957) к ярасалинскому этапу нижнеобской культуры (II–III в. н.э.). Изящный орнамент, похожий на вафельный¹, украшает поверхность круглодонного горшка из Кинтусовского могильника (верховья р. Салым). Но орнамент построен вертикально поставленными ромбами при помощи палочки-штампа (см. рис. 18).

Имеющихся материалов недостаточно (особенно при отсутствии сведений по керамике памятника по р. Сандибей-ю) для категорического заявления о разнотипности европейского «вафеля» и азиатского, однако то, что мы имеем, свидетельствует в пользу этого предположения. Но если и норвежская вафельная керамика похожа на кольскую, то и ее следует отнести к типу декоративному, а не технологическому. Это расценило бы ареал вафельной керамики евразийского Заполярья на классическую вафельную типа ымыяхтахской и псевдовафельную типа Зеленой Горки или Бол. Оленьего острова в Кольском заливе. К последнему типу примыкает (или наоборот – является прародительницей?) штамповая «вафельная» керамика таежной зоны Западной Сибири (Андреевское озеро на юге, оз. Пякуто на севере).

¹ Хорошо бы такой орнамент называть псевдовафельным.

Это подтвердило бы тезис Н.Н. Гуриной (1953, с. 405) о том, что заселение Кольского полуострова шло из Карелии, то есть на Оленеостровском могильнике Кольского залива были захоронены примерно 3 000 лет назад аборигены, а не пришельцы со стороны Таймыра.

Причины широкого распространения в арктическом регионе вафельной керамики рассмотрел Л.П. Хлобыстин (1998, с. 100 и др.): 1) продвижение этноса на запад, 2) распространение только культурных навыков (моды), 3) конвергентное развитие. Автор склоняется ко второй версии. Близость возраста вафельной керамики (Бурудино на Индигирке 2950 ± 50 лет, Абылаах I на Таймыре 3100 ± 60 лет, Оленеостровский могильник на Кольском полуострове 3000 ± 50 лет) исключает, по его мнению, конвергентность, так как при этом должна играть причинная, а не временная обусловленность. Отдавая дань моде, Л.П. Хлобыстин тем не менее задается вопросом, почему она распространялась избирательно, выхватывая только вафельный орнамент и не заимствуя другие особенности керамического производства и орнаментации? Пытаясь ответить на этот вопрос, Л.П. Хлобыстин остановился на версии о миграции народа, частью культуры которого она (вафельная керамика) являлась. Этот таинственный народ, продвигался по тундре и лесотундре, экологически близким им природным зонам, обходя территории, занятые финноугро-самодийским этносом. Он вступал в контакты с аборигенами арктической зоны, постепенно ассимилируясь ими и оставляя свои культурные достижения в виде вафельной керамики, в тесте которой присутствует шерсть. Мигрирующее население, было, очевидно, связано с ымыяхтахской культурой и пришло в движение на рубеже I–II тыс. до н.э. Эти рассуждения Л.П. Лашука о распространении вафельной керамики ымыяхтахского типа от Аляски до Северной Норвегии базируются на допущении генетической идентичности орнамента крайних западных (Норвегия, Кольский полуостров) и восточносибирских находок. По нашему мнению, эти выводы Л.П. Лашука можно распространить только до Енисея, возможно, до Южного Ямала, если керамика на памятнике Хадыта-яха I действительно является типично ымыяхтахской.

Л.А. Чиндина (1991, с. 49) в релкинской культуре (VI–IX в. н.э.) Нарымского и Томского Приобья выделила в особый (третий) тип

керамику с вафельным орнаментом. Но ведущим признаком такого типа керамики являются валики, которые создавались путем налепа. По верхней части шейки сосуда и плечикам валики получали путем сдвига, выдавливания глины при прокладке желобков или горизонтальных зон гребенки или гладкого штампа. Валики наносились в два-три ряда и, как правило, покрывались насечкой гладким или гребенчатым штампом. Шейка сплошь заполнялась наклонными, вертикальными и паркетными оттисками штампов. Валиковая керамика такого типа уходит корнями в восточные районы, где она известна с эпохи бронзы. Обычно ее связывают с тунгусо-маньчжурским этносом (Константинов И.В., 1978). Можно было бы высказать предположение, что валиковая традиция позднего Прибайкалья и обусловила появление в Томском Приобье керамики вафельного типа. Однако, судя по изображению на рис. 15, орнамент не имеет ничего общего с классическими «вафлями» ымыяхтахской культуры. Это обычный декоративный орнамент из аккуратно поставленных штампов двух типов: 1) ромбы расположены в шахматном порядке и ориентированы длинным диаметром горизонтально, 2) косо поставленные продолговатые овалы образуют горизонтальные ряды.

На городище Басандайка около Томска во втором слое была обнаружена черноглиняная керамика карасукского типа (конец II – начало I тыс. до н.э.) с орнаментом, который имел некоторое подобие вафельного (Басандайка, 1947, табл. 23, 2–4). Этим она (керамика) привлекла наше внимание. На черепке 2 по верхней части идут две параллельные линии, между которыми нанесен орнамент типа «шахматная доска». Но образован этот орнамент не штампом, а взаимопересекающимися параллельными бороздами (косая сетка), сделанными острым предметом по сырой глине. На черепке 3 таким же способом образованы ромбы, большим диаметром ориентированные горизонтально. На черепке 4 верхнюю часть украшают взаимно пересекающиеся прочерченные линии, которые образовали много маленьких четырехугольников («шахматное поле»). «Шахматный» орнамент с Басандайки ничего общего не имеет с типичным вафельным орнаментом. Это обычный декор, нанесенный на готовый сосуд, технологический же – это отпечатки рифленой лопатки, которой уплотняли стенки сосудов в ходе самого процесса изготовления керамических изделий.

Таким образом, влияние ымыяхтахцев распространялось в арктической зоне только в пределах от Аляски на востоке до р. Таз, возможно, до низовий р. Оби на западе¹. В европейской части Арктики типичной вафельной керамики с шерстью в качестве отошителя нет. Имеется лишь не очень представительный мелкоштамповый четырехугольный орнамент, а в качестве отошителя – асбест. Арктические насельники Европы – это древнейшее население (палеоевропейцы? – А.М.), которое испытало влияние южных соседей, древних финно-угров. Возможно, эти аборигены обитали и в Зауралье.

Ительмены и сихиртя. Если исходить из комплекса сведений о некоторой схожести культуры ительменов и культуры угров Западной Сибири (см. гл. 2 «История раннего заселения Северной Азии»), то можно не исключать версию об очень давнем (примерно 20 тыс. лет) контакте или родстве предков угров и ительменов. То есть племена ительменов тогда были восточным флангом первой, бореальной популяции, занявшей Сибирь до р. Лены, а древние угры в Зауралье – западным. В неолите, возможно, 5 тыс. лет назад началось движение племен на Северо-Восток. Примерно 4 тыс. лет назад на п-ов Камчатка пришли предки ительменов (стоянка Елизова имеет возраст 3900 ± 100 лет). Потомки этого древнего населения на таежном междуречье Енисея и Оби «одарили» пришедшее в эпоху бронзы самодийскоязычное население географическим термином *кыга* 'река'. О возможном родстве предков угров и ительменов свидетельствует идентичность термина *болото*: ительм. *kel'k*, *кельк* – манс. *кел*, *келыг*, хант. *kal*, *келек*. Конечно, столь малое число лексических совпадений слабо доказывает давнее родство ительменов и угров. Но, учитывая большой разрыв во времени (около 20 тыс. лет), такое родство исключать нельзя.

Кулайцы и сихиртя. Совпадение ареала расселения сихиртя (по ненецким легендам) и ареала гидронимов на *-бей* позволяет объединить их в парадигму генетической связи. Это топонимическое поле охватывает в арктической зоне обширную территорию от Гыданского полуострова на востоке до Большеземельской тундры на западе. Топонимы на *-бей* имеют четкую этническую привязку: они

¹ Имеется в виду информация Л.П. Лашука и Л.П. Хлобыстина (1986) о вафельном (технологическом) орнаменте и шерсти в черепке со стоянки Хадыгяха I вблизи пос. Ярале на Южном Ямале.

созданы самодийцами кулайской культуры, которые говорили когда-то на языке камасинского типа. Распространение топонимов на *-бей* на обширной территории от Саян на юге до Ямала и Заполярного Предуралья на севере связано с расселением носителей кулайской культуры примерно на рубеже эр (рис. 36). Именно потомков кулайцев ненцы, недавние насельники тундры, назвали сихиртя.

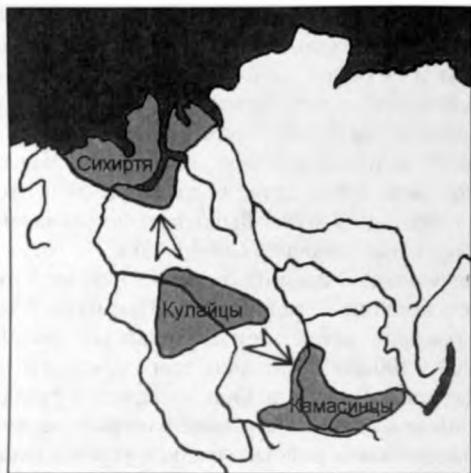

Рис. 36. Миграции кулайцев примерно на рубеже эр

Открытие не состоялось. То, к чему мы пришли на основе анализа имеющегося материала, уже было высказано Л.А. Чиндиной (1992, с. 20): *«Мигрировавшие на север кулайцы оставили там усть-полуйско-ярсалинский вариант своей культуры самодийского происхождения. Возможно, на этом этапе появляются первые колонии самодийцев на Северном Урале и в Припечорье... Усть-полуйские и ярсалинские памятники могли оставить предки сихиртя (выделено нами. – А.М.)»*.

Циркумполярная зона. Довольно живуча идея о том, что когда-то с юга в Заполярье пришли люди, которые, расселяясь в широтном направлении, создали единую культуру охотников на диких оленей. Выйдя к океану, они стали заниматься морским зверобой-

ным промыслом (Окладников А.П., 1953; Симченко Ю.Б., 1976; Гурин Н.Н., 1953, 1956; Эртюков В.И., 1995). Подпитывалась эта идея в известной мере и информацией археологов о бытовании вафельной керамики от Аляски до заполярной Норвегии.

Люди стали осваивать Приполярье и Заполярье Старого света в VIII–VII тыс. до н.э. Именно тогда появились первые стоянки на севере Скандинавии и Кольском полуострове. Возраст первоначально населения Заполярья уменьшался с запада на восток: культура комса в Скандинавии и на Кольском полуострове (X–V тыс. до н.э.) → памятник Сандибей-ю I в Большеземельской тундре, Корчаги I на Ямале, Тагенар VI на Таймыре (IV тыс. до н.э.) → памятники на Чукотке (II тыс. до н.э.). Морской зверобойный промысел открылся в Беломорье и на Кольском полуострове во II – начале I тыс. до н.э. В I тыс. н.э. зверобой появились на Ямале. Зверобойный промысел на Чукотке, Аляске, Курилах возник около 4 тыс. лет назад (Васильевский Р.С., 1973).

По данным В.А. Шнирельмана (1997), в заселении Севера принимали участие различные группы населения Центральной Европы, бассейна Волги, таежники Западной Сибири и бассейна Лены. По нашему мнению, первые поселенцы на островах и материковой части северо-восточной Азии (Чукотка, Камчатка) были мигрантами южной (аустрической) волны, которые появились в этих местах довольно рано (дюктайская культура на Алдане, 35–10,5 тыс. лет). Охота на морского зверя давно была известна и в Баренцевом море (Долгих Б.О., 1964). При этом И.И. Крупник (1981) для западного сектора Арктики предполагал единую линию развития (преемственность) аборигенной приморской культуры: охотники арктического палеолита на Кольском полуострове (VII–VI тыс. до н.э.) → неолитические обитатели побережий Кольского полуострова, Припечорья и Северного Приобья → носители усть-полуйской культуры → тундровое население I–II тыс. н.э. (сихиртя). Думается, что из этой схемы должны быть исключены усть-полуйцы, которые связаны с кулайцами эпохи раннего железа лесной зоны Западной Сибири, но не с носителями западных культур неолита. Да и в рассматриваемой работе И.И. Крупника имеется недвусмысленное указание на проникновение (из Западной Сибири. – А.М.) в тундру самодийцев на рубеже I и II тыс. до н.э., но не раньше.

Морские зверобой восточного сектора Арктики (Чукотка, Алеуты, Аляска) формировались на базе палеолитического населения, пришедшего в разное время с юга тихоокеанского побережья Азии. В формировании чукчей и коряков принимали участие и континентальные племена из Восточной Сибири (северная, или бореальная популяция).

Таким образом, население Евразийской Субарктики изначально было этнически неоднородным, так как сформировалось на базе различных южных групп в ходе меридиональных (по секторам), а не широтных миграций (рис. 37).

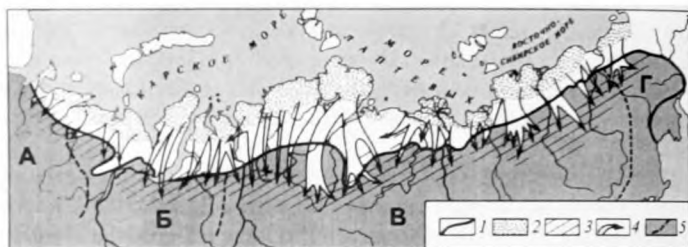

Рис. 37. Секторы Приполярья Евразии: А, Б, В, Г (объяснение в тексте), поставлявшие насельников циркулярной зоны 1 – граница леса; 2 – летние пастбища; 3 – зимние пастбища; 4 – миграционные пути; 5 – Приполярье и границы секторов

Сектор А «поставлял» насельников тундры Кольского полуострова и Скандинавии из Центральной Европы и бассейна Волги, сектор Б – носителей кулайской культуры из Среднего Приобья, сектор В – из бассейна Лены (потомки носителей ымыяхтахской культуры), сектор Г – из южных районов тихоокеанского побережья Восточной Азии.

Тем не менее, можно считать, что циркулярная культура была реалией (оставим в стороне тонкости спора о сути понятия «культура»). В Заполярье Старого и Нового Света в результате сложных процессов миграции с юга на север и адаптации лесного пришлого населения к экстремальным природным условиям сформировалась культура, единство которой было обусловлено только сходными природными условиями. Именно природные условия вызвали у неродственных групп населения удивительное сходство способов жизнеобеспечения – от хозяйственной деятельности (охота на

дикого оленя и, позже, зверобойный промысел) до устройства жилищ (землянки в лесной зоне и жилища с использованием костей крупных морских животных – на побережье океана) и мировоззрения (культ промысловых животных).

Конвергентность в формировании сходных культур западного и восточного секторов Субарктики подчеркивал и Б.О. Долгих (1964, с. 83): «...придется все же встать на точку зрения существования двух центров возникновения и развития морского зверобойного промысла: одного в Беринговом, другого в Баренцевом море».

Выводы. 1. Циркумполярная культура – это реалии давней истории Арктики и Субарктики Евразии и Северной Америки. При близости материальной культуры, обусловленной сходными природными условиями, носители культуры были разноязычными. Основная масса их представляла собой древнейших насельников (эпохи неолита, возможно, мезолита). Западный и восточный фланги культуры формировались конвергентно на базе мигрантов – более южного, лесного населения.

2. Ительмены – далекие родственники обских угров, но к сихиртя никакого отношения не имеют.

3. Сихиртя ненцев – это потомки кулайцев, с их языком самодийского (точнее – камасинского) типа, центробежно расселившихся на рубеже эр из Среднего Приобья, в том числе и в Заполярье Западной Сибири и далее в Предуралье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главный биологический потенциал циркумполярной природной зоны Евразии и Северной Америки составляли морские млекопитающие и северный олень (*Rangifer tarandus*). Освоение зоны человеком происходило из нескольких регионов, расположенных южнее. Европейская часть была заселена жителями северной части лесной зоны. Север Западной Сибири – примерно 1,5–2 тыс. лет назад – заняли племена кулайской археологической культуры (средняя часть бассейна р. Оби). Их языком был самодийский. Именно эти племена известны под именем *сихиртя*. Северная часть Восточной Сибири была заселена потомками неолитического населения, которое сформировалось около озера Байкал. Северо-Восток Азии и Северной Америки освоили группы людей, которые пришли с юга по берегу Тихого океана. Все племена циркумполярной зоны имели сходную материальную культуру. Эта культура базировалась на охоте на северного оленя и морском зверобойном промысле.

SUMMARY

The reindeer and sea mammals constituted the main biological potential of the circumpolar natural zone of Eurasia and North America. This zone was populated from several regions which were situated to the South from this place. The Eurasian part was populated by the inhabitants of the Northern part of the forest zone. Approximately about 1,5 or 2 thousand years ago the tribes of the Kulai archaeological culture (the culture of the middle course of the Ob basin) invaded and mastered the North of Western Siberia. They spoke the Samoyedic language. These very tribes are known as the Sikhirtya. The Northern part of Eastern Siberia was populated by the ancestors of neolithic population, the home of these people was somewhere at the Baikal. The groups of people, who came from the South along the shores of the Pacific ocean, occupied the North-East of Asia and North America. All the tribes of the circumpolar zone possessed similar material culture. This culture was based on hunting the wild deer and sea animals.

Перевод: О.А. Осипова

RESÜMEE

Das führende biologische Potential der zirkumpolarer landschaftlichen Zone Eurasiens und Nordamerikas bildeten Rentiere (*Rangifer tarandus*) und Meer-säugetiere. Die Besiedlung der Zone verlief aus einigen Regionen, die südlicher waren. Der europäische Teil wurde von den Bewohnern des nördlichen Teils der Waldzone besiedelt. Der Norden Westsibiriens wurde von den Stämmen der kulai-archeologischen Kultur (Mitte der Flusses Ob) ungefähr vor 1,5–2 Tausend Jahren besiedelt. Ihre Sprache war samojedisch. Gerade diese Stämme sind unter den Namen «Sichirtja» bekannt. Der nördliche Teil Ostsibiriens wurde von den Nachkömmlern der neolithischen Bevölkerung angesiedelt, die in der Nähe vom Baikal entstand. Der Nordost Asiens und Nordamerikas bewohnten die Völkergruppen, die vom Süden den Ufer des Stillen Ozeans entlang herkamen. Alle Stämme der zirkumpolarer Zone hatten ähnliche materielle Kulturen. Sie basierte sich auf Rentierjagt und Fischerei gewerbe.

Перевод: В.В. Быконя

Сокращения названий языков

алт. — алтайский
 англ. — английский
 арин. — аринский
 ассан — ассанский
 балт. — балтский
 болг. — болгарский
 венг. — венгерский
 гаг. — гагаузский
 гот. — готский
 дравид. — дравидский
 др.-тюрк. — древнетюркский
 др.-сакс. — древнесаксонский
 др.-фр. — древнефранцузский
 инб. — инбатский (инбатский)
 ительм. — ительменский
 камас. — камасинский
 кар. — карельский
 караим. — караимский
 кельт. — кельтский
 кет. — кетский
 кирг. — киргизский
 койб. — койбальский
 колым. — колымский диалект
 юкагирского
 кор. — корейский
 коряк. — корякский
 котт. — коттский
 куманд. — кумандинский
 лив. — ливский
 лув. — лувийский
 манс. — манский
 манчж. — маньчжурский
 мар. — марийский
 матор. — маторский
 морд. — мордовский
 нганас. — нганасанский
 нан. — нанайский

нем. — немецкий
 нен. — ненецкий
 новогреч. — новогреческий
 ног. — ногайский
 ороч. — орочский
 перм. — пермский
 пумп. — пумпокольский
 русск. — русский
 саам. — саамский
 сельк. — селькупский
 серб. — сербский
 тавг. — тавгийский
 тайг. — тайгинский
 телеут. — телеутский
 тув. — тувинский
 тундрен. — тундренный диалект
 юкагирского
 тур. — турецкий
 тюрк. — тюркские
 удм. — удмуртский
 уйг. — уйгурский
 укр. — украинский
 фин. — финский (суоми)
 финно-угор. — финно-угорский
 хак. — хакасский
 хант. — хантыйский
 хет. — хеттский
 чад. — чадский
 чул.-тат. — чулымско-татарский
 швед. — шведский
 шор. — шорский
 эвен. — эвенский
 эвенк. — эвенкийский
 эст. — эстонский
 юкаг. — юкагирский
 як. — якутский
 яп. — японский

Литература

- Аксянова Г.А.* Соматология // Этнография и антропология Ямала. Новосибирск, 2003. С. 200–291.
- Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии XIII–XVII вв. Иркутск, 1941. 612 с.
- Алексеев Е.А.* Этнографические материалы по этнографии кетов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 125–126.
- Алексеев Е.А.* К вопросу о доенисейском компоненте в составе кетов // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 160–163.
- Алексеев Е.А.* Кетская проблема // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 119–140.
- Арутюнов С.А.* Проблемы классификации языков народов Восточной Азии в свете их этнической истории // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964. 10 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А., Таксами Ч.М.* Этнокультурные связи коренных народов прибрежий Северо-Восточной Азии // Этническая история народов Азии. М., 1972. С. 83–98.
- Бартнев В.* О русском языке Обдорского края // Живая старина. 1894. Вып. 1. С. 126–130.
- Барышников Г.Я., Малолетко А.М.* Археологические памятники Алтая глазами геологов. Томск, 1997. 164 с.
- Барышников Г.Я., Малолетко А.М.* Археологические памятники Алтая глазами геологов. Барнаул, 1998. 279 с.
- Басандайка.* Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. Томск, 1947. 220 с. + 92 табл.
- Баскаков Н.А.* Историко-типологическая фонология тюркских языков. М., 1988. 208 с.
- Беккер Э.Г.* Южносамодийские гидронимы Томской области // Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969. С. 182–185.
- Белявский Фр.* Поездка к Ледовитому океану. М., 1833. 259 + III с.
- Берг Л.С.* Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга. М.; Петроград, 1924. 248 с.
- Берг Л.С.* Очерк истории русской географической науки (вплоть до 1923 года). Л., 1929. 154 с.
- Берг Л.С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. Л., 1935. 412 с.

- Берг Л.С.* О прежнем расселении древних сибирских народов («палеоазия-тов») // Известия Всесоюзного географического общества. 1950. № 6, 610–612.
- Бородаев В.Б.* Новообинцевский клад // Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 96–114.
- Бородаев В.Б., Горбунов В.В.* Троицк-1 – новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 2. Барнаул, 1993. С. 183–189.
- Бояршинова З.Я.* Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960. 152 с.
- Бурдов В.С.* О носителях древней приморской культуры на полуострове Ямал // Советская археология. 1965. № 2. С. 250–262.
- Буров Г.М.* Вычегодский край (Очерки древней истории). М., 1965. 198 с.
- Буров Г.М.* Древний Синдор (Из истории племен Европейского Северо-Востока в VII тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). М., 1967. 218 с.
- Вануйто Г.И.* Семантика и структура ненецких гидронимов на Гыданском полуострове // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск–Омск, 2001. С. 263–265.
- Василевич Г.М.* Топонимика Восточной Сибири // Известия Всесоюзного географического общества. 1958. № 4. С. 324–335.
- Васильев В.И.* Сирият – легенда или реальность? // Советская этнография. 1970. № 1. С. 151–158.
- Васильев В.И.* Исторические предания ненцев как источник при исследовании этногенеза и этнической истории северосамодийских народов // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 113–127.
- Васильев В.И.* Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979. 244 с.
- Васильев В.И.* Проблемы этногенеза северосамодийских народов (ненцы, энцы, нганасаны) // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 41–67.
- Васильевский Р.С.* Древняя корякская культура (по археологическим раскопкам на Охотском побережье) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 321–327.
- Васильевский Р.С.* Происхождение и древняя культура коряков. Новосибирск, 1971. 252 с.
- Васильевский Р.С.* К вопросу об истоках и эволюции культур морских зверобоев северной части Тихоокеанского бассейна // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тезисы докладов Всесоюзной конференции 18–21 декабря 1973 г. Новосибирск. Новосибирск, 1973. С. 37–38.

- Васильевский Р.С.* Древние культуры Тихоокеанского Севера. Новосибирск, 1973а. 268 с.
- Васильевский Р.С.* О роли Берингии в заселении Алеутских островов // Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976. С. 509–514.
- Васильевский Р.С.* К вопросу об усть-бельской культуре Чукотки // Проблемы археологии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 5. Материалы VII годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1999 г. Новосибирск. Новосибирск, 1999. С. 328–335.
- Вдовин И.С.* Эскимосские элементы в культуре чукчей и коряков // Сибирский этнографический сборник. Томск, 1961. Т. 3. С. 27–63.
- Вдовин И.С.* К проблеме этногенеза ительменов // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969. С. 153–154.
- Вдовин И.С.* К проблеме этногенеза ительменов // Советская этнография. 1970. № 3. С. 28–37.
- Вдовин И.С.* Юкагиры в этнической истории коряков и чукчей // Этническая история народов Северной Азии. М., 1972. С. 99–113.
- Вдовин И.С.* Ительмены и коряки в первые десятилетия XVIII в. (По неопубликованным материалам участника камчатской экспедиции А.П. Горланова) // Страны и народы Востока. 1975. Вып. 17. С. 57–66.
- Вениамин.* Самоеды мезенские // Вестник Русского географического общества. 1855. Кн. 3. С. 77–140.
- Вениаминов И.* Записки об островах Уналашкинского отдела. Ч. 1. СПб., 1840. 367 с.
- Вернер Г.К.* Система согласных фонем сымского диалекта кетского языка // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968. С. 15–25.
- Вернер Г.К.* Вопросы членения енисейской языковой общности // Вопросы немецкой диалектологии и истории немецкого языка. Омск, 1973. С. 86–90.
- Володин А.П.* Отношение ительменского языка к другим чукотско-камчатским языкам // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 225–227.
- Володин А.П.* Ительменские географические названия в бассейне реки Тигиль // Географическая среда и географические названия. Л., 1974. С. 57–66.
- Володин А.П.* Ительменский язык. Л., 1976. 426 с.
- Володин А.П., Жукова А.Н.* Ительменский язык // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968. С. 334–351.
- Вуоно Г.П.* Особенности мансийской топонимики Припелымья // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 102–104.

- Гемуев И.Н., Молодин В.И., Сагалаев А.М. Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкции в этнографии. Новосибирск, 1984. С. 62–80.
- Георги И. Описание всех, обитающих в российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих памятных. Часть четвертая. СПб., 1799. 387 с.
- Герберштейн С. Записки о Московии барона Герберштейна. СПб, 1866. 230 + XIV с.
- Головнев А.В. Древний Ямал в контексте мифологии и археологии // Этнографическое обозрение. 1982. № 2. С. 101–115.
- Головнев А.В. Сихиртя: следы исчезнувшего народа // Народы Сибири и сопредельных территорий. Томск, 1995. С. 37–43.
- Головнев А.В. Ямал и Ямал // Проблемы этнической истории самодийских народов. Сборник докладов научной конференции. Часть 2. Омск, 1993. С. 40–44.
- Гохман И.И. Древний череп с Чукотки // Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1961. Вып. 2. С. 14–18.
- Гриценко К.Ф. Якутские топонимы на -лах // Языки и топонимия Сибири. Томск, 1976. С. 34–47.
- Гурвич И.С. Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 211–226.
- Гурвич И.С., Симченко Ю.Б. Этногенез юкагиров // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 141–151.
- Гурина Н.Н. Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова // Материалы археологических исследований. 1953. № 39. С. 347–407.
- Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // Материалы и исследования по археологии. 1956. № 47. 432 с.
- Дебец Г.Ф. Селькупы (Антропологический очерк) // Труды Института этнографии. 1947. Т. 2. С. 103–145.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Труды Института этнографии. 1951. Т. 17. 264 с.
- Диалектологический словарь якутского языка. М., 1976. 392 с.
- Диков Н.Н. Древнейшее прошлое Чукотки и задачи его изучения // Записки Чукотского краеведческого музея. Магадан, 1958. Вып. 1. С. 5–11.
- Диков Н.Н. Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных // История и культура народов Северо-Востока СССР. Магадан, 1964. С. 5–27 (Труды Северо-Восточного комплексного НИИ. Вып. 8)
- Диков Н.Н. Древние костры Камчатки и Чукотки. 15 тыс. лет истории. Магадан, 1969. 256 с.

- Диков Н.Н. Культурные связи между Северо-Восточной Азией и Америкой по данным позднелепесточных и раннеголоценовых памятников Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы // Берингия в кайнозое. Владивосток. 1976. С. 21–27.
- Диков Н.Н. Новые археологические данные к этнической истории Северо-Восточной Сибири // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 50–59.
- Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1977. 392 с.
- Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979. 352 с.
- Диков Н.Н. Азия на стыке с Америкой в древности. СПб., 1993. 304 с.
- [Шитмар К.] Поездка и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Часть 1. Исторический очерк по путевым дневникам. СПб., 1901. 756 с. + 1 карта
- Долгих Б.О. Происхождение нганасанов // Труды Института этнографии. 1952. Т. 18. С. 5–87.
- Долгих Б.О. Мифологические сказки и предания энцев. М., 1961. 253 с.
- Долгих Б.О. Проблемы этнографии и антропологии Арктики // Советская этнография. 1964. № 4. С. 76–90.
- Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды ТОКМ. 1956. Т. 5. С. 89–316.
- Дульзон А.П. Археологические памятники Томской обл. // Тр. Том. обл. краеведческого музея. Томск, 1959. Т. 5. С. 89–316.
- Дульзон А.П. Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Ученые записки Томского государственного педагогического института. 1961. Т. XIX. Вып. 2. С. 152–189.
- Дульзон А.П. Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения // Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964. С. 14–17.
- [Дыбовский Б.] Словарь ительменского языка из собраний профессора Бенедикта Дыбовского. Обработан Игнацом Радлинским. Русский текст Тьян Заочной, редакция Казимира Фелешко. Варшава, 1998. 236 с.
- Дьякова О.В., Шавкунов Э.В. Новый памятник железного века на Нижнем Амуре – городище Сикачи-Алян // Советская археология. 1975. № 3. С. 158–171.
- Елькина М.В. Новые данные о поселениях раннего железного века сургутского Приобья (к вопросу о культурной принадлежности) // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 71–77.
- Ермолаев А. Описание коллекции Красноярского музея. Вып. 1. Ишимская коллекция. Красноярск, 1914. 20 с. + VIII табл.

- Журавский А.В.* Результаты исследований «Приполярного» Запечорья в 1907 и 1908 годах // Известия Русского географического общества. 1909. Т. 15. Вып. 1. С. 197–231.
- Журавский А.В.* Европейский Русский Север. Архангельск, 1911. 33 с.
- Загоскин [Л.А.].* Пешеходная опись части русских владений в Америке. СПб., 1847. Ч. 1. 183 с.
- [Загоскин Л.А.]* Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842–1844 гг. М., 1956. 455 с.
- Золотарев А.М.* К вопросу о происхождении эскимосов // Антропологический журнал. 1937. № 1. С. 47–56.
- Золотарева И.М.* Юагиры (антропологический очерк) // Проблемы антропологической и исторической этнографии. М., 1968. С. 148–177.
- Золотарева И.М.* Антропология некоторых народов Северной Сибири // Юагиры. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 97–110.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н., Успенский Б.А.* Предисловие. Кеты, их язык, культура, история // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1968. С. 5–14.
- Идес И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. 404 с.
- Илюшин А.М.* Самодийский период в истории Кузнецкой котловины // Самодийские: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2001. С. 41–43.
- [Иохельсон В.И.]* Записка В.И. Иохельсона об оказании ему содействия в обработке и издании собранных им материалов по языкам, народному творчеству и этнографии алеутов и племен Крайнего Северо-Востока Сибири. Б.М. 1915. 21 с. (отд. отт.).
- История и культура ительменов.* Историко-этнографические очерки. Л., 1990. 208 с.
- Казakov А.А., Кунгуров А.Л.* Комплекс городищ около Бийска // Культура народов Евразийских степей в эпоху Средневековья. Барнаул, 1993. С. 219–231.
- Канаков Н.Д.* Этнокультурные параллели в промысловых культах народов Северо-Восточной Европы и Сибири // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур. Тезисы Международной научной конференции. Новосибирск, Академгородок, 26–30 июня 1995 г. Т. 2. Археология, этнография. Новосибирск, 1995. С. 132–134.
- Каргер Н.К.* Кетский язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. М., 1934. С. 223–238.
- Каримуллин А.Г.* К вопросу о генетическом родстве отдельных языков индейцев Америки с тюркскими // Вопросы географии США. Л., 1976. С. 119–122.

- Карлсон Р.Л. Ранние культуры северо-западного побережья Северной Америки // Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976. С. 61–71.
- Ким А.А. О некоторых моментах общности калифорнийских индейцев и обских угров // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 254–256.
- Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Т. 1. Барнаул, 2005. 288 с.
- Константинов И.В. Ранний железный век Якутии. Новосибирск, 1978. 127 с.
- Косинская Л.Л. Комплекс эпохи бронзы: поселения Пякуто-1 // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2001. С. 46–50.
- Косинцев П.А., Федорова Н.В. Ненэй ненцев и сихиртя // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2001. С. 51–53.
- Краснолуцкий С.А. Кулайская керамика из Назаровской впадины // Археолого-этнографические исследования в южно-таежной зоне Западной Сибири. Томск, 2003. С. 38–39.
- [Крашенинников С.П.] Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии наук профессором. СПб., 1755. 319 с.
- [Крашенинников С.П.] Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук профессором // Полное собрание путешествий по России. СПб., 1818. Т. 1. XXII+ 496 с.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М., 1948. 292 с.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки: с приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949. 841 с.
- Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.; Л., 1958. 288 с.
- Крейнович Е.А. Юкагирский язык // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968. С. 435–453.
- Кривоногов В.П. Кеты на пороге III тысячелетия. Красноярск, 1998. 88 с.
- Крупник И.И. К истории аборигенной культуры в западном секторе Арктики // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 70–73.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. Томск, 1977. 226 с.
- Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Якутск, 1990. 355 с.
- Ламаизм в Бурятии XVIII – начало XX вв. Структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск, 1983. 236 с.

- Ламартиньер П.-М.* Путешествие в северные страны // Записки Московского археологического института. 1912. Т. 15.
- Лашук Л.П.* Очерк этнической истории Печорского края (опыт историко-этнографического исследования). Сыктывкар, 1958. 200 с.
- Лашук Л.П.* «Сииртя» – древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 178–193.
- Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П.* Север Западной Сибири в эпоху бронзы // Краткие сообщения Института археологии. 1986. № 5. С. 43–50.
- Левин М.Г.* Этническая антропология и проблема этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958. 359 с. (Труды Института этнографии. Т. 36).
- Левин М.Г.* Основные итоги и очередные задачи антропологического изучения Сибири в связи с этногенетическими исследованиями // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 41–51.
- Леонтьев В.В.* По земле древних коряков. Записки этнографа. Магадан, 1976. 232 с.
- Лепехин И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. СПб., 1805. Ч. 4. 458 с.
- Лухина Н.В.* Ханты от Васюгана до Заполярья. Томск, 2004. 338 с.
- [*Маак Р.*] Путешествия начальника экспедиции Маака в 1858 г. // Труды Сибирской экспедиции Русского географического общества. Математический отдел. СПб., 1864. С. 98–135.
- Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. М., 1983. Т. 2. 400 с.; 1984. Т. 3. 320 с.
- Малоземова О.В., Морозов В.М.* Разведочные раскопки 1991 г. и коллекции случайных сборов на городище Усть-Полуй // Актуальные проблемы древней и средневековой Сибири. Томск, 1997. С. 190–203.
- Малолетко А.М.* О прародине и изначальном самоназвании самодийцев // Сибирские чтения. 1992. Тезисы докладов. СПб., 1992. С. 19–20.
- Малолетко А.М.* Еще одна версия о происхождении сихиртя // Интеграция археологических и этнографических исследований. М.; Омск, 1999. С. 153–155.
- Мандрыка П.В.* Степь и тайга: проблема взаимоотношений племен раннего железного века (по материалам енисейского Приангарья) // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 169–172.
- Матвеев А.К.* Географические названия Урала. Свердловск, 1980. 318 с.
- Матющенко В.И.* Древняя история Сибири. Омск, 1999. 232 с.
- Меновщиков Г.А.* Эскимосы. Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. Магадан, 1959. 146 с.
- Меновщиков Г.А.* Эскимосско-алеутские параллели // Учебные записки Лен. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Ленинград, 1960. Т. 167. С. 171–193.

- Меновищikov Г.А. Язык сиреникских эскимосов. Фонетика, очерки морфологии, тексты и словари. М.-Л., 1964. 220 с.
- Меновищikov Г.А. Эскимосско-алеутская группа. Введение // Языки народов СССР. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968. С. 352–365.
- Меновищikov Г.А. Эскимосско-алеутская языковая общность и ее отношения к другим языкам // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюзной конференции 14–16 июля 1973 г. Томск. Томск, 1973. С. 11–15.
- [Меновищikov Г.А.] Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1976. 646 с.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 2. М., 1941. 437 с.
- Мифология. Большой энциклопедический словарь. М., 1998. 736 с.
- Могильников В.А. О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины I тысячелетия н.э. // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 82–86.
- Могильников В.А. К проблеме этногенеза самодийских народов Западной Сибири // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2001. С. 64–68.
- Мочанов Ю.А. Дюктайская пещера – новый палеолитический памятник Северо-Восточной Азии // По следам древних культур Якутии. Якутск, 1970. С. 40–64.
- Мочанов Ю.А. Северо-Восточная Азия в IX–V тысячелетиях до н.э. (сумнангинская культура) // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 29–43.
- Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977. 264 с.
- Мошинская В.И. Керамика усть-полуйской культуры // Материалы исследований по археологии. 1935. № 35. С. 107–120.
- Мяков И.М. Древности Нарымского края // Труды Томского областного краеведческого музея. 1929. Т. 2. С. 51–86.
- Надь К. «Бубен вошел в дом через потолочное окно», или внедрение айпинских не чисто литературных текстов в предварительные знания венгерских читателей // Языки и культура народов ханты и манси: Материалы международной конференции, посвященной 10-летию Науч.-иссл. ин-та обско-угорских народов (Ханты-Мансийск, 27–30 ноября 2001 г.). Ч. 2. Филология. Томск, 2004. С. 166–180.
- Напольских В.В. Палеоевропейский субстрат в составе западных финно-угров // *Uralo-Indogermanica*. II. М., 1990. С. 128–134.

- Напольских В.В.* Как кукузе стал создателем суши. Удмуртский миф о сотворении земли и древнейшая история народов Евразии. Ижевск, 1993.
- Николаев Р.В.* Некоторые аспекты проблемы этногенеза и ранней этнической истории кетов // Проблемы этногенеза и этнической истории абorigенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 113–120.
- Никонов В.А.* Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. М., 1984. С. 44–69.
- Новицкий Григорий.* Краткое описание о народе остячком. 1715. Новосибирск, 1941. 108 с.
- Норденшельд А.Э.* Путешествие вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 гг. Вып. 1. СПб., 1891.
- Огрызко И.И.* Расселение и численность коряков в конце XVII в. // Ученые записки Ленинградского педагогического института. 1961. Т. 222. С. 171–208.
- Окладников А.П.* Прошлое Якутии до присоединения к Русскому государству. История Якутии. Т. 1. Якутск, 1949.
- Окладников А.П.* Древние культурные связи между арктическими племенами Азии и Европы (по материалам памятников бронзового века) // Ученые записки ЛГУ. 1953. № 157. С. 151–166.
- Окладников А.П.* Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита // Древняя Сибирь (макет 1-го тома «История Сибири»). Улан-Удэ, 1964. 739 с.
- Окладников А.П., Абрамова З.А.* Первоначальное освоение палеолитическим человеком Сибири и Дальнего Востока // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974. С. 184–188.
- Окладников А.П., Васильевский Р.С.* По Аляске и Алеутским островам. Новосибирск, 1976. 168 с.
- Орлова Е.П.* Верования камчадалов // Страны и народы Востока. М., 1975. С. 127–138.
- Основы финно-угорского языкознания.* Марийский, пермские и угорские языки. М., 1976. 464 с.
- Павловский А.* Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. 1863. Кн. 6. С. 1–23.
- Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. СПб., 1907–1913. Вып. 1–13.
- Пелих Г.И.* Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.
- Пелих Г.И.* Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. 177 с.
- Петри Б.Э.* Старая вера бурятского народа. Научно-популярный очерк. Иркутск, 1928. 78 с.

- Петров К.И.* Опыт сравнительно-этимологического словаря евразийской общности языков // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Матер. Всесоюзн. конф. 14–16 июня 1973 года. Томск, 1973. С. 15–18.
- Пижа А.И.* Новые материалы к истории первой советской этнографической экспедиции на полуостров Ямал (1928–29 гг.) // Советская этнография. 1989. № 6. С. 100–108.
- Плетнева Л.М.* Томское Приобье в кулайское время // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 51–58.
- Полевой Б.П.* По поводу некоторых новых гипотез о происхождении названия «Камчатка» // Географическая среда и географические названия. Л., 1974. С. 33–50.
- Пономаренко А.К.* Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М., 1985. 216 с.
- Пономаренко А.К.* Древняя культура ительменов Камчатки. М., 2000. 312 с.
- Прокофьев Г.Н.* Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов Севера. М., 1937. Ч. 1. С. 91–124.
- Прокофьев Г.Н.* Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна // Советская этнография. 1940. № 3. С. 67–76.
- Прокофьева Е.Д.* Древние жилища на реках Тым и Кеть // Советская этнография. 1947. № 2. С. 199–202.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Антропология. М., 1978. 528 с.
- Романова А.В., Мыреева А.Н., Барашков П.П.* Взаимоотношения эвенкийского и якутского языков. Л., 1975. 212 с.
- Рамбандеева Е.И.* Мансийский (вогульский) язык. М., 1973. 208 с.
- Руденко С.И.* Древняя культура Берингова моря. М., 1947. 132 с. + 38 табл.
- Руденко С.И.* Культура доисторического населения Камчатки // Советская этнография. 1948. № 1. С. 153–179.
- [*Сарычев Гавриил*] Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне *Черном Орле* по Северовосточному океану в 1791 г.; с приложением словаря двенадцати наречий диких народов, наблюдения над стужою в Верхнеколымском остроге, и наставления данного капитану Биллингсу из Государственной Адмиралтейств-Коллегии. Извлечено из разных журналов Вице Адмиралом Непременным Членом Государственной Адмиралтейств Коллегии, почетным членом Государственного департамента и ИМПЕРАТОРСКОЙ Академии Наук Гидрографом и кавалером Гаврилом Сарычевым. СПб., 1811. 191 с. + 3 карты.
- Сарычев Г.А.* Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.

- Семенова В.И. К проблеме периодизации средневековой Нижней Оби // Методика комплексного исследования культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995. С. 163–165.
- Симченко Ю.Б. Некоторые данные о древнем этническом субстрате в составе народов Северной Евразии // Проблемы антропологии и исторической этнографии. М., 1968. С. 194–213.
- Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. М., 1976. 312 с.
- Симченко Ю.Б. Ранние этапы этногенеза народов уральской языковой семьи Заполярья и Приполярья Евразии // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 11–27.
- Синицын С.Д. Костные останки человека в раскопках А.В. Шмидта // Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Л., 1930. Вып. 23. С. 181–183.
- Скобелев С.Г., Митько О.А. Новая форма древнетюркских антропоморфных изображений (Предварительная публикация) // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан, 1989. С. 170–178.
- Скорик П.Я. К вопросу о сравнительном изучении чукотско-камчатских языков // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1958. Вып. 8. С. 534–546.
- Скорик П.Я. О языковых отношениях аборигенов крайнего Северо-Востока Азии // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 70–75.
- Слободин С.Б. Археологические данные об этнокультурных взаимодействиях на северо-востоке Азии // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск, 2005. С. 273–275.
- [Слюнин Н.В.] Охотско-камчатский край. Т. 1. СПб., 1900. 690 + III с.
- Соколова З.П. К истории жилища обских угров // Советская этнография. 1957. № 2. С. 98–105.
- Сравнительный словарь всех языков и наречий, собранные десницею высочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. 1787. Ч. 1. 8 + 411 с.; 1789. Ч. 2. 4 + 491 + 5 с.
- Сравнительный словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный. СПб., 1790. Ч. 1. 2 + 454 с.; 1791. Ч. 2. 2 + 499 с.; 1791. Ч. 3. 518 с.; 1791. Ч. 4. 618 с.
- Старкова Н.К. Ительмены. Материальная культура XVIII – 60-е гг. XX вв. Этнографические очерки. М., 1976. 166 с.
- Стебницкий С.Н. Ительменский язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 3. М., 1934. С. 85–104.

- Темкин Г. Колыбель под семью звездами // Дорогами тысячелетий. Сборник исторических очерков и статей. Кн. 2. М., 1988. С. 3–31.
- Тернер К.Г. Ребенок верхнепалеолитической стоянки Мальта // Известия СО АН СССР. Серия история, философия и филология. 1990. Вып. 2. С. 50–55.
- Токарева Т.Я. Материалы по краниологии алеутов // Антропологический журнал. 1937. № 1. С. 57–71.
- Толстов С.П. Проблема происхождения индоевропейцев и современная этнография и этнографическая лингвистика // Краткие сообщения Института этнографии. 1946. Вып. 1. С. 3–13.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье // Ранний железный век Западной Сибири. 1978. С. 9–18.
- Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с.
- Тугаринов А.Я. Последние калманжи // Северная Азия. 1926. Кн. 1. С. 73–88.
- Тугалуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979. 152 с.
- Тугалуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985. 285 с.
- Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986. 144 с.
- Тюшов В.Н. По западному берегу Камчатки // Записки Русского географического общества по общей географии. 1906. Т. 37. № 2. 521 с. + 1 карта
- Тяботов М.А. К вопросу о доугорском населении Западной Сибири // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993. С. 58–78.
- Угальков Ю., Угалькова В. Древности Тункинской котловины. Кемерово, 2001. 69 с. + CL VIII табл.
- Файнберг Л. Г.А. Меновщиков. Эскимосы. Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах. Магадан, 1959, 146 с. // Советская этнография. 1961. № 3. С. 119–120.
- Файнберг Л.А. Происхождение эскимосов и алеутов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 227–240.
- Федорова Н.В. О культурной принадлежности Обь-Иртышских памятников I тыс. н.э. // Ранний железный век Западной Сибири. Томск, 1978. С. 79–83.
- Федорова Н.В. Призраки и реальность археологии // Российская археология. 2002. № 2. С. 99–110.
- Федорова Н.В., Косинцев П.А., Фицхью В.В. «Ушедшие в холмы». Культура населения побережий Северо-Западного Ямала в железном веке. Екатеринбург, 1998. 132 с.
- Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980.

- Харючи Г.П.* В.Н.Чернецов – исследователь этнографии ненцев // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995. С. 193–195.
- Хлобыстин Л.П.* Новое о древнем населении Таймыра // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 141–143.
- Хлобыстин Л.П.* О расселении предков самодийских народов в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск, 1969а. С. 133–135.
- Хлобыстин Л.П.* Древние культуры Таймыра и крупные этнические общности Сибири // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 163–166.
- Хлобыстин Л.П.* Экономические и социальные аспекты развития древних обществ Таймыра // Из истории Сибири. Томск, 1976. Вып. 1. С. 111–120.
- Хлобыстин Л.П.* Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии. СПб., 1998. 342 с.
- Хомич Л.В.* К проблеме этногенеза энцев. М., 1964.
- Хомич Л.В.* К вопросу о происхождении ненцев // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 137–138.
- Хомич Л.В.* Ненецкие предания о сихиртя // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 59–69.
- Хомич Л.В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. 190 с.
- Хомич Л.В.* Еще раз об арктическом субстрате в культуре ненцев // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 99–106.
- Цейтлин С.М.* Томская стоянка (данные новых исследований) // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1983. № 52. С. 181–182.
- Чемякин Ю.П.* Еще раз об усть-полуйской культуре // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995. С. 201–203.
- Чемякин Ю.П.* Кулайские поселения на Средней Оби // Актуальные проблемы древней и средневековой Сибири. Томск, 1997. С. 171–189.
- Чемякин Ю.П.* «Кулайцы» – обские угры или самодийцы? // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2001. С. 8–84.
- Чернецов В.Н.* Древняя приморская культура на полуострове Ямал // Советская этнография. 1935. № 4–5. С. 109–133.
- Чернецов В.Н.* Мансийский (вогульский) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М., 1937. С. 163–192.

- Чернецов В.Н. Проблемы заселения Северо-Западной Сибири // Краткие сообщения Института материальной культуры. 1941. Вып. 9. С. 14–28.
- Чернецов В.Н. Зеленая Горка близ Салехарда // Краткие сообщения Института материальной культуры. 1949. Вып. 25. С. 67–74.
- Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // Материалы и исследования по археологии. 1953. № 3–5. С. 221–241.
- Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии. 1953а. № 35. С. 7–71.
- Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. // Материалы и исследования по археологии. 1957. № 58. С. 136–245.
- Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959.
- Чернецов В.Н. К вопросу об этническом составе субстрата в циркумполярной культуре // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). М., 1964. 13 с.
- Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 10–17.
- Чернов Г.А. Новые данные по четвертичной истории Большеземельской тундры // Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. 1947. № 9. С. 70–75.
- Чернов Г.А. Археологические находки в центральной части Большеземельской тундры // Труды Комиссии по изучению четвертичного периода. 1948. Т. 7. Вып. 1. С. 55–122.
- Чернов Г.А. Хэйбидя-Пэдараское жертвенное место в Большеземельской тундре // Советская археология. 1955. Сб. 23. С. 91–320.
- Чиндина Л.А. О кулайской культуре // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 67–68.
- Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. 256 с.
- Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). Томск, 1991. 182 с.
- Чиндина Л.А. Об этнокультурном взаимодействии в Приобье I тыс. н. э. // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 16–26.
- Чиндина Л.А. Очерки культурогенеза и этногенеза в Среднем Приобье (середина I тыс. до н.э. – XVIII в. н.э.) // Традиционное и современное в культурах Томского Севера. Томск, 1999. С. 3–11.
- Ширин Ю.В. О самодийской принадлежности археологических культур эпохи раннего железа на юге Западной Сибири // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов За-

- падной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2001. С. 87–88.
- Шмидт А.В.* Древний могильник на Кольском заливе // Материалы Комиссии экспедиционных исследований. Серия северная (Кольский полуостров). 1930. Вып. 23. С. 119–169.
- Шнирельман В.А.* Освоение Севера: исконные земли или объект колонизации? // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 72–77.
- [*Шренк А.*] Путешествие к северо-востоку Европейской России через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по Высочайшему повелению в 1837 году Александром Шренком. СПб., 1855. 665 с.
- Штейниц В.К.* Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. 1. М., 1937. С. 193–228.
- Шумкин В.Я.* Этногенез саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов. М., 1991. С. 129–149.
- Эндрюс Дж.* Современный ледниковый период: кайнозойский // Зимы нашей планеты. М., 1982. С. 220–281.
- Эпоха бронзы лесной полосы СССР.* М., 1987. 472 с.
- Эртюков В.И.* К вопросу о связях усть-милской культуры бронзового века Якутии с памятниками эпохи бронзы Западной Сибири // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995. С. 210–212.
- Этногенез народов Севера.* М., 1980. 277 с.
- Этнография и антропология Ямала.* Новосибирск, 2003. 390 с.
- Яковлев Я.А.* Карбинское городище I – памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 115–142.
- Яковлев Я.А., Дремов В.А.* Лицом к лицу с предками // Сибирская старина. Томск, 1993. № 3. С. 12–14.
- Янковский Н.К., Боринская С.А.* История нашей ДНК // Эволюционная биология. 2. Материалы II Международной конференции «Проблема вида и видообразования». Томск, 24–26 сентября 2001 г. Томск, 2001. С. 331–342.
- Jochelson W.* Archeological Investigations in Camchatka. Washington, 1928. 88 p. + 19 pl.
- Sadovszky O.J.* The Discovery of California. A Cal-Ugrian Comparative Study. Istor Books 3. Budapest, 1996. 358 p.

Приложение 1

Публикации А.М. Малолетко по топонимике, археологии, этнологии

1. Раковины *Unio* и *Corbicula* из террасовых отложений р. Ануй // Известия Алтайского отдела Географического общества СССР. 1970. Вып. 11. С. 101–113. [О раковинах унioniд в археологических памятниках Алтая и Хакасии].
2. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Матросов И.И. Определение возраста древней керамики термоллюминесцентным методом (поселение Малгет) // Из истории Сибири. 1976. Вып. 19. С. 278–281.
3. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Производство орудий труда и типы хозяйства в Васюганье в эпоху бронзы // Там же. Вып. 21. С. 90–110.
4. Бронзолитейное производство в Васюганье в эпоху бронзы и раннего железа // 250 лет горного производства на Алтае. Барнаул. 1977. С. 10–13.
5. Плетнева Л.М., Малолетко А.М. Железоделательное производство в позднем средневековье (по материалам городища Шелонок). Там же. С. 13–15.
6. Номоконова Г.Г., Малолетко А.М. Применение магниторазведки при археологических исследованиях (городище Шелонок). Там же. С. 16–18.
7. Труды первых географов Западной Сибири как источник изучения топонимики Алтая // Конференция по географии Западной Сибири (К 100-летию Омского отдела Географического общества СССР). Омск, 1977. С. 65–67.
8. Географические названия эпохи ранних кочевников на Алтае // Языки и топонимия Алтая. Барнаул, 1977. С. 11–13.
9. Кетские и самодийские топонимы на Алтае // Там же. С. 14–15.
10. Ефимова Л.И., Малолетко А.М. Почвенные и спорово-пыльцевые анализы образцов с поселения Шелонок II // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 164–170.
11. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 182 с.
12. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Фирсов Л.В. Влияние природных условий на заселение и формирование хозяйственного уклада в Нарымском Приобье в эпохи неолита и бронзы // Особенности естественно-географической среды и исторических процессов в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 62–64.

13. Топонимика бассейна Бол. Хантайского озера // Методы комплексных исследований сложных гидросистем. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. С. 144–149.
14. Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф. Историческая картография и топонимия Алтая // Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 122 с.
15. Ефимова Л.И., Малолетко А.М. Применение спорово-пыльцевых анализов в археологии // Новые методы в археологии. Томск, 1978. С. 21–38.
16. Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Пещера Иульчак – новый археологический памятник на Алтае // Древняя история Алтая. Барнаул, 1980. С. 3–15.
17. Каташников Т.В., Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Былое распространение в Алтайском крае некоторых видов позвоночных, внесенных в Красную Книгу СССР (по археологическим данным) // Исчезающие и редкие растения и животные Алтайского края и проблемы их охраны. Барнаул, 1982. С. 39–42.
18. Географические названия Хантайской гидросистемы // Вопросы географии Сибири. 1983. Вып. 14. С. 103–124.
19. Палеогеографический анализ при археологических исследованиях // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Барнаул, 1983. С. 3–7.
20. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Географическое распространение сливных кварцитовидных песчаников – сырья для изготовления орудий в эпохи неолита и бронзы // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул, 1983. С. 3–19.
21. Малолетко А.М., Мананков А.В., Паскаль Ю.И., Плетнева Л.М. Железоделательное производство в низовье Томи в позднем средневековье // Там же. С. 115–138.
22. Алексеева Э.В., Малолетко А.М. Новый пещерный памятник палеолита на Алтае // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984. С. 121–126.
23. Барышников Г.Я., Малолетко А.М., Чистяков В.К. Условия залегания и физическая характеристика каменных орудий Улалинской стоянки // Там же. С. 30–32.
24. Итиль – топоним хуннской эпохи // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы областной научной конференции по лингвистике. Омск, 1984. С. 67–69.
25. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Этнокультурная интерпретация археологических памятников Васюганья // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1985. С. 69–72.

26. Культурная лексика в гидронимике Западной Сибири // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985. С. 85–87.
27. Климат Алтая в скифскую эпоху // Скифская эпоха Алтая. Барнаул, 1986. С. 85–87.
28. Топонимика скифских районов Алтая // Там же. С. 70–75.
29. Стратиграфия пещерных археологических памятников на р. Ануй (Алтай) // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Ч. 1. Улан-Удэ. 1986. С. 80–83.
30. Палеогеографические позиции археологических памятников у оз. Иткуль (Алтай) // Там же. С. 85–86.
31. Топонимы большереченского времени в бассейне Верхней Оби // Исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Скифо-Сибирская культурно-историческая общность. Раннее и позднее средневековье. Омск, 1987. С. 138–141.
32. Антропогенные отложения некоторых пещер Алтая // Там же. С. 40.
33. Розен М.Ф., Малолетко А.М. Географические термины Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. 1986. 206 с.
34. Малолетко А.М., Панычев В.А. Пещеры как консерваторы геологических документов (на примере пещер Алтая) // Проблемы изучения экологии и охраны пещер. Киев, 1987. С. 30–53.
35. Топонимические свидетельства пребывания саков на Алтае // Проблемы археологии Степной Евразии. Кемерово, 1987. С. 52–53.
36. Новые данные о былом распространении на Алтае некоторых зверей, внесенных в Красную Книгу // Исчезающие, редкие и слабоизученные растения и животные Алтайского края и проблемы их охраны. Барнаул, 1987. С. 198.
37. Культурная и этническая принадлежность пришлых скотоводов Васюганья в эпоху бронзы // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 147–149.
38. Малолетко А.М., Орлова Л.А. Стратиграфия отложений Малояломанской пещеры // Перспективы развития минерально-сырьевой базы Алтая. Ч. 2. Бийск, 1988. С. 10–12.
39. Этимология нерусских географических названий // Природа Хантайской гидросистемы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. С. 313–323.
40. Уровни долин и заполнение пещер Алтая // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран. Барнаул, 1989. С. 13–15.
41. Малолетко А.М., Панычев В.А. Позднеплейстоценовые отложения пещеры Денисовой (Алтай): условия накопления и возраст // Там же. С. 35–38.

42. Структура спорово-пыльцевых комплексов пещерных отложений // Там же. С. 66–67.
43. Опыт реконструкции языковой принадлежности носителей культур эпохи бронзы Западной Сибири // Методические проблемы реконструкций в археологии и палеоэкологии. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. С. 191–206.
44. Палеотопонимы как показатель языковой принадлежности носителей археологических культур // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Зап. Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 81–83.
45. Переднеазиатские элементы в языке и ономастике васюганских антов // *Uralo-indogermanica*. М., 1990. С. 81–83.
46. Малолетко А.М., Панычев В.А.. Археологический памятник Усть-Каракол: Стратиграфия и условия осадконакопления // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной Азии и Америки. Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая (доклады Международного симпозиума). Новосибирск, 1990. С. 223–225
47. Археология и палеоэкология Горного Алтая (экскурсия № 1). Путеводитель Международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеоэкологический аспект). К XIII конгрессу INQA (Китайская народная республика) / коллективная монография. Новосибирск, 1990. 160 с.
48. Морфология, отложения и условия образования пещеры им. А.П.Окладникова // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. Новосибирск, 1990. С. 62–65.
49. Местные географические термины и топонимы в трудах Р.С. Ильина // Почвоведение, литогенез, палеогеография. Тезисы докладов к научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Ростислава Сергеевича Ильина (1891–1937 гг.). Томск, 1991. С. 30–32.
50. О датировке топонимов // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Тезисы докладов к Всесоюзной научной конференции (3–5 апреля 1991 г.). Барнаул, 1991. С. 176–178.
51. Время и история осадконакопления в Денисовой пещере (Алтай) // Проблемы хронологии в археологии и истории. Барнаул, 1991. С. 44–49.
52. Аланы в Сибири? // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 1. Омск, 1992. С. 85–87.
53. Миграции древнего населения евразийских степей // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Екатеринбург, 1992. С. 68–70.

54. Динамика климата евразийских степей в голоцене // Палеоэкология и расселение древнего человека в Северной Азии и Америке. Красноярск, 1992. С. 175–179.
55. Алтайский период научного творчества М.Ф. Розена // М.Ф. Розен – исследователь Алтая. Томск, 1992. С. 14–21.
56. 30 лет в содружестве с М.Ф. Розеном // Там же. С. 27–34.
57. О прародине и изначальном самоназвании самодийцев // Сибирские чтения 1992 г. Тезисы докладов. СПб., 1992. С. 19–20.
58. Иранские племена Сибири в эпохи раннего железа и средневековья (по данным топонимики) // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 4–15.
59. Этнический состав древнего населения Шорни по данным топонимики // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1992. С. 12–28.
60. Палеотопонимика. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992. 264 с.
61. Катунь – и «женщина», и «река» (о достоверности этимологических аналогий) // Этническая история тюркских народов Сибири (по данным этнографии и языкознания). Омск, 1992. С. 39–42.
62. Башкирские топонимы в верховьях Оби и Енисея // Востокведение в Башкортостане: история, культура. Ч. 3. Уфа, 1992. С. 82–83.
63. Тюркско-кетские контакты в бассейне Иртыша // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 156–157.
64. Древнее население Шории по данным топонимики // Там же. С. 157–160.
65. Топонимы как исторические памятники // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 43–46.
66. Древняя история самодийцев (по данным топонимики) // Проблемы этнической истории самодийских народов. Сборник докладов научной конференции Ч. 1. Омск. 1993, С. 9–13.
67. Бакшт Ф.Б., Малолетко А.М. Расчленение отложений Денисовой пещеры геофизическими методами // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 24–34.
68. Малолетко А.М., Татаров А.Ю. Пещера верхнего яруса у пос. Черный Ануй (Алтай) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул. 1993. С. 2–3
69. Древнейшие элементы в языке и топонимии уральцев // Язык и прошлое народа. Екатеринбург, 1993. С. 79–91.
70. О языке и самоназвании андроновцев-федоровцев // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и в средневековье. Барнаул, 1994. С. 59–60.

71. Древнее население низовий Томи по данным топонимии // Северск. История и современность. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. С. 42–44.
72. Топонимия Приенисейского края // Вопросы географии Сибири. 1995. Вып. 21. С. 100–119.
73. Топонимический этюд по работе Н.М. Ядринцева // Там же. С. 136–139.
74. Семитские элементы в языке кетов: реальность или совпадение? // Языки народов Сибири. Сборник, посвященный 95-летию профессора А.П. Дульзона. Томск, 1995. С. 122–123.
75. Еще одна версия происхождения термина «Сибирь» // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995. С. 108–110.
76. Угорские элементы в топонимии Алтае-Саян // Там же. С. 11–13.
77. Еще одна версия происхождения имени «Алтай» // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул, 1995. С. 178–181.
78. Памяти Г.Н. Грачевой // «...Моя избранница, наука, без которой мне не жить...». Сборник, посвященный этнографам Г.Н. Грачевой и В.И. Васильеву. Барнаул, 1995. С. 11–14.
79. В.В. Сапожников и топонимия Алтая // Русский Алтай: Тезисы докладов к научной конференции. Барнаул. 1995. С. 11–14.
80. Введение в географическую ономастику (учебное пособие). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 123 с.
81. Алтын-Кель «золотое озеро» – новая версия о происхождении имени // Золото Алтая: история и современность. Материалы научно-практической конференции Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. С. 67–68.
82. Кетоязычные группы Сибири и их прародина по данным топонимии // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: Тезисы Международной конференции. Новосибирск, 1995. С. 204–207.
83. Топонимика и археология: опыт сотрудничества // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы 3-го Всероссийского научного семинара, посвященного 110-летию со дня рождения С.И. Руденко. Ч. 2. Омск, 1995. С. 66–69.
84. Археологические и топонимические аномалии Васюганья // Актуальные проблемы сибирской археологии. Тезисы докладов к конференции. Барнаул. 1996. С. 94–97.
85. Малолетко А.М., Киришин Ю.Ф. Этноархеология Васюганья // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы 4-го Всероссийского научного семинара, посвященного 60-летию со дня рождения В.И. Васильева. Новосибирск; Омск, 1996. С. 7–13.

86. Барышников Г.Я., Малолетко А.М. Археологические памятники Алтая глазами геологов. Часть 1. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 164 с.
87. Бореальные народы и бореальные языки // Интеграция этнографических и археологических исследований: 5-й Всероссийский семинар, посвященный 155-летию Н.М. Ядринцева. Омск; Уфа, 1997. С. 96–100.
88. Древние миграции человека и языковые семьи // Этносы Сибири. Языки и культура: Материалы Международной конференции. Ч. 1. Томск, 1997. С. 9–11
89. Отражение хозяйственной деятельности коренного населения Сибири и Русского Севера в географической терминологии и топонимии // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Материалы Всероссийской конференции. Барнаул. 1997. С. 205–209.
90. Картографические свидетельства пребывания алан на юге Сибири // Историческая и современная картография в развитии Алтайского региона: Тезисы докладов Международной научно-практической конференции, 25–26 ноября 1997 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 22–25.
91. Русское население Сибири до Ермака (по картографическим материалам) // Там же. С. 25–29.
92. Расовая эволюция *Homo sapiens* // Эволюция жизни на Земле: Материалы 1-го Международного симпозиума, 24–28 ноября 1997 г. Томск: Изд-во научно-технической литературы, 1997. С. 121–123.
93. Кулайцы, их близкие и не очень близкие родственники (по данным топонимики) // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 141–149.
94. Географическая среда и расовая эволюция человека // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Материалы XI Западно-Сибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 58–61.
95. Улалинская палеолитическая стоянка // Особо охраняемые территории и объекты Республики Алтай и горных систем центра Евразии (пути и проблемы устойчивого развития). Горно-Алтайск, 1998. С. 151–152.
96. Барышников Г.Я., Малолетко А.М. Археологические памятники Алтая глазами геологов. Часть 2. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. 279 с.
97. Иранский топонимический пласт // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск: КОО Ассоциация «Русская энциклопедия». 1998. С. 237.
98. Кетский топонимический пласт // Там же. С. 265.
99. Монгольский топонимический пласт // Там же. С. 401.
100. Русский топонимический пласт // Там же. С. 531.

101. Самодийский топонимический пласт // Там же. С. 538.
102. Топонимия // Там же. С. 620 (совм. с С.П. Васильевой).
103. Топонимы неясного происхождения // Там же. С. 620–621.
104. Тунгусский топонимический пласт // Там же. С. 632.
105. Тюркский топонимический пласт // Там же. С. 637.
106. [Географические термины] // Там же. (Несколько десятков в томе).
107. Монголоидность как антропологический феномен самоорганизации // Самоорганизация в природе. Вып. 2. Проблемы самоорганизации в природе и обществе. Т. 2. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 61–76.
108. Early migration and race evolution of *Homo sapiens* // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы VI Международного научного семинара, посвященного 155-летию со дня рождения Д.Н. Анучина. Часть 2. Омск–СПб., 1998. С. 11–12.
109. *Derevyanko A., Alexeyev ., Maloletko A., Medvedev G., Kirillov L., Vasil'evsky R.* The Paleolithic of Siberia. New Discoveries and Interpretations. Urbana; Chicago: University of Illinois Press. 1998. 406 p.
110. Еще одна версия происхождения имени Колыванского озера // Колывань. История, культура и искусство сибирской окраины России. 1728–1998. Барнаул, 1998. С. 107–108.
111. Расовая эволюция *Homo sapiens* и географическая среда // Всероссийское совещание «Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI веке». СПб., 1998. С. 226–227.
112. Золотая баба – миф или реальность? // Гуляевские чтения. Барнаул, 1998. С. 202–210.
113. Географические названия // Из истории населенных мест Шелаболихинского района [Алтайского края]. Барнаул, 1998. С. 153–157.
114. Природа и человек (к проблеме ранних миграций и расовой эволюции *Homo sapiens*) // Известия Алтайского государственного университета. 1998. Вып. 4. С. 126–136.
115. Ранние тюрки на Амуре // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1998. С. 63–66.
116. Топонимика: некоторые дорусские географические названия // В предгорьях Алтая: очерки истории и культуры [Алтайского района]. Барнаул, 1998. С. 13.
117. Структура Алтайской горной системы и номинация ее частей // География и природопользование Сибири. 1999. Вып. 3. С. 23–43.
118. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Том 1. Предыстория человека и языка. Уралыцы. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 281 с.

119. Имя кетов на ранней карте Сибири // Проблемы документации исчезающих языков и культур: Материалы Международной конференции «21-е Дульзоновские чтения» (Ч. 1). Уфа-Томск, 1999. С. 147–150.
120. Археологические культуры кетского происхождения // Там же. С. 150–155.
121. Забытые географические термины (вслед за А. Гумбольдтом) // Александр Гумбольдт и российская география: Материалы Международной конференции. Барнаул. 23–25 мая 1999 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 30–33.
122. Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Древнейшие в Сибири горные выработки на медь // Там же. С. 190–192.
123. Географическая ономастика. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 168 с.
124. Baryshnikov G.Ya., Maloletko A.M. Physiographic distribution regularities sites in the Altai area // Quaternary of Siberia (Sborník geologických věd/Journal of geological Sciences; 23; Antropozoikum/Anthropozoic). Praha, 1999. P. 199–202.
125. Еще одна версия о происхождении сихиртя // Интеграция. археологических и этнографических исследований. М.; Омск, 1999. С. 153–155.
126. Палеогеография голоцена // Экология древних и современных обществ: Тезисы докладов конференции, посвященной 275-летию Российской академии наук. 18–19 ноября 1999 г. Тюмень: Изд-во Ин-та проблем освоения Севера, 1999. С. 46–48.
127. Сибирские «белогорья» // Вопросы географии Сибири. 1999. Вып. 23. С. 29–31.
128. Памяти Григория Григорьевича Григора (к 40-летию со дня смерти) // Проблемы географии на рубеже XXI века. Томск, 2000. С. 109–112.
129. Структура руководства горнозаводским делом в России (1700–1917 гг.) // 300 лет горно-геологической службе России: история горнорудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая: Материалы региональной научно-практической конференции 14–15 апреля 2000 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 28–33.
130. Работы геологической части Кабинета Е.И.В. в Алтайском горном округе // Там же. С. 45–48.
131. Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М. Датировка древнейших чудских копей // Там же. С. 78.
132. «Колыван» как исторический топоним // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Сборник научных статей. Вып. XI. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. С. 258–260.
133. Миграции человека и языки Европы и Северной Азии // XXII Дульзоновские чтения, посвященные 100-летию со дня рождения лауреата Государственной премии А.П. Дульзона. Сравнительно-историческое

- и типологическое изучение языков и культур. Преподавание национальных языков. Часть II. Томск, 2000. С. 66–70.
134. Источники кремнистого сырья для производства орудий (эпохи камня и металла) // Экономика природопользования Алтайского региона: история, современность, перспективы. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 11–17.
135. Древние народы Сибири. Т. 2. Кеты. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 312 с.
136. Малолетко А.М., Уткин Ю.В. Минералы кремнезема, кварцевые и халцедоновые породы как сырье для изготовления каменных орудий в древности // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 12–17.
137. Границы древнекетской территории по данным топонимии // Пространство, культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 168–171.
138. Откуда вы родом, камасинцы? // География на службе науки, практики, и образования: Материалы VII научно-практической и методической конференции, посвященной 100-летию Красноярского отдела Русского географического общества. Красноярск, 26–28 апреля 2001 г. Красноярск, 2001. С. 61–62.
139. Ранние миграции и расовая эволюция *Homo sapiens* // Эволюционная биология. Т. 1: Материалы конференции «Проблемы вида и видообразование», Томск, 3–6 октября 2001 г. Томск, 2001. С. 309–325.
140. Географическая ономастика. Изд. 2-е, дополн. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 187 с.
141. Этническая карта Алтайского региона в I тыс. до н.э. (по археолого-топонимическим данным) // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Барн. гос. пед-та, 2001. С. 4–5.
142. Ранние карты Сибири (XVI в.) как источник по ее истории // Историческая наука на рубеже веков: Материалы Всероссийской научной конференции Т. 4. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 102–105.
143. Кавказские истоки древнего населения Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований: IX Международный научный семинар. Нальчик; Омск, 2001. С. 164–169.
144. Аномалии в расовой эволюции *Homo sapiens* // Эволюция жизни на Земле: Материалы II Международного симпозиума. 12–15 ноября 2001 г. Томск, 2001. С. 501–502.
145. Самодийцы – аборигены Сибири или пришельцы? // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов

- Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2001. С. 54–55.
146. *Малолетко А.А., Малолетко А.М.* Воинство Алтайского горного округа (1726–1917). Томск, 2001. 232 с.
 147. 100 лет со дня рождения исследователя Алтая М.Ф. Розена (1902–1989) // Страницы истории Алтая. Календарь памятных дат. 2002 г. Барнаул, 2001. С. 81–85.
 148. 100 лет со дня рождения исследователя Алтая М.Ф. Розена (1902–1989) // Немцы на Алтае. Взгляд в историю. Ежегодник знаменательных и памятных дат. 2002. Барнаул, 2001. С. 20–24.
 149. Топонимия мира. Уч. пособие / колл. составителей. Томск, 2002. 101 с.
 150. Топонимия Томской области. Учебное пособие // сост. Н.С. Евсеева, А.М. Малолетко. Томск, 2002. 32 с.
 151. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 2. Кеты. 2-е изд., испр. и дополи. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 286 с.
 152. Древнейшие языковые связи аборигенов Сибири // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы: Сборник научных трудов лаборатории языков народов Сибири. Т. I. Томск, 2002. С. 204–213.
 153. Расселение аринов по данным топонимики // XXIII Дульзонские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур: Материалы Международной конференции, 25–27 июня 2002 г. Ч. I. Томск, 2002. С. 28–33.
 154. Из истории гидротехнического строительства на Алее (XVIII в.) // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сборник научных трудов. Омск; Ханты-Мансийск, 2002. С. 128–130.
 155. Из «Енисейского энциклопедического словаря» // Русский язык в Красноярском крае. Красноярск, 2002. С. 146–154.
 156. Пришлое население Сибири и его этническая привязка (энеолит, эпохи бронзы и раннего железа) // Северная Евразия в эпоху бронзы. Пространство. Время. Культура. Барнаул, 2002. С. 96–98.
 157. Сибирская Лукомория – миф или реальность? (опыт палеотопонимических исследований) // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 173–188.
 158. *Баженов А.И., Бородаев В.Б., Малолетко А.М.* Владимирова на Алтае – древнейший медный рудник Сибири. Томск, 2002. 120 + VIII с.
 159. *Евсеева Н.С., Малолетко А.М.* Результаты обследования Кулайской горы в 2001 г. // Археолого-этнографические исследования в южно-

- таежной зоне Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 34–37.
160. Первая русская колония в Сибири // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 2. Барнаул, 2003. С. 84–90.
161. Тюркский этногенез в горах Южной Сибири в докаганатское время // Этнография Алтая и сопредельных территорий: Материалы Международной научно-практической конференции Вып. 5. Барнаул: Изд-во Барн. гос. пед. ун-та, 2003. С. 52–56.
162. Сибирские кеты и переднеазиатские семиты – бывшие соседи? // Сибирская старина. Томск, 2003. № 21. С. 7–10.
163. Кирюшин Ю. Ф., Малолетко А. М. Природа и человек Васюганья в эпоху бронзы // Экология древних и современных обществ. Вып. 2. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. С. 119–121.
164. Ранняя история угров // Угры. Материалы VI Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Сибири» (9–11 декабря 2003 г., Тобольск). Тобольск, 2003. С. 113–123.
165. Западная Сибирь в Малую ледниковую эпоху (1550–1850 гг.) // География и природопользование Сибири. Барнаул, 2003. С. 8–25.
166. Михаил Федорович Розен – алтайский краевед // Мудрец с душой ребенка: Материалы Научно-практической конференции, посвященной 110-летию со дня рождения В. В. Бианки. Бийск: НИЦ БГПУ им. В. М. Шукшина, 2004. С. 60–66.
167. К этимологии некоторых топонимов «Слова о полку Игореве» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. Вып. 1 (38). С. 79–81.
168. Из жизни древних людей // Томская геологическая россыпь. Томск: Изд-во научно-техн. лит-ры., 2004. С. 394–398.
169. К столетию Михаила Федоровича Розена: 1(14) ноября 1902 – 5 ноября 1989 // Михаил Федорович Розен. Геолог, исследователь Алтая, краевед (к 100-летию со дня рождения). Барнаул, 2004. С. 3–8.
170. М. Ф. Розен о сибирской Лукомории // Там же. С. 118–121.
171. Происхождение ранних тюрков // Интеграция археологических и этнографических исследований. Алматы; Омск: Наука. 2004. С. 217–219.
172. Арийцы в Сибири // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 138–141.
173. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 3. Докаганатские тюрки. Томск, 2004. 292 с.
174. Географическая ономастика. Изд. 3-е, испр. и дополн. Томск, 2004. 199 с.

175. Алтын-Коль – река или озеро? // География и природопользование Сибири. 2004. Вып. 7. С.131–139.
176. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 288 с.
177. Микротопонимия окрестностей с. Безголосово // В кн.: Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 283–284.
178. Газоносность бассейна Телецкого озера // Природные ресурсы Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2005. С. 79–81.
179. Иноязычные реликты в языке финно-угров // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Томск. 2005. С. 265–268.
180. Арии: пространство и время // XXIV Дульзовские чтения: Материалы Международной конференции 22–26 июня 2005 г. Томск, 2005. С. 110–111.
181. Ранние сибирско-причерноморские ономастические связи // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Материалы II Всероссийской конференции, посвященной памяти профессора И.А. Воробьевой. К 75-летию со дня рождения. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 37–42.
182. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 4. Арии. Томск: Изд-во «Печатная мануфактура», 2005. 364 с.
183. Происхождение тюрков // Материалы Международной конференции «Первые исторические чтения Томского государственного педагогического университета (16–17 ноября 2004 года)». Томск, 2005. С. 255–260.
184. Древний человек на Алтае (экологический аспект) // Рельеф и природопользование предгорных и низкогорных территорий: Материалы Международной научно-практической конференции. Барнаул 3–7 октября. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 197–200.
185. Расово-генетические аспекты эволюции «алтайской» общности // Эволюция жизни на Земле: Материалы III Международного симпозиума, 1–3 ноября 2005. Томск, 2005. С. 356–358.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. ЧТО МЫ ЗНАЕМ О СИХИРТЯ?	11
Внешний вид сихиртя	11
Язык	12
Этноним и этническая принадлежность	12
Топонимика	15
Быт сихиртя	16
Глава 2. ИСТОРИЯ РАННЕГО ЗАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОЙ АЗИИ	23
Глава 3. ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ ВАФЕЛЬНОЙ КЕРАМИКИ	33
Неолит Якутии	33
Поздний неолит (культуры вафельной керамики)	35
Культуры Чукотки и Аляски	44
Культуры Камчатки и культуры Алеутских островов	46
Памятники охотоморского побережья	48
Памятники Нижнего Амура	49
Культуры Таймыра	50
Культуры севера Западной Сибири	52
Культуры Кольского полуострова	68
Глава 4. СИХИРТЯ – ПОТОМКИ КУЛАЙЦЕВ?	75
Язык	75
Топонимия	77
Из истории самодийцев	80
Миграции кулайцев	82
Глава 5. КАМЧАТСКИЕ И ИНЫЕ ДРЕВНОСТИ	87
Проблема этнонима	98
Физический тип	100
Жилища	102
Глава 6. ИТЕЛЬМЭНЫ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ	117
Языковые сходжения	119
Ительменские топонимы в Сибири	121
Ительмены – уральцы?	124

Глава 7. УГОРСКО-ИНДЕЙСКИЕ СВЯЗИ (новые персонажи старой истории)	155
Глава 8. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ	162
Заключение	174
Summary	175
Resümee	175
Сокращения названий языков	176
Литература	177
Приложение 1. Публикации А.М. Малолетко по топонимике, археологии, этнологии	193

Научное издание

Малолетко Алексей Михайлович

ДРЕВНИЕ НАРОДЫ СИБИРИ
Этнический состав по данным топонимики
Том V
Сихиртя

Ответственный за выпуск Е.Е. Степанова

Редактор С.Н. Бражников
Верстка Л.К. Болотовой
Дизайн обложки В.Г. Караваев

Оригинал-макет издательства «Печатная мануфактура»

Лицензия ИД № 03931 от 07.02.2001

Подписано в печать 28.04.2006 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Печать офсетная. Бумага ВХИ.

Гарнитура Times New Roman. Печ. л. 13. Усл. печ. л. 12,09. Уч-изд. л. 11,8.

Тираж 200. Заказ № 64

ООО «Печатная мануфактура».

634055. г. Томск-55, а/я 3967.

Тел./факс: (3822) 49-31-19. E-mail: pechat@tomsk.ru

МАЛОЛЕТКО Алексей Михайлович

Доктор географических наук, профессор Томского государственного университета.

В 1951 г. окончил географический факультет Томского государственного университета.

Работал в геологических партиях Западно-Сибирского геологического управления, с 1965 г. на кафедре географии ТГУ.

Круг научных интересов – палеогеография, геоморфология, лимнология, геология бокситовых и россыпных месторождений, гидрогеология, археология, топонимика, происхождение народов Сибири.

Автор около 400 работ, в том числе более 30 монографий.

Лауреат Демидовской премии, Почетный член Русского географического общества, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.